

1968

То ревность по дому,
Тревогою сердце снедая,
Твердит неотступно:
Что делаешь, делай скорее.

А. Блок

1 января

Вчера вечером у Симоновых было шумно, сердечно и всё очень хорошо придумано: ёлка, свечи, всем подарки. Очень хороши были обе девочки и отец Ларисы, генерал Жадов. Константин создан для того, чтобы держать дом, как говорили в XIX веке. Это ему нравится, нравится хлебосольство, красивое оформление стола, домашним способом настоянные водки, участие в этих нехитрых пережитках старины новейшей техники, вроде магнитофона или передачи друг другу из сада в дом всяких «алло» или «иду на приём» через приёмник. <...>

2 января

Вчера у нас была Рита Алигер. Она приехала к Симоновым, а те всей семьёй ушли на лыжах и Рита явилась к нам. Вечером она снова пришла к нам с Симоновым. Так что весь день был окрашен и полон общением с нею. Старинный друг, тут и не могло быть по-другому. Рита горестно и горько умна. Разговор был и о её младшей дочери Маше, которая уехала со своим новым мужем, немецким поэтом в Америку, и ещё обо всём на свете! Как всегда – в одной, самой главной плоскости, которую можно определить просто: что же дальше? Когда, наконец, прервёт своё молчание так называемое руководство? Когда оно очухается, наконец, и сделает все нужные выводы: о цензуре, об интеллигенции, о судебных ошибках, о беззаконии.

Рита прочла стихи о Марине – по-моему, неудачные: нудные, вялые, без единого проблеска своего личного отношения к трагедии. В стихах есть и Медон, и Елабуга, но всё это как-то отчужденно...

3 января

Весь день читал дневники К. Симонова, запрещённые в “Новом мире”. Они давно уже у меня, и это моя вина, что только сейчас приступил к этому чтению.

Основная часть – записки первых дней войны – это прекрасная, серьёзная, безжалостная и пронизательная русская военная проза. Её живая наблюдательность бросается в глаза, шибает в нос, потрясает. Но эту прозу сопровождают комментарии, написанные уже теперь. И вот тут дело становится сложнее. Я подожду решать о них, пока не кончу всех этих, более чем двухсот страниц журнальных оттисков.

Теперь, кончив это чтение, я могу ответить решительно: комментарии ничего не усложняют. Они являются огромным событием: в литературе, в военной истории, в публицистике. Это не только попытка восстановить правду, но в очень большой мере состоявшееся восстановление. Речь в сущности об одном – Сталине, о его злодеяниях, о тогдашней безоглядной вере в него. Константин продолжает своё тяжёлое и правое дело,

как никто другой из писателей. Это продиктованная жизнью форма повествования, единственная в своём роде: записки первых дней (первых ста дней) войны и комментарии к ним, сделанные через двадцать пять лет, когда не только изменились главные исторические условия (смерть Сталина), но и сверх всего автор получил доступ к архивам, к документам, к журналам боевых действий, к личным делам тех военачальников, о которых шла речь в записках 41 года. Так что всё рассказанное получает двойной ракурс, но это не игра со временем, не ухищрение рассказчика, а нечто почти вынужденное чрезвычайными обстоятельствами самой истории.

Может быть, здесь не всё одинаково ценно и важно, может быть, найдутся кое-какие подробности, которые мало работают в общей картине. Зато важно настойчивое стремление автора реабилитировать всех, встреченных им достойных людей, которые были несправедливо осуждены, погибли с клеймом. Это стремление чрезвычайно сильно в Симонове. В сущности, это главный двигательный нерв произведения. На протяжении рассказа он нарастает.

Как известно, его дневники запрещены цензурой, и это произошло довольно давно. Можно ли понять такое запрещение, оправдать его? Ни в коем случае. Действиями подобного рода руководит один только подлый страх. Потому что все (и цензоры тоже) отлично знают: всё происходило в годы войны именно так, как описывает писатель. А боятся (и цензоры и какие-то другие начальники) кого-то третьего, якобы стоящего за их спиной. Это личность мифическая, тот самый «средний читатель», у которого нет ни лица, ни имени, ни пола, ни возраста.

4 января

Получил от Леонида Первомайского книжку его статей «Творческий будень». Заложена страница, где «Зустріч с Ролланом». Он вспоминает, как мы были в 1935 году на даче у Горького и там был Ромен Роллан. Леонид вспоминает, как я читал Роллану «Санкюлота», смешно и верно (трогательно) описывает моё чтение. <..>

5 января

Сорок лет тому назад, к началу 1928 г., поэма «Робеспьер и Горгона» была уже, безусловно, написана, переписана и где-нибудь да читана публично. Во всяком случае, в конце того года она уже вышла отдельной книжкой (после некоторых передрыг). Вообще всё это изрядно испарилось из памяти. Летом 1928 г. мы были в Париже, и я ещё предполагал, что после того, как всё увижу своими глазами, придётся что-нибудь переделать или дополнить в написанном. Ничего такого не случилось.

Сегодня я весь день выдираю из сверки I тома, сшивал, брошюровал и переплетал всю эту поэму, а заодно начал её заново иллюстрировать, чтобы завтра (в сочельник) преподнести её Зое, которой эта вещь с самого начала посвящена, а сверх того сочельник – день нашей свадьбы – тайной. Это было в 27 году. Значит, завтра сорок один год. <...>

8 января

Хотя и немного успел я сделать за день в Москве, но всё, что надо было, сделал: отдал в Гослит комментарии к Брюсовским стихам (я просто прочёл их, они составлены

другими), там же получил вёрстку своей статьи о Брюсове и там же узнал, что договор на статью о «Мёртвых душах» оформляется. В “Совписе” вручил Шиперовичу пачку французских книг, которые мне никак не нужны, а его обрадовали. Там же настоятельно и настырно говорил с Карповой (Вал. Мих. Карпова – гл. ред. изд-ва «Совпис». – Сост.) о рукописи Аси Цветаевой, о рукописи злосчастной и многотерпеливой. Не знаю, каков будет результат моей настырности, ведь она тоже уже не в первый раз пущена в ход. Там же я узнал, что книга Левина уже в типографии. Наконец, в ЦДЛ отдал свою плёнку (со съёмками нового года у Симонова). Купил «День поэзии». <...>

10 января

Внимательно читаю и вчитываюсь в “День поэзии” и сверх ожидания – вернее же сверх предвзятого недоброжелательства – нахожу много хорошего и сильного. В частности – у Мартынова, да и у многих ещё.

Но, к сожалению, характеризует сборник отсутствие многих: Евтушенко, Ахмадулиной, В. Соколова, В. Корнилова, Сосноры, да и других постарше – Берггольц, Симонова, Смелякова, Луконина, Кирсанова, С. Васильева. Нет даже Твардовского, Исаковского. <...>

11 января

<...> В “Дне поэзии” показательна по кретинизму дискуссия («Круглый стол»!) о гражданской поэзии. Это поразительное убожество! Одна только статья понравилась мне – Вадима Кожина¹: о разрушениях при строительстве Нового Арбата. Она связана со стихотворением какого-то молодого дурака, который радуется уничтожению всего этого района.

12 января

Сегодня утром пришла масса писем из Москвы. Пришёл IV том Гумилёва в нью-йоркском издании: прислал его какой-то Вадим Марковин, живущий в Праге. Пришли письма от Серёжи Постникова, Гольдича, Лиляны Стефановой, Л.Г. Багрицкой, Вс. Азарова (книжка) и ещё от кого-то.

Все эти дни я правлю вёрстку своей статьи о Брюсове и, сознаюсь, разочарован в статье, она поверхностная и неточная: в оценках, в формулировках, в языке.

На статью о «Мёртвых душах» пришла рецензия Машинского.² В общем – благополучная, указывает, что мало сказано о Констажогло и Муразове – это правильно, стоит подумать о том, как развить. <...>

15 января

Лёва Левин вернул мне последние материалы, которые застряли у него после писания книги, среди них «Книга друзей» (со стихами мне посвящёнными) и мои военные дневники. Перечитал их. Все разочаровало за исключением нескольких эпизодов в последнем дневнике 1944 г.: Западная Белоруссия – Треблинка – дивизия.³ Я записывал

наспех, мало вразумительно, почти нет живых фигур, характеристик, всё общо и вокруг своей персоны.

В «Книге друзей» предстоит сделать дополнения: Гамзатов, Смеляков, Арго⁴... Ни у кого из современных поэтов нет и не может быть такого собрания. Да и такой балерины не найдёшь! Это означает, что я поэт, каким должен быть поэт по Элюару: «Поэт – тот, который вдохновляет, больше, чем тот, который сам вдохновлён».

Дописал два абзаца к «Мёртвым душам» (в ответ на рецензию Машинского).

16 января

Весь день был в Москве на отчётно-выборном партийном собрании. Доклад Сутырина⁵ - умно составленный, скользкий, но совсем не скучный и не казённый – с главной задачей сделать хорошее лицо в плохой игре. Он коснулся всего, чего можно было ждать от докладчика: и процессов, и писательских писем, адресованных руководству и попавших за рубеж, и Главлита, и партийного руководства литературой (с цитатами из Ленина и т.д.), – но формулировки при этом были удобные, приемлемые для всех. Беляев довольно рьяно и эмоционально убедительно ратовал за возможность осведомлённой контр-пропаганды. Очень хорошо говорил Свирский⁶ – между прочим, о том, что изданная за границей книга Гинзбург-Аксёновой⁷ является прекрасным ответом на книгу Светланы Сталиной. Михалков говорил, как бюрократ средневысшего типа. Я дико устал и в шесть часов смылся на Пахру. <...>

17 января

Сегодня днём неожиданно приехал Владимир Михайлович с ужасным известием. Жена композитора Эдика Колмановского⁸ погибла в автомобильной катастрофе. А Эдик Колмановский, племянник Вавы Вагриной, вернее, племянник её первого мужа, расстрелянного в 1937 г. Так что событие тяжёлое, принимая во внимание судьбу самой Вавы и её давнишнюю дружбу с Зоей. Зоя сейчас же сорвалась и поехала в город. <...>

18 января

Два дня тому назад в “Известиях” была напечатана статья, будто бы проливающая свет на процесс Гинзбурга и др.⁹ На самом деле она проливает свет на махинацию, к которой прибегли следственные органы затем, чтобы сварганить всё это «уголовное» дело.

Шпион, который приехал из-за рубежа специально для связи с подсудимым и подоспевший прямо к началу процесса, к тому же тут же схваченный с поличным – всё это, конечно, подстроено у нас. Белые нитки видны невооружённым глазом. Все четверо подсудимых сидят под замком уже 15 месяцев. Спрашивается: какую связь с ними должен был организовать шпион? У него нашли их фотографии. Спрашивается: зачем ему нужны эти фотографии? Чтобы искать в огромном городе с многомиллионным населением этих неизвестных ему людей? Такими несуразными, якобы достоверными подробностями полна вся эта статья. Это самая низкопробная липа, какую только можно выдумать. Детектив в духе Ардаматского.¹⁰ Обмануть, замазать щели беззакония, подвести иллюзию почвы под обвинение – всё это подготавливалось 15 месяцев тупыми и хладнокровными

«органами». И вот – результат. Постыдный. Цель этого тоже ясна: сделать из этих юношей уголовных преступников, а не политических. Это не удалось!

19 января

Я приехал в Москву для того, чтобы вечером принять участие в вечере Беллы Ахмадулиной. Оказалось, что вечер то ли отменяется, то ли переносится. Оказалось, что и завтрашний её вечер у художников тоже отменяется. Совпадения быть не может, это значит, что распоряжение отменить оба вечера было сделано откуда-то свыше, а откуда именно – из ЦК или «органов» или даже Московской организации писателей – это совершенно всё равно, потому что все эти (и любые другие!) организации срослись между собою в одно ненормально рыхлое, тусклое, глухонемое целое с одним только отличительным признаком: С Т Р А Х.

21 января

Вчера вечером Костя Симонов приехал к нам предупредить, что сегодня приедет сюда вьетнамский поэт. Я понял, что это Гуи Кан, о приезде которого из Кубы я уже знал. И он действительно явился в 11 часов с переводчицей. Он был у меня здесь ещё в 1962 г. Из всех моих вьетнамских знакомств и дружб Гуи Кан удержался дольше всех, потому что он чаще других бывает в СССР. После моей поездки во Вьетнам в 1958 году прошло десять лет, а Гуи Кан уже третий раз у нас. Он милый и складный человек: непритязательный, неприхотливый; когда угощают, ест с удовольствием, довольно весёлый. Трагедия войны не написана на его оживлённой смешной мордашке. А между тем он, безусловно, талантливый поэт. Я кое-что перевёл из его стихов ещё 10 лет назад и с удовольствием переведу сейчас две новых его вещи. Очень хочется и вполне могу сделать небольшой сборник вьетнамской поэзии. <...>

22 января

Ещё один современный немецкий роман (ФРГ) – Кр. Гейслер «Запрос». Выход его у нас, да ещё в “Молодой гвардии”, да ещё рядом с «Бабьим Яром» Кузнецова в той же “Молодой гвардии” – значительный показатель. Оба произведения посвящены в основном трагедии еврейского народа во второй мировой войне; и немец и русский сходятся в теме, в выводах, в своём **запросе**. Запрос Гейслера обращён к отцам: герой романа, молодой физик, расследует дело давно минувших дней (роман вышел в 1961 г.), расследует участие своего отца, уже умершего, в злодеяниях фашистов. Сюжет запутан, но в пределах жизненного правдоподобия, это запутанность естественная. Есть и болезненное, многое вертится вокруг психиатрии.

Но вот интересная загадка! Почему именно теперь, во время событий на Ближнем Востоке, войны Израиля с арабами, издана эта книжка? В выходных данных указано, что она «подписана к печати с матриц в ноябре 1967 г.» Это значит, что на какое-то время выход её задерживали. Должна она была выйти по плану в 1966 г. Это гипотеза! – Поддерживая арабов против Израиля, мы хотим (задним числом) продемонстрировать своё «беспристрастие» по отношению к еврейскому народу.

23 января

Вчера заходил к нам Симонов и взял, наконец, свои дневники и комментарии к ним, о которых здесь было много написано раньше. Он готовит несколько своих книг – журналистику тех лет, статьи по литературе, а в дальнейшем рассчитывает печатать и какие-то части своей переписки с разными людьми. Я позавидовал тому, в каком порядке и в какой сохранности его громоздкий архив. Прежде всего, от всех писем, которые он кому бы то ни было посылает, сохраняются копии (все на машинке). Это многотомное тщательно сбережённое богатство. Сколько в жизни (особенно за последние 20-25 лет) я написал писем всяческим молодым, да и не очень молодым, но мне и в голову не приходило фиксировать, копировать для себя эту огромную переписку. Теперь я убеждён, что это стоило делать.

24 января

Вчера вечером с большим удовольствием посмотрел всю четвёртую программу телевидения, особенно ленинградского актёра Юрского, читавшего первую главу Онегина. В противоположность всем другим чтецам (включая и Яхонтова), Юрский замечателен тем, что он чтец только во вторую очередь, а в первую – актёр живой, темпераментный, с юмором и мыслью, которую всегда подаёт отчётливо и ярко. Масса верно и естественно найденных кусков. Особенно хорошо об Италии, о путешествии, о том, чтобы вырваться на свободу из России. Это значит, что Пушкин с его судьбой до конца прочувствован современным русским актёром. Пушкин для него не мёртвый классик, а живой и страдающий человек. Кроме того, Юрский – умница не в пример многим другим актёрам. В нём нет никакой дешёвки, он и работает не для дураков.

«Я хочу, чтобы меня понимали только люди, созданные для музыки... Искусство – это привилегия, притом дорого стоящая; скольких несчастий, скольких глупостей, скольких дней глубокого уныния она стоит». Стендаль. (Записал на всякий случай).

25 января

Мне не спится, проснулся в 5 часов утра, сел читать писателя, которого обожаю – Герцена, «С того берега». Начало – знаменитый разговор на пароходе. Всё это могло быть написано и сегодня, и завтра, и вообще никогда не устареет. Это главная проблема в становлении культуры. Там же, в самом начале, в предисловии – изумительная выписка из Карамзина.

«Может быть, они погрузились в вечность, и несколько раз сиял день в умах людей, и несколько раз ночь темнила души, прежде нежели воссиял Египет. Египетское просвещение соединяется с греческим. Римляне учились в великой школе.

Что же последовало за сею блестящей эпохой? Варварство многих эпох. Медленно редела, медленно прояснялась эта глухая тьма. Наконец, солнце наук воссияло... Но вдруг небо дымится, и судьба человечества скрывается в грозных туманах! О потомство! Какая участь ожидает тебя?»

Это написано в самом конце XVIII века, в разгар французской революции. И Карамзин¹¹ кончает свою тираду: «... Вечное движение в одном кругу, вечное повторение, вечная смена дня с ночью и ночи с днём...»

И Герцен пишет об этих словах: «... выстраданные строки, огненные и полные слёз». В 1849 году он чувствовал то же самое. За тридцать лет до XXI века мы находимся, очевидно, в гораздо более худшем положении, в несравнимо худшем. Конца разрешения мы уже не увидим. Я – во всяком случае. <...>

27 января

После посещения Гуи Кана в довольно спешном порядке заканчиваю перевод его поэмы, который начал много лет назад, после его предыдущего приезда. По-моему, это вещь интересная, задуманная по-своему и необычно: В ателье старика-фотографа оживают его старые снимки; соответственно протекшему времени, они стареют, дети становятся взрослыми и т.д. Вся эта игра даёт возможность автору показать и судьбы его земляков и историю страны. Вообще, повидимому, Гуи Кан – самый талантливый из современных поэтов Вьетнама. У него острая выдумка и вкус.

У нас гостит Владимир Михайлович. И это означает массу мелких ремонтов и прочего по дому, которые он прodelывает в минимально короткое время. <...>

28 января

Недавно вышла книжка шотландских сказок и легенд, кажется, впервые на русском языке. В ней иллюстрации Кипсы. Первая сказка о Томасе Лермонте, попавшему в замок фей, ставшему великим поэтом и получившему от фей дар правдивости и пророчества. Кажется, один только раз – у Владимира Соловьёва¹² – была использована эта сказка в рассказе о Лермонтове. А между тем, здесь очень многое полно значения и просится как заповедь в таком рассказе. Может быть, следует продолжить мой цикл рассказов о Лермонтове, тем более, что в каждом из них есть элемент сказки, чудесного. Вернее – не продолжить, а начать сначала, с того же Томаса Лермонта, с юношеских (отроческих) мечтаний Лермонтова:

На запад, на запад помчался бы я...

29 января

Ещё утром кончил с божьей помощью поэму Гуи Кана. В конце я кое-что сократил, но, кажется, на пользу целому. Руководствуюсь старинным театральным правилом – возможно скорее опускать занавес в пятом акте, когда зрителям и без того всё ясно, и все спешат в раздевалку за калошами. В поэзии и в литературе действует тот же праведный механизм.

Из издательства АПН мне прислали статью Адалис¹³ для какого-то сборника, предназначенного «на экспорт». Статья называется «Муза, кво вадис?» (Куда ты идешь, Муза? Пер. с лат. – Сост.) и трактует проблему будущего поэзии. Статья интересная. Я написал о ней благожелательно и рекомендую статью для нашей советской печати, в частности, для «Литературной газеты». Идея отдельной литературы «на экспорт» мне чрезвычайно отвратительна. Всё это честно изложено в моём отзыве. Надеюсь, что убедительно. За последние годы никогда не знаешь, какими руками и чьими мозгами делается у нас то или другое дело. В большинстве случаев мозги бараньи, а руки и того хуже.

30 января

У Гюго было непрестанно бодрствующее авторское чувство истории. Он бывал загипнотизирован датами, их совпадением, их кажущейся перекличкой. Он был недалёк от того, чтобы счесть такие совпадения своеобразной символикой, выражением таинственного мирового ритма. Он был первым таким человеком в европейской культуре. За этим последовало такое явление, как Шпенглер, построивший здесь всю свою философию истории, а то и Хлебников, математик и мистик.

Гюго был застрахован от таких призраков своим здравым смыслом, наследием XVIII века, своей латинской логикой и главное – чувством меры поэта, артиста, художника. Но когда он сам называл себя «магом», то, очевидно, вкладывал в слово «маг» очень широкое содержание, выходящее за пределы языка и ритма, которыми он действительно владел магически. Речь шла о чём-то большем.

31 января

В течение двух дней – 31-го и 1-го – происходил Пленум Совета художественного перевода. Съехались люди из республик, среди них были интересные и милые. То, что говорится на таких совещаниях, меня всегда так или иначе занимает. Это разговор серьёзный, без дураков, весьма квалифицированный и лишённый всякой писательской вульгарности и спеси. Это прямое дело, и притом не только личное, но и общественное. Всё это относится к особенностям переводческого жанра, а также к характеру тех людей, которые выбирают его для себя. Через день после этого Пленума я заболел гриппом.

3 февраля

Был у меня некий юноша с коллективным письмом «наверх», которое я тут же подписал, недолго думая и даже не задавая себе вопроса: насколько может принести пользу ещё одна несчастная коллективная защита четырёх осуждённых молодых людей, наверняка ни в чём решительно неповинных, кроме как в своей потрясающей наивности. Об их судьбе уже более месяца кричит весь мир. А наши – хоть бы хны – хранят своё деревянное (или железное) спокойствие идолов. Русская история всегда равна самой себе.

4 февраля

Был у меня Володя Медведев, художник из “Сов. писа”, делающий мою новую книжку стихов. Мои собственные мысли насчёт её оформления весьма неопределённые, скудные, и у него нет плана. Книжка называется «Повесть временных лет», т.е. перекликается с названием русской летописи. Была мысль воспроизвести на обложке каким-нибудь особенным способом миниатюру, изображающую двух летописцев – один против другого. Насчёт «особенного способа» Медведев как раз мастер, он изобретателен и по-своему смел.

Он вообще очень хороший парень. Женат на Гале Арбузовой, чрезвычайно хорошенькой девушке, приёмной дочери Паустовского. Сейчас Володя, сверх всего прочего, – слуга, оруженосец, секретарь, шофёр и фельдшер этого замечательного

старика, тяжело больного, не вылезавшего из инфарктов, но, видимо, обладающего какой-то особой жизненной силой, волей к жизни. Володя поставил себе целью – служить старику.

5 февраля

Я прочёл всего Чаадаева. Он у меня в старом издании под редакцией Гершензона. Два очень неудобных тома. В первом собрано всё, что осталось. Во втором переводы иностранных текстов. Поскольку Чаадаев почти всё написал по-французски, неудобство выходит сугубое.

Человек он, наверно, очень замечательный, но и странный, да и не только странный, а какой-то недоделанный, чуть жалкий в мелковатости своей, которая как-то уживается с этим широчайшим историческим кругозором, с самостоятельной и дерзновенной мыслью. Но, кажется, ни с кем русское правительство не поступало так карикатурно-трусливо, как с Чаадаевым!!

6 февраля

Отдал перевод Гуи Кана («Фотограф») в “Дружбу народов”, и вещь принята. Приняты кое-какие стихи (из новых, не ранние) в “Октябре”. Кроме того, в февральском номере “Юности” должна быть напечатана статья Левина о «Сыне». Конечно, лучше бы в 1967 году летом – двадцать пять лет со дня гибели Вовы. Но если статья выходит к 50-летию нашей Армии, в этом тоже свой резон и своя сила. Я куплю много номеров журнала и многим разошлю. Там будет и фотография Вовы.

Но как было бы хорошо, если бы автором статьи был Лев Озеров или Огнев. Бедный Лёва Левин: его старанье, добрая воля, благородство, – всё это в наличии. Но при этом он не умеет читать поэтические произведения. Не вникает в суть, занимается всем вокруг да около, всякими мелочами... Это очень занятный по-своему случай: человек пошёл не по своей дороге...

7 февраля

В президиум вечера В. Шкловского я послал письмо такого содержания. Я люблю В. Шкловского в течение стольких лет, которые уже и сосчитаны не могут быть. Люблю его и люблюсь им. Перечитываю все его книги от таких ранних, как «Письма не о любви», вплоть до недавнего тома биографии Льва Толстого, которая завершает его давнюю работу. Здесь Виктор Борисович, как мудрый стратег, выслал в далёкое прошлое дозорные отряды, расставил их в нужных местах, чтобы проследить дорогу гения. Эта книга – наша классика, хотя В.Б. терпеть не может классики, и я разделяю его отвращение к этому термину. Я обожаю ум Шкловского – подвижный, деятельный, экспансивный, эксцентрический, насмешливый и неуживчивый – ум следопыта и первооткрывателя. Оружие любимейшего рода у него – литературоведение. Но он никак в нём не умещается, будучи разрушителем всех классификаций и номенклатур.

Как же назвать Шкловского сегодня? Конечно, он АГИТАТОР, ГОРЛАН, ГЛАВАРЬ – рядом с Маяковским, рядом с Эйзенштейном¹⁴. Вот где его настоящее, прочно им завоёванное место – в самом первоклассном, первостепенном ряду нашей

культуры. Дальше о том, как он спорит сейчас с самим собою, как оспаривает им же изобретённое понятие «остранения». Читала это всё Агния Барто, говорят, что хорошо читала и что вообще всё было на высоком уровне.<...>

9 февраля

Оглядываюсь назад на сделанное мною за последнее время, за полтора-два года. Прежде всего, поэтическая книга, которая уже в производстве, отделившийся от меня полностью кусок жизни. Здесь больше всего заметна трёхчастная поэма, начатая в июле 66-го года и конченная в ноябре-декабре 67-го. Все стихи в разделе «ранние», сделанные в сущности заново, включая сюда и «Венок сонетов». Далее идут прозаические вещи: «Сказка про скомороха» и две сказки про «Орфея». И, наконец, статьи – моё безусловное торжество: статья о Марине, (начало 1966 г.), о её театре, (конец 1967 г.). о Брюсове, (1967) и главное достижение – «Мёртвые души» (самый конец 1967 г. и отчасти последние дни). Еще о Смелякове, о Тихонове... Есть и ещё статьи и выступления в печати, которые были важны – «Некоторые итоги» в июле 66-го, интервью в “Вопросах литературы”, статья о поэзии в “Лит. газете”. Еще и переводы: Аполлинера, Сандрара, Кокто, – всё это для французской книги. И сейчас – Гуи Кан. Это означает, что я не зевал, не дремал ни одного дня, не сдавался старости.

10 февраля

Похвалить себя – самое дешёвое и самое скверное дело. Поскольку все эти страницы являются сплошной оглядкой назад, то продолжаю разговор о своей продукции. Она внешне импозантна и, наверно, действительно прилична и солидна. Однако, она вся в целом и в частностях (кроме ранних стихов) есть разработка старой руды, без прорыва в новую область. Попытки прорыва (проза сказок) прерваны где-то на полуслове. Что же касается трёхчастной поэмы вместе с её заключением – то она моя неудача, моё горе. Главное выпало из неё. Её герой (лирический, т.е. попросту я сам, автор) есть негодная фикция, построенная на фигурах умолчания, «остранения», отодвигания на задний план (почти всегда бессознательно). Как это случилось? Не лгу ли я сам себе, говоря «бессознательно»? Не было ли тут дурного умысла? Может быть, на поверку я просто боялся распространяться о себе, боялся, что покажу во весь рост и в подробностях себя, П.Г.А., как некое ничтожество и убожество? Может быть, в глубине души я убедился в этом, завершая в конце 66 г. первую главу. «Кто же “Я” – чёрт или автор или тень в театре теней?» – это было столь искреннее недоумение, без тени романтической иронии.

11 февраля

Сейчас мне предстоит задача интересная, благодарная: написать для журнала “Работница” несколько страниц об Ольге Берггольц. Я о ней много думал и очень её уважаю, даже и люблю, несмотря на многие признаки её поэтической неряшливости. У кого-нибудь другого, кроме Берггольц, эта неряшливость меня раздражала бы крайне, даже заставила бы отвернуться, не замечать (нарочито или невольно) такого поэта. С Берггольц всегда обстояло по-другому. Ей всё прощается, настолько бесспорно внутреннее излучение. Излучение и моральная правда. Все эти определения суть

псевдонимы искренности, которая бьёт через край, и в конечном счёте она – чёрный хлеб всякого искусства, его почва, и цветок, растущий на этой почве. В статье я начну с великого города, которого Ольга оказалась лучшим, если не единственным, поэтом в середине XX века. Города, который всегда волновал русских поэтов, всегда был их колыбелью. <...>

14 февраля

Начал было с раннего утра писать о Берггольц, но дело оказалось труднее и сложнее, чем я предполагал. А причина очень проста: я её недостаточно знаю. Нельзя писать о поэте, если не знаешь наизусть хотя бы одного его стихотворения, хотя бы несколько строк. Это закон первоначальный и простейший. Есть, наверно, и ещё причина: крайняя моя несобранность всех этих дней – то ли жду чего-то, то ли тревожусь – не знаю...

16 февраля

Кончил статью о Берггольц. Кажется, в целом она получилась. Но вот сейчас читает её Зоя и натывается на самые дикие неграмотности, которых я не заметил. Очевидно, завтра мне предстоит перепечатать всё с начала до конца.

Прочёл статью Левина в “Юности” и удивительное дело! – она понравилась мне чрезвычайно: вся, каждым словом, и каждым своим поворотом. Это удивительно потому, что в течение двух с лишним лет я всё время внутренне не соглашался с бедным Лёвой, может быть, в чём-то и мешал ему, стеснял его в какой-то мере. Впрочем, раскаиваться тут особенно незачем. Мы оба работали над одним, а в работе всегда бывают трения. Что же до моей тревоги, то ведь она тоже немалая и обоснованная, потому что кровная.

Читаю Фолкнера, и это тяжёлое занятие – прежде, чем «входишь» в его повествование, увязаешь в каждой фразе, в придаточных, в нарочитом синтаксисе, в нагромождении ненужного хлама вроде рваных автопокрышек, пустых ящиков из-под минеральной воды... <...>

20 февраля

В “Сов. писе” прочёл почти всю вёрстку книги Левина. Кажется (тьфу-тьфу, не сглазить!), она всё-таки удалась. Наши разногласия теперь как-то не вспоминаются. Это живая, искренняя речь, полная многих очень интересных сведений, фактов, сближений. Ну, дай бог!

В Гослите получил деньги за «Мёртвые Души» (как Собакевич, что ли?), долго говорил с редакторшей классики и подрядился ещё на три статьи: к двухтомнику Марины, к «Петербургским повестям» Гоголя, к «Петербургу» Белого. Но это в будущем, более или менее далёком. Сейчас для той же редакции я должен расширить и обновить статью о Лермонтове.

В ЦДЛ обедал с В. Орловым и Саввой Головановским. Зоя уклонилась от этого. Сначала к нам подсел Данин и рассказал занятные вещи о новых поисках и находках в химии. Вскоре Данин ушёл, но явилась вдова Маркиша Эсфирь с младшим сыном,

чрезвычайно бойкая, бодрая, пронзительно практичная особа. Оживлённый разговор о заграничных поездках, круговых билетах и прочем. <...>

22 февраля

Проходят дни и годы, минуют и другие, более продолжительные сроки, но стоит мне хотя бы случайно или ненароком раскрыть Герцена, даже любой его том, и меня охватывает всегда одно и то же волнение, одно и то же ощущение величия этой судьбы, этой фигуры, этого таланта, этого стиля – жизненного и литературного.

Я знаю только трёх во всей русской культуре по-своему равных друг другу: ПУШКИН, ГЕРЦЕН, БЛОК. Так обстоит дело для меня. Общее в них – обострённое чувство истории. У Пушкина оно врождённое. У Герцена – возвращено и воспитано его прямым участием в современном ему историческом процессе. У Блока выросло в нём изнутри как результат и следствие пережитой им эпохи. Но в каждом из этих трёх случаев необходимо было и самому данному человеку удостоиться нести в себе этот жар, эту ношу. О Герцене можно говорить и думать ещё без конца. Когда-нибудь я ещё надеюсь написать о нём – связно, горячо, доказательно, заново перевернуть все ходячие представления о нём.

23 февраля

Утром явился Твардовский в самом тяжёлом и печальном из своих состояний. Он принёс четвертинку и при помощи Зои (я не в счёт) быстро её раскулачил, после чего Зоя выставила Гамзу. Он очень быстро опьянел ещё больше, чем был. Какие-то совсем нечленораздельные попытки выразить неизвестно что – мрачное, грустное, отчаянное. Между прочим сообщил, что мою статью о «Мёртвых Душах» почти наверняка «зарезут». Я хотел уточнить – его ли это личное предчувствие или он где-то справлялся, но он то ли не понял, то ли сам не захотел ответить.

Написал вставку в статью о Гюго для Гослитиздата, для книжки его лирики. Статья о Берггольц уже находится в редакции “Работницы”. Сотрудница что-то лепетала, сокращала часть сказанного о «Дневных звёздах». Я очень резко (слишком, может быть, резко) оборвал её, что не согласен ни на какое сокращение – пускай, дескать, лучше совсем не печатают. Это ошибка с моей стороны, потому что сотрудница объясняет сокращение только тем, что недавно у них уже было много о «Дневных звёздах».

24 февраля

<...> Сегодня, после долгих сборов и колебаний, я написал вчерне статью, давно задуманную, об одной дискуссии, прошедшей в “Дне поэзии” – о гражданской поэзии. Дискуссия больше, чем глупая, она уродливая и с головой выдаёт состояние критики – её теоретическое убожество, её трусость, да и не трусость даже, а просто отсутствие мысли. Я написал более раздражённо, чем хотел. Предстоит убрать это излишество, отжать запальчивость. Чем спокойнее и строже будет тональность, тем сильнее окажется статья. Она предназначена для “Лит. газеты”, которая давно ждёт её от меня.

25 февраля

Сегодня утром приехал ленинградский литературовед, Дмитрий Резников, с которым я виделся один раз в жизни – в Ленинграде в 1963 году у Эткинда, а потом изредка с ним переписывался. Этот человек взял темой своей диссертации на кандидата наук «Пушкин у Антокольского» – в стихах, в прозе и т.д. Первый остов этой работы он давно прислал мне. Сейчас он вернулся с конференции в Коломне, где делал доклад на эту тему. Пробыл у нас весь день. Он, кажется, славный парень. Хотя и отравлен множеством жизненной горечи, нажитой рано и скопившейся к тридцати шести годам в избытке. Чем и как могу помочь этому человеку, я ещё не знаю. В помощи в работе над «моей» темой он, в сущности, не нуждается, потому что мыслит самостоятельно, здрав и творчески не похож на Льва Левина. Моя помощь ему – разве что в библиографии.

26 февраля

Прочёл отрывки из фронтовых дневников М. Матусовского, напечатанных в “Лит. России”. Это прекрасно. Прежде всего потому, что очень умно отобрано и подобрано одно к другому: несколько, три-четыре эпизода-новеллы страницы на полторы – плюс совсем короткие отрывочные записи в несколько печатных строк. Но в каждой из таких капель отражается война, фронт, не только своим страшным или трагическим, но и через умиление, нежность, жалость и особенно через юмор, который, честное слово, есть лучшее достояние человечества!

Да и крупные новеллы очень хороши – о хирурге, который внезапно оказался двоюродным братом автора, или про сон на койке лётчика, причём оказалось, что Матусовскому, ничего не знавшему, приснились обстоятельства гибели лётчика – хозяина койки. Словом, это первый сорт русской прозы. И в отношении языка тоже.

Куда там мои жалкие записи! Как мало в них содержания, как мало войны, понимания событий и людей на войне. <...>

1 марта

В “Лит. газете” статью мою приняли хорошо, но предложили дописать, высказаться самому о гражданской поэзии, сделать это широко, не ограничивая объёма. Сегодня с утра набрасываю это добавление, оно облегчено тем, что в сущности я только и делал все эти годы, что «определял» свою позицию вообще в поэзии и в гражданской особенно. Значит, мне следует подвести итог всему, что было говорено раньше, и сформулировать его сжато, без иносказаний.

2 марта

Вчера – так же, как третьего дня – у нас был Твардовский. Он опять в самом своём плачевном состоянии, но на этот раз принёс с собой четвертинку, вчера – даже две. Мы оба спали, и бедняга привлёк к выпивке Владимира Михайловича. Потом я проснулся и ещё долго сидел с Сашей. Кое-что он ещё мог выразить в словах – небольшое, печальное: о

журнале, о «руководстве», о ничтожном поведении Фебина... Конечно, не будь всех этих причин и поводов, Твардовский всё равно был бы жертвой своего недуга, но было бы как-то легче и менее страшно за него.

4 марта

Статья для “Лит. газеты” готова. В ней восемь страниц вместо прежних пяти. Я старался вывести более или менее точную и наглядную формулу гражданской поэзии. На любом русском, досоветском материале это очень просто сделать, поскольку настоящая гражданская поэзия всегда противостояла поэзии патриотической любого характера от тезоименитской вплоть до разудало славянофильской. Советская поэзия почти с самого начала спутала это резкое противопоставление – хотя бы блоковскими «Скифами». Дальше пошло ещё сложнее и путаннее. Но в годы Отечественной войны всё встало на место, и вся наша поэзия сплошь стала гражданской.

По-другому, более болтливо и, может быть, менее резко я изложил в статье. Важно, чтобы она прошла такой, какая есть. Редакция “Лит. газеты” пугает меня. Хотя те, с кем я имею дело, ругаются, что всё можно и всё будет в порядке.

5 марта

Вчера вечером был приём во Французском посольстве по случаю приезда министра по культурным связям. Пожилой, несколько располневший мужчина, совсем непохожий на того Мальро, который был на I съезде писателей в Москве в 1934 году. В салонах особняка на Якиманке тесно и пестро, кого только нет: Катаев, Кирсанов, Рита Алигер, Лиля Брик, Хренников¹⁵, Сурков, Виктор Некрасов, историк Манфред¹⁶, Тышлер¹⁷, скрипач Коган¹⁸, Катала – друг Ж. Р. Блока – это те, с которыми я как-то общался, но ещё знакомые и полузнакомые... Маленькие пирожочки, апельсиновый сок, коньяк и шампанское. На столах – свечи, очевидно, для прикура, а не из снобизма, потому что электричество горит всюю.

6 марта

Едва въехав на двор дома, я увидел человека средних лет на скамейке. Он вскочил. Оказывается, ждал меня. Ссылается на ещё довоенное знакомство, но я, конечно, ничего не помню. Зовут его Илья Евгеньевич Ульштейн. Он составил композицию – монтаж из стихов Есенина, просит помочь советом, а может быть и помочь протолкнуть это на радио. Поднимаемся наверх. Он прибавляет: «Могу вам помочь всячески в отношении радиоприёмника, телевизора». Я хватаюсь за это предложение и едем с ним в магазин на Комсомольском проспекте, где имеется единственный экземпляр ультра-современного телевизора с большущим экраном – «Рекорд» номер такой-то. Стоит 426 р. Плачу и тащим непомерную тяжесть в машину. Вот она уже на Пахре.

7 марта

Не надо в каждом волшебнике подозревать обманщика и шарлатана. Не надо в каждой сказке подозревать социальное содержание. Надо в каждом волшебнике уважать его тайну. Надо в каждой сказке любоваться её прелестью.

В определённый срок жизни, но отнюдь не в ранней юности, у человека вырабатывается мировоззрение. Исторический (диалектический) материализм, принятый мною исключительно на веру в определённый срок, отравил мой мозг, исказил перспективу прошлого и будущего и всему на свете дал предвзятые объяснения, которые в сущности ничего не объясняют. Отсюда не следует, что материализм – плох. Может быть, и наоборот – я плох. Но это не меняет дела. И отсюда вывод: может быть, любое мировоззрение, каким бы оно ни было, каким бы заманчивым ни представлялось поначалу, – есть ненужный придаток к картине мира, открывающейся нашему «воззрению». Зачем нужна эта искусственная двояшка – мировоззрение? Кажется, всё это писал Кифа Мокиевич.¹⁹

8 марта

Илья Евгеньевич Ульштейн, помогавший мне покупать телевизор, оставил свой монтаж о Есенине и вступительное слово на 52 страницы машинописи. Монтаж среднего качества. Пейзажи – лирика Есенина, распределённая по четырём временам года, – должны свидетельствовать об его патриотизме – дело безвредное, маленькое, бог с ним. Но статья малограмотна, в лучшем случае повторяет общие места из других статей. В ней нет ни трагедии Есенина, ни его гибели: жил паренёк с русыми кудрями, пел свою Россию, а потом перестал этим заниматься. Вот и вся недолга... Скучно на этом свете жить, господа!..

9 марта

Я получил от некоего Григоренко Петра Григорьевича²⁰ объёмистый пакет, а в нём письмо ко мне и рукопись – 50 страниц на папиросной бумаге. Письмо короткое, лестное, требовательное. Рукопись под копирку рассылается многим учреждениям и лицам, среди них – некоторым писателям. Рукопись грозная, негодующая, с доказательной полемикой с оппонентами. Итак, ещё одно подпольное произведение, обречённое на то, чтобы очутиться за границей. Ещё один акт «переписки с руководством». Григоренко называет себя специалистом в военном деле. Наверно, так оно и есть, потому что аргументация его просто убийственна! Да, это ещё один акт переписки... Бутылка, брошенная в Великий или Тихий океан абсолютной немоты. У таких бутылок один только расчёт – на историю, которая ответит на всё и за всё, всем и за всех.

10 марта

Вчера у Константина Симонова длинный разговор с ним на разные современные темы. Он утверждает, что есть перемены к лучшему, к либерализму. Например, десять лет тому назад Союзу писателей было приказано исключить Пастернака, и его исключили чуть ли не единогласно (при одном воздержавшемся). А сейчас в ЦК даже не заикаются об

исключении Солженицына: бояться, что номер не пройдет. Ещё при Сталине, когда Союз писателей не утвердил исключение несчастного Регинина за какие-то ошибки при редактировании Демьяна Бедного, Суркова вызвали в ЦК. «Вы что, дескать, хотите, чтоб арестовали этого Регинина?!»

И Регинин был исключён, а вскоре после того умер. Константин толком не знает, кто такой Григоренко, хочет прочесть.

Он тоже в скором времени станет дедом: Алёша²¹, его сын, вторично женился на очень милой актрисе из детского театра Ольге Бган. Я её давно знаю.

Насчёт «бутылок, брошенных в океан» мне хочется написать стихи, в которых подспудный смысл тоже проступил бы достаточно ясно, но его прикрытие было бы безупречным в отношении цензуры. Это даже не Эзопов язык, а Герметизм, как у итальянцев.

11 марта

Вчера вечером пришли Константин, Лариса, её отец и ещё один парень, который был у них под новый год, по имени Борис, старый друг семьи Жадовых. Заходил Миша Матусовский. У них с газом полное блаженство. Разговор о книге Семёна Гудзенко, которая будет в “Молодой гвардии”. Это большой, очень солидный том, в нём и стихов тысячи три, и записные книжки, и письма его и, конечно, из неизданного, а сверх того – множество воспоминаний о нём. Мне надо написать для книги большую статью, для чего сильно расширить ту, которая имеется в «Путиях поэтов». Разговор об этом предмете с Ларисой.

Надо ли говорить в статье о драме 1949 года? Или о предшествующем времени, сразу после войны? Первое совещание молодых при ЦК ВЛКСМ. Наскоки на моих друзей: Гудзенко, Межирова, Луконина и др. Стремление расколоть нас. Всё это очень стойко держится в моей памяти. Лариса считала, что следует говорить о 1949 годе. Я предложил открыть более ранний счёт – сразу после конца войны. Да ещё неизвестно, как отнесётся ко всему этому “Молодая гвардия”, ведь это тот же ЦК ВЛКСМ!

Интересны подробности относительно Григоренко. Он генерал-майор и уже не однажды выступал в таком же духе. На процессе 4-х подрался с милиционером.

12 марта

В этот день я долго сидел в Гослите с Олегом Лозовецким над рукописью моей французской книги. Необходимо сократить её объём на 3000 строк. Я сократил на две тысячи – надеюсь, этого хватит! Книга идёт в производство в мае с тем, чтобы она была готова к выпуску в самом начале 1969 года. Это желание самой редакции. В оформлении она будет точно соответствовать моему двухтомнику, т.е. окажется подобием третьего тома. Долго гадал и прикидывал название. Моё предложение: «Панорама» не проходит: дескать, какая же это панорама, коли нет таких-то и таких-то (Ламартина, парнасцев, ещё не знаю кого). Мне неожиданно пришло в голову «Медная лира» – по заглавию знаменитого стихотворения Барбье. Отсюда пошли мысли, как строить новую вступительную статью. Надо сейчас же приниматься за неё. В “Лит. газете” соответствующая редакция в восторге от моей статьи, но даже не удосужилась (за неделю) напечатать её на машинке! Это хамство.

13 марта

Сегодня в “Сов. писе” вычитал всю рукопись своей книги, вновь напечатанную на машинке. Она уже идёт на подпись в печать, т.е. начинается ещё стадия обычных мытарств. После многих наших общих предположений и решений В. Медведев сделал оформление для неё более чем скромное: только шрифты, только чёрный цвет. Но в этом есть смысл, ибо за последние годы уж очень стали нагружать оформление всякой чертовщиной. «Четвёртое измерение» меня очень раздражало. Там же в “Сов. писе” любовался, как отлично вышли все отпечатки и репродукции в книге Л. Левина.

Вечером у нас Матусовские, говорили о Григоренко обо всём прочем более или менее близком. <...>

14 марта

<...> В Москве начал стихи – те самые, о которых недавно писал: «бутылки, брошенные в океан». Подтекст получается, но кроме него ещё и нет ничего, нет реального сюжета, нет морской, моряцкой обстановки, которая одна только и может оправдать этот замысел.

Ещё у меня в руках книга: стенограммы трёх конференций – в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Начал читать и сразу погрузился в этот сенсационный материал.

15 марта

Закончил стихотворение о письме, у него остался тот же недостаток, что и вчера: сплошной подтекст без реалистического прикрытия.

Набросал новое предисловие к французской книге, но оно получилось скучное, мёртвое, а как его оживить, заострить, я не знаю.

16 марта

Владимир Михайлович всё больше и больше привязывается к нам, к нашему дому и обиходу. Ко всему этому надо прибавить, что он – абсолютный гений по части всякой домашней электроники, всякого ремонта, всех поделок, какие ему подвернутся. Руки у него золотые, и он просто обожает пускать в ход своё умение, свою выдумку. Так и сейчас с телевизором. Благодаря Владимиру Михайловичу, он начал у нас работать вовсе без всякой внешней антенны: стоит рядом в комнате какая-то ржавая тренога, извлечённая из сарая, похороненная там лет десять назад – и на тебе: на экране яркое, резкое отображение и звук хороший. Владимир Михайлович произвёл всю операцию похода. И ещё он успел много чего наворотить. Столь же нужного и неожиданного. И он – самый благодущный и добрый мужчина из всех, кого я встречал в жизни. Спрашивается: почему он так привязался именно к нам?

17 марта

В последнем номере “Лит. России” напечатаны несколько новых стихотворений Смелякова. На этот раз я уже окончательно убеждён, что он сейчас – лучший поэт в России. В этих стихах («Олеша», «Павел Шубин», «Ленинград» и др.) физически ощущаешь, сколько он отбрасывал ногой ненужного ему хлама, отработанных мыслей, изнасилованных другими поэтами слов и образов, как полон был его стол стреляными гильзами и прошлогодним снегом – прежде, чем человек нашёл в каждом из этих стихотворений – себя. Это значит, нашёл свою сердечность, продолжение своей души, своей тревоги, своей горечи. Я говорю не о брезгливой привередливости со стороны (она тоже наличествует, но где-то в его прошлом), а об очень здоровом знании: это мне, а это, простите, не мне! Человека спасает внутренний тренаж в результате всего, что сделано им раньше. Только он один и спасает. Да и вообще такой тренаж есть решающее свойство зрелого художника.

18 марта

Отдал в Гослите Олегу Лозовецкому свою вступительную статью к французской книге. Он как-будто доволен, и вообще книга эта полностью на мази, как говорится. Олег торопит меня и взялся за редактуру очень добросовестно: собирается многие переводы проверить по оригиналу, – в противоположность Банникову (в 1955 г.) и редакторам из “Прогресса”. И первый и вторые вообще ничего не проверяли. Принимая в расчёт, что Лозовецкий отнюдь не буквалист, я только радуюсь его будущей проверке. Он не придира, каким бывал Эткинд.

В “Новом мире” действительно не хотят печатать «Мёртвые души»: я говорил по телефону с Лакшиным²², и он подтвердил сказанное Твардовским. Я тут же связался с Лазаревым (“Вопр. литературы”). Может случиться, там статья и пройдёт.

Неожиданно мне позвонил сотрудник “Ереванского коммуниста” – дескать, М. Шагинян исполняется 80 лет, надо написать о ней. Я даже как-то обрадовался такой просьбе и всю ночь писал эту статью.

19 марта

К утру статья была готова, и за ней приедут. А мы с Владимиром Михайловичем выехали на Пахру, но попали сюда только к часу: заезжали в магазины в поисках автотрансформатора для телевизора. Вечером вместе с Зоей смотрели очень хороший телеспектакль – инсценировку какого-то немецкого детектива. Отлично играли артисты театра Моссовета, среди них Плят²³ – главную роль. Это серьёзно, благородно, и умно.

Я раскопал в Москве давно вышедший у нас старый сборник Сименона²⁴ и читаю как-будто в первый раз. Это очень талантливый писатель, конечно, со всеми гуманистическими тенденциями, которые украшают его детектив. Они и выворачивают этот жанр наизнанку: преступление не всегда преступно, следователь и детектив не всегда должны что-либо раскрыть.

20 марта

Только-только начался этот хороший, тёплый, мартовский день с солнцем и первыми криками грачей, только решил я хорошенько отдохнуть после московской толчеи, как между 12 и 1-м часом принесли газеты и с ними телеграмму от Тельпугова с извещением о том, что меня приглашает Первый секретарь Фрунзенского райкома Грузинов сегодня к 3 часам дня. Машины у меня нет и возможности прибыть в город никакой. Пока дозвонился в Москву, уже 2 часа дня. Тельпугов посоветовал звонить прямо Грузинову, дал его телефон. Того не оказалось на месте и я передал через секретаршу, что буду послезавтра с утра и созвонюсь, чтобы он принял меня.

Скоро к нам пришёл Твардовский в состоянии довольно благополучном. Зоя вынесла ему умеренное (отмеренное тщательно) количество горючего. Мы сидели с ним на кухне, мирно болтали, сплетничали о близких и дальних. Он думает, что вызов в Райком не сулит никаких бед. Я же убеждён, что речь пойдёт о подписании коллективного письма – единственное, что как-то волнует руководство.

21 марта

Сборник документов «Тегеран-Ялта-Потсдам» – явление очень серьёзное. Ещё раз приходится задуматься о фигуре Сталина, о его роли в истории войны, да и вообще в истории века. Из всех действующих лиц в этих документах: Черчилль, Рузвельт, Трумэн, Сталин, – единственный, кто неизменно вызывает уважение, доверие, даже заставляет любоваться собой, это – Сталин. Он – муж рока, фигура в высшей степени историческая. Первая его фраза в Тегеране: «Я думаю, что История нас балует». И сразу – дыхание Шекспира, масштабность, и это ощущение не ослабевает до конца книги.

22 марта

В пятницу во Фрунзенском райкоме в течение часа разговаривал с первым секретарём Грузиновым, вторым секретарём и женщиной, чем-то заведующей. Разговор действительно о коллективном письме в связи с «процессом четырёх». Как, дескать, это случилось, что я, старый писатель, коммунист, уважаемый человек решил его подписать? Разговор внешне был мягкий, вежливый, вполне уважительный, но чувствовал я себя весьма неуютно и неуверенно. Результат в какой-то мере плачевный для меня: я признал своей ошибкой, даже серьёзной, подписание коллективного письма. Сказал, что уже не однажды за последнее время писал и личные письма, адресованные руководству. Не хочется, неприятно излагать подробно эту беседу. Коротко же, предстоит бюро райкома в начале апреля, на которое я буду вызван. До этого должен написать короткое заявление в духе того признания, которого от меня добились в разговоре.

23 марта

Но самое трудное, трагическое, ужасное началось, когда, вернувшись домой, я выложил всё это моей Зое. Тут она вспомнила, как больше двух лет назад боролась с Михалковым, публично заявившим будто я отказался от своей подписи в письме в защиту Синявского. Она всё это скрывала от меня тщательно, поскольку я тогда только встал

после инфаркта – и она добила, что Михалков публично снял своё заявление. И вот, по её мысли, вся история повторяется заново, и я самолично отрекаюсь от поступка справедливого, от защиты этих несчастных молодых людей, подсудимых в несправедливом процессе. У меня раскалывается голова. Тогда же вечером, в пятницу, мы вызвали Матусовских, а Зоя была в невообразимо ужасном состоянии.

24 марта

К нам зашёл Миша, и мы втроём составили проект заявления, которое я должен написать в Райком. Важно, чтобы признание вины было ограничено тем, что письмо было коллективным, т.е. таким, когда подписавший не отвечает за каждое слово. Зоя соглашается на такое частичное признание вины. Но мысль о том, что придётся ещё раз пойти на бюро Райкома, на разбор моего личного партийного дела, эта мысль просто нестерпима.

<...> Умер от тяжёлого инсульта Илья Сельвинский. В 1966 году он прислал мне телеграмму ко дню семидесятилетия с какими-то щемящими словами о том, как мечтает дожить до такого возраста. Он умер шестидесяти девяти лет. Мы с ним вместе лежали в Боткинской. У него тоже был инфаркт, уже не первый.

25 марта

Мы с Зоей сидим вдвоём, тревожимся, спорим, как писать письмо. Был В. Масс, и я рассказал ему всю эту историю. Был Г. Фиш, и я ничего не рассказал ему. Все, кого ни вижу, находятся примерно в одинаковой тревоге, неопределённой, вызванной разными причинами. Среди них и выступление Гомулки, напечатанное ещё 22-го в “Правде”, и рассказы о том, что Корякина исключили из партии, Свирскому объявлен выговор – словом, идёт какая-то волна «зажима», а за ним чувствуется одна только растерянность самого руководства. Оно само не знает, чего хочет, не знает, чего именно боится.

26 марта

Сегодня с утра у нас были Кипса с Катюшей. Я вызвал её, чтобы насчёт своего письма посоветоваться и с нею тоже. Общими усилиями мы выработали текст этого трудного документа. Вот он: «Продумав строго и честно нашу беседу 22 марта, я пришёл к выводу, что совершил ошибку, подписав письмо коллективное, в котором невозможно сформулировать ответственно и точно своё собственное отношение к вопросу. Мне следовало в этом случае обратиться к нашему руководству с личным письмом, изложив в нём причины своей тревоги по поводу “процесса четырёх”. А тревога заключалась в том, что об этом процессе не было настоящей информации за исключением несерьёзной статьи в “Известиях”. Эта тревога и заставила меня подписать коллективное письмо. Она остаётся в силе и по сей день, но должна была найти выражение в том личном письме, которого я не написал. Мой долг коммуниста и старого писателя состоит в том, чтобы во всех подобных случаях обращаться к нашему руководству».

27 марта

К нам приехали Матусовские, Рита Алигер и неожиданно Савва Головановский. И общими усилиями снова редактировали письмо. Получилось оно крайне кучее. Я было подписал его и отправил в тот же вечер Кипсе, но в середине ночи проснулся как ошпаренный, совершенно ясно поняв, что такого письма никуда отправлять нельзя. Оно – типичное «неглиже с отвагой», а к тому же и злобное, как Зоя говорит.

28 марта

Мы пришли к Матусовским. Оказалось, что у Миши ночью назрело совершенно такое же ощущение, что у меня. И вот, наконец-то, создан третий вариант и уже послан по адресу, и на этом решительно надо поставить точку. Но предстоит мне ещё бюро Райкома с разбирательством. Оно назначено на 4 апреля, т.е. через неделю. Сейчас необходимо всеми силами постараться выкинуть из головы мысли об этом и вообще жить самой обыкновенной жизнью.

Вечером смотрели по телевизору торжественное собрание к столетию Горькова. Леонов сделал необыкновенно сильный и талантливый доклад, а Федин порол казённую чушь с постным видом. Потом показывали «Достигаева» с ленинградскими артистами. Таисия там жалка и стара. Куда ей до моей Зочки – как до звезды небесной!²⁵

29 марта

Вчерашняя речь Леонова была и горяча и очень отточена словесно и произнесена к тому же с таким подъёмом, что, судя по частым аплодисментам, она сильно воздействовала на аудиторию Кремлёвского дворца. Микола Бажан говорил мило и точно о Горьком на Украине. Леонид Соболев выступал как департаментский чиновник.

Вчера же произошла настоящая трагедия: погиб Юрий Гагарин²⁶ при испытании какого-то летательного снаряда под Таллинном. Вместе с ним погиб ещё один лётчик – Серёгин. Это событие ужасное. Через полмесяца исполнится семь лет со дня первого космического полёта и подвига Гагарина. При всех условиях он – первая любовь этой эпохи, вообще настоящее украшение людского рода. Его сразу полюбили, впервые увидав на экране его стройную, юную фигурку.

30 марта

Сегодня хоронили Гагарина, и на экране телевизора можно было и разглядеть траурную процессию тянущуюся от Дома Советской Армии до Красной площади и прослушать весь митинг с его обычными исключительно казёнными словами без единого живого и от души. Приехали племянница и внучка Зои. Вечером зашёл Миша с двумя дочерьми. Разговор у нас идёт только об одном: мне не следует являться на бюро Райкома, сказать больным, на что по возрасту у меня имеется полное право.

31 марта

За два дня я перевёл два стихотворения Гюго. Это дело было давно задумано. И вот, пребывая в жизненном антракте, чтобы отвлечь мозги от очень невесёлых и тревожных дум, я вздумал вернуться к старинному и любимому делу. Переводы получились, но куда их употребить? В прежние времена я в последнюю очередь заботился об этом. Сейчас во всяком случае есть две возможности: моя книга в “Гослите” и там же – избранный Гюго.

Весна вовсю! Но во мне действительно сидит какая-то гадость – изнурительный надрывный кашель и непрерывный насморк. Особенно чувствительно то и другое по ночам. Сердце не болит.

1 апреля

Скучная жизнь полупостельного режима расцветает во всей своей неприглядности. Смешно представить себе, что это происходит в день Первого апреля, предназначенный для обмана и взаимных разыгрываний.

Вовсю перевожу Гюго. И уже перевёл четыре стихотворения. Меня это очень увлекает. Работа ювелирно кропотливая, в основном она состоит из тщательной, не всегда возможной и ещё реже удающейся пригонки своего текста – к оригиналу. Ибо первый набросок по общему правилу бывает прежде всего очень вольным, далёким от оригинала, в нём множество самой случайной отсебятины. Но едва начнёшь убирать её – картина портится, из неё испаряется живое. Вот тут-то и вступает в силу искусство. Тут-то и начинается самое интересное для переводчика: оживление расчленённого и разъятого на куски мертвеца.

2 апреля

Я переводил Гюго и подсчитал, что за эти дни сделал всего 160 строк, а в былые времена мог бы и больше...

Читаю (едва ли не впервые подряд и внимательно) книгу Декса «Семь веков романа» – сборник его статей по разным историко-литературным поводам от средневековых романов вплоть до Роже Мартин дю Гара.²⁷ Правда, этот последний – единственный из современников. Мне это интересно. Декс – марксист, вполне правоверный, но в противоположность многим нашим критикам он хорошо понимает секреты и фокусы творческой работы. Это понимание остаётся за текстом его очерков, многое подразумевается. Очень хорошо говорит он о новом чтении старых книг. Примерно то же у меня в статье о «Мёртвых душах».

Владимир Михайлович привёз лекарство. Вечером были все Матусовские.

3 апреля

Давно уже мне приходила в голову мысль, что всякое настоящее, очень настоящее искусство фрагментарно и не может быть иным. Каждая настоящая жизнь есть отрывок, уместившийся в отрезке времени нескольких десятилетий. Поэт чувствует это с особой интенсивностью. Он сознаёт в себе временного жильца, временного постояльца

вселенной. Сознёт, что у него нет времени «заканчивать» что бы то ни было. Его дело – спешить, главное оставлять на пол-дороге.

Есть, конечно, и свидетельства обратного: огромные завершённые создания вроде «Божественной комедии», «Фауста». Их очень немного, но как на грех, именно эти циклопические постройки менее всего увлекают поколения, они не царапают, не воодушевляют, не ранят в такой степени, как, например, любая из трагедий Шекспира, «Цыгане» или «Медный всадник» Пушкина.

4 апреля

Сегодня, кажется в 6 часов вечера, я должен был явиться на бюро Райкома, на обсуждение моей подписи под известным письмом и всего, что с этим связано. Я принял решение не ходить туда в связи с болезнью. Последствия этого решения и моей неявики мне не совсем ясны. Я вообще очень плохо представляю себе, что именно происходит в широком смысле, ради чего делаются все эти вещи: дознания, последующие партийные взыскания вплоть до исключения из партии... Действительно, ради чего, в интересах какого общества, какой его части? Некоторые люди думают, что главное заключается в том, чтобы переждать какое-то время: дескать, наплывут, возникнут новые проблемы, и старое как-то стухнет, забудется и так далее. Как бы не так!

6 апреля

Привёл в некоторый, относительный порядок мои новые переводы Гюго. Все из его книги, которая раньше недостаточно была мне известна. Эта книга Гюго должна быть особенно близка мне, но я раскусил это только теперь, хотя очень давно перевёл из неё «Розу инфанты», а ещё раньше «Мудрость Момотомбо» – чуть ли не первый мой перевод с французского.

Из сделанного сейчас лучше всего короткий отрывок диалога о появлении на мировом горизонте Аттилы. Я назвал это «Четыреста пятьдесят первый год», хотя в оригинале совсем иначе: «Помощь, предоставленная Майорену, добивающемуся власти», но это же не звучит, ничего не говорит ни уму, ни сердцу.

7 апреля

Зашёл Матусовский с обеими дочерьми. Миша прочёл три своих рассказа. Он сейчас всерьёз увлёкся прозой. По-моему, беря в расчёт также его военные дневники (напечатанные в «Лит. России» в феврале), в нём забил новый источник, в высшей степени обещающий. Это настоящая проза. Если и лирическая, то очень в меру: реальный материал жизни, вообще всяческие реалии перевешивают лиризм – и слава богу. Словом, очень хорошо для него. Это новое открытие своего мира: через воспоминания, через внимание к мелочам, к деталям. Он просил меня придумать название для этой книги, которая уже как-то на мази и наверняка состоится. Пока что мне пришло в голову только одно: Реальность. Но, может быть, это недостаточно определённо и уж слишком нехудожественно, без выдумки.

8 апреля

Нахожусь в середине первого тома романа «Семья Тибо» и вот что заметил. В романе несколько пластов, несколько подводных течений разного достоинства. Главное – характеры двух братьев, Антуана и особенно младшего – Жака. Поэтому лучшее из всего – две первые главы: бегство Жака и его пребывание в исправительной колонии. Это – царство писательской правды, только её одной. В дальнейшем есть несколько очень сильно обрисованных образов – отец Тибо, г-жа Фонтенен, другие, менее важные эпизодические фигуры, но целое тонет в обычном, беллетристическом, более или менее интересном, но среднем – именно среднем материале типично французского романа...

9 апреля

Многое в этом романе, очень хорошее и важное, пропадает в нагромождении ненужных подробностей, в длиннотах. Смерть старика Тибо занимает целую часть романа. Это подробнейшее и с медицинской стороны совершенно достоверное описание агонии. В целом – типичный натурализм, даже хуже – больничный протокол, но крайне размазанный.

Как целомудренно и скупой написана «Смерть Ивана Ильича». Здесь – всё наоборот. И тем не менее – это очень важная книга, может быть, и единственная в своём роде. Одно безусловное её достоинство: в добросовестности авторского намерения: он не шутит, не манерничает, ни во что не играет, это очень серьёзный, строгий к себе, знающий свою цель автор. Его достоинства – личные, а недостатки – скорее уж национальные. <...>

10 апреля

Второй том начинается сразу с предвоенной тревоги. Эта часть так и называется «Лето 1914 г.» Но изображение интернациональных эмигрантов в Женеве есть в сущности какая-то странная пародия – масса разных фигур. Они мало характеризованы, поэтому их легко спутать друг с другом. Среди них болтается Жак, тоже «потерявший своё лицо». Бесконечные дискуссии, которые как-будто выписаны из разных статей того времени и наудачу распределены между персонажами. И условно и скучно.

Конечно, в Америке после убийства Мартина Лютера Кинга²⁸ происходят очень страшные события, напоминающие начало гражданской войны. Негры доведены до крайности, да и расисты готовы довести их до ещё худшего состояния. И весь этот гигантский железобетонный, электронный, каучуковый адский котёл может оказаться взорванным в любую минуту. Но, сказать по правде, я совсем не знаю, надо ли желать этого!..

11 апреля

Сейчас, как никогда, всё человечество связано в один фантастический узел. Аукнется чёрт знает чем в США, откликнется чёрт знает чем в Москве, Киеве, Тбилиси... Разница в социальных режимах играет самую ничтожную роль. Ничто так не заразительно, как сумасшествие во всех его видах и признаках. Оно само есть явление социальное.

Я нахожусь примерно в середине второго тома «Семейства Тибо», и разноречивые, противоположные оценки и мысли теснятся в голове, сменяют друг дружку. Во всём, что касается главных действующих лиц, их взаимоотношений, т.е. занимательного драматизма этого повествования – во всём этом много очень хорошего, первоклассного по живости и правде. Сюда же относится и главный «роман в романе» – Жак и Женни, но и не только он. Но вот исторический фон, изображённый очень достоверно и подробно, как раз он слишком уж изображён, слишком навязан, как некий принудительный ассортимент. Здесь автору изменяет его главное достояние – искусство. Он перестаёт быть поэтом.

12 апреля

Кончил «Семейство Тибо». После всех разноречивых оценок, даже и не отказываясь от них, я всё-таки убеждён, что это книга великая. Это действительно роман века, совсем не устаревший, не потерявший значения через несколько десятилетий – да ещё каких!

Сегодня ровно три года после моего инфаркта и сверх того день рождения Андрея: ему 26 лет. Сейчас уже 11 часов вечера. В это время три года назад я только что водворился в палате № 1 корпуса 7 Боткинской больницы. Меня свалили с носилок на койку, потом вкололи что-то, и я спал всю ночь без просыпа, ночью была рвота с кровью, испугавшая врачей и усложнившая и болезнь и лечение. Первые десять дней были тяжёлые. Зоя очень измучилась. Потом стало легче. Но всё это я узнал и понял позже.

13 апреля

В середине дня приехали Кипса с Катюшей. Она носится с мечтой о покупке хоть какой-нибудь недвижимости за городом. Мы оба очень отговариваем её. Такая покупка требует немедленной затраты больших денег, три-четыре тысячи самое меньшее. Но мы-то хорошо знаем, что свой дом требует гораздо большего ежегодно – и ремонт и другие, совсем непредвиденные расходы. Главное же в том, что мы оба, Зоя и я, - старики и даже глубокие старики, нас не надолго ещё хватит, так что весь этот прекрасный дом с его уже заведённым порядком, с его угодьями – достанется никому другому, как семье Кипсы и ей самой. Поэтому ей следует на лето (на предстоящее и на другие, ближайшие) снимать что-нибудь подходящее и ... ждать. Но она об этом и слышать не хочет.

14 апреля

Утром приходили К. Симонов с Ларисой – разговор всё о том же. У меня впечатление (а он прямо говорит об этом), что вся эта кампания, всё это наступление на интеллигенцию только-только ещё разворачивается, так что трудно предвидеть, какие ещё последуют действия и выводы. Мне он решительно советует сидеть здесь безвыездно, может быть, ещё два месяца, т.е. до середины июня. Неужели так на самом деле придётся?

Заходил Россельс, рассказал, что Белла взяла ребёночка из детдома и уже поселилась в своей новой квартире на Аэропортовской.

Вечером пришёл Кирсанов, а потом ещё и Матусовские. У Кирсанова в каком-то новом эстрадном театре прошёл его Царь Максемельян, вчера была премьера. Он в восторге от успеха, от оваций.

15 апреля

Симонов советует мне написать Солженицыну о том, что моё письмо Демичеву передавалось по заграничному радио; дескать, я убеждён, что это не он способствовал такой неожиданной публичности, но пускай знает, что кто-то из его окружения, очевидно, позаботился о ней. Но я ещё не решил, стоит ли мне писать Солженицыну, стоит ли вообще раздувать эту тему. Как-никак, но ведь никто меня не спрашивает об этом – по крайней мере до сих пор не спрашивал. Дело сравнительно далёкого прошлого. Зачем же ввязываться в него? Зачем вовлекать в нынешние проблемы ещё и Солженицына?..

17 апреля

<...> Прибыла вёрстка моих «Мертвых душ» из Гослита. Я прочёл всю статью и ещё раз убедился, что это настоящее произведение, может быть, лучшее из всего моего литературоведческого багажа, не хуже «Медного Всадника». Молю бога, чтобы статья вышла без всякого ущерба, который может нанести Главлит и прочие драконы. Но в сопроводительной записке редактор книги «как бы» оговаривается в конце: «с уважением и надеждой». Нет ли тут намёка, что не всё благополучно?

Похоже, никакого остракизма по отношению ко мне не производится: подряд три вёрстки – из “Октября”, из “Детской литературы”, ещё эта, да ещё предвидится из “Дружбы народов”. Смешно, что на 72-м году жизни приходится думать о таких вещах. Смешно и в высшей степени горько.

Аля Эфрон прислала мне карточку Сони Голлидэй пятидесятилетней давности. Тонкое личико с гладкой причёской с прямым пробором – моя Инфанта.²⁹

18 апреля

В последнем “Огоньке” напечатан в высшей степени наглый и грязный пасквиль о «любвях» Маяковского. Через 28 лет после его гибели появление этой гадости загадочно! Она направлена почти не прикрыто против Лили Брик. В связи с чем раздуваются другие увлечения Маяковского: некоей Марией в Одессе и особенно – парижской Яковлевой. При этом Лиля изображена как злой гений, разлучница. Есть намёки и похуже. Для камуфляжа авторы (их двое) прибегают к якобы литературоведческому экскурсу. Цитируют стихотворные высказывания Маяковского о любви. Это отвратительная и беспрецедентная стряпня. Такого ещё не было ни в публицистике нашей, ни в критике. Зачем же это понадобилось и кому? Миша говорит, что в Москве это главный предмет общего возмущённого разговора.

19 апреля

Послал Але Эфрон за карточку Голлидэй книгу парижских фотографий Э. Триоле³⁰ – она и мне самому нравилась, но Але, выросшей и прожившей всю молодость в Париже, она больше нужна. Послал ей свои старые стихи, посвящённые Марине.

20 апреля

Должно состояться заседание редколлегии по Брюсову, которое откладывается чуть ли не с января. Быть на нём я всё равно не смог бы. Но когда Получил вчера телеграмму о том, что заседание редколлегии откладывается ещё раз на конец мая (!), очень огорчился. Брюсову очень не везёт. Это восьмая по счету попытка издать его собрание сочинений. Первый том давно уже набран и свёрстан. Младшие редакторы “Гихла” (Государственного издательства художественной литературы. – Сост.), которые фактически всё и делают своими руками и своей преданностью делу, смущены тем, что наблюдающие сверху – разные люди, есть и очень неглупые – предлагают снять то одно стихотворение, то целую группу. Эта распря внутри издательства тянется очень давно. <...>

21 апреля

Однако, издание претендует на полноту – не академическую, а хотя бы ту посмертную, которую русский поэт заслужил. В сущности, тревога возникает не за Брюсова, а потому что создаётся прецедент. Уже и без того кому-то влетело за то, что в девятитомном Бунине помещено что-то, дескать, недолжное... Предстоит издание и других угрожающих авторов, например, двухтомник Марины Цветаевой. Так вот у них страх того, что аукнется на Брюсове, а откликнется на других.

Мне кажется, что Брюсова надо издавать в том объёме, который намечен (10 томов – шутка ли сказать!), но полноты всё же не придерживаться – в интересах самого Брюсова. И при этом установить твёрдо, что вся ответственность лежит на редколлегии, которой это дело поручено. Иначе говоря, чтобы представители других редакций не вмешивались сюда. Исключение – только для главного редактора Пузикова и директора Косолапова. Первый – потому, что всё хорошо понимает. Второй – по необходимости, но тоже приличный человек.

22 апреля

Сегодня я проснулся очень рано, ещё не было 5-ти часов, с мыслью о Тютчеве³¹, и она тут же стройно и неожиданно сформулировалась следующим образом. Тютчев – самое реакционное явление в русской культуре. Это шаг далеко назад не только после Пушкина, но и после Державина (после «Бога» и «Оды на счастье»). Всё, что запомнилось у Тютчева, непрерывно цитируется и действительно является настоящей, высокой, удивительно законченной в своей выразительности поэзией – все эти «Ночные хаосы», «Бурь уснувших не буди», «Как убийственно мы любим» и т.д. и т.д. – всё это есть выражение средневекового мировоззрения. Для Тютчева не было не только XIX века, но и XVIII. Больше того! Для него протестантизм (лютеранство) – уже начало конца («В последний раз вы молитесь теперь»). Это значит, что и Возрождение (дух Возрождения) для него нечто чужое. Можно подозревать, что и мироздание его не гелиоцентрично, что Галилей и Коперник для него не совсем свои люди. В глубине души он – самый типичный и законченный мракобес со всеми вытекающими отсюда историческими признаками.

23 апреля

Он – мракобес искренний и бескорыстный, недаром русские декаденты и символисты взяли его на вооружение как образец. Два стихотворения Тютчева мне нравятся больше всего и всегда будут сопровождать меня в жизни: «Из края в край, из града в град» и «Мужайтесь, о други, боритесь прилежно...» Особенно, может быть, второе – это сильнейшее (в русской культуре) выражение исторического пессимизма. Хотя эти стихи и связаны с античной трагедией (недаром в них упоминается и горный Олимп и олимпийцы), однако с античным трагизмом они не имеют ничего общего; трагизм слишком прогрессивен для Тютчева. В сущности, он – ровесник Торквемады, Фомы Аквинского – вообще всего самого тёмного в истории Европы; просто поразительно, как это могло случиться, что в разгар XIX века, посреди такого умственного брожения мог вырасти этот тёмный и ядовитый цветок!

24 апреля

Вчера в почте было несколько сюрпризов. Книжка некоей Натальи Мазепы, в которой вторая глава почти целиком обо мне. Книжка называется «Поэзия мысли». Тема до какой-то степени модная – так называемая, философская (философическая) лирика. И А. Михайлов, и Лёва Озеров, и какие-то досужие критики уже писали об этом. Первая глава – «Мир природы и мир человека», вторая – «О времени и о себе». И тут очень подробно и толково на двадцати страницах о «Четвёртом измерении».

Второй сюрприз – прозаическо-критическая книжка Новосибирского поэта Ильи Фонякова³² о его Новосибирских земляках в основном, но в последней главке о рифме есть кое-что и обо мне, довольно занятное.

В книжке Мазепы очень хорошо о Заболоцком. Он – главный герой первой главы (Природа). Стало до некоторой степени штампом возводить при этом поэзию Заболоцкого к Баратынскому и Тютчеву. Мазепа поддалась этому соблазну, но к счастью не застревает на таких аналогиях и вообще пишет свежо и на свой страх и риск.

И ещё разные письма. Вчера же я на большинство ответил. Послал Зубову в Магадан новые свои стихи.

25 апреля

В “Лит. газете” короткая информация о заседании правления Московского органа писателей, посвящённого известным письмам и тем писателям, которые их подписывали. Осуждение, проклятие, заклятие. Говорили – конечно, Михалков, а сверх того Розов, Кассиль.³³ Последний здраво ограничился тем, что негодовал о том, что всё это попадает за рубеж. Некий прозаик Пиляр³⁴ прислал письмо, в котором отрекается от своей подписи. Всё-таки нашёлся такой! В первый раз слышу его фамилию.

28 апреля

В “Новом мире” напечатан небольшой очерк Д. Гранина³⁵ о пушкинском «Медном всаднике». Удивительно, что до сей поры, из года в год, из десятилетия в десятилетие – нет-нет, да и появится в русской литературе что-нибудь, связанное с «Медным

всадником»! Написанное Граниным очень интересно, свежо и ещё раз раскрывает поэму в 465 строк заново. Вначале Гранин ссылается на три предыдущих толкования: Брюсов, Мережковский³⁶ и ... я, Антокольский. Так что я попал в компанию, если и не очень хорошую, то во всяком случае интересную, значительную. Конечно, очерк Гранина наводит на всякого рода современные аналогии: дело Петра предано, обезличено, превращено в свою противоположность последователями, особенно Николаем Первым. Есть и другие, острые и острейшие мысли, но всё это сделано умно, тактично, скрытно, придаться ни к чему нельзя. Главный пафос Гранина в его любви к русской литературе, ко всей в целом. В поле его зрения не случайно попал и Достоевский с «Преступлением и наказанием», и чуть ли не весь Гоголь.

29 апреля

<...> Судя по словам Миколы и Константина (М.П. Бажана и К.М. Симонова. – Сост.), надо считать исчерпанными всякие вызовы меня в Райком и куда бы то ни было ещё. Во всяком случае, ручались и Микола, и Марков, и Михалков компетентные в таких делах. Это относится к Паустовскому и ко мне – двум маразматическим старикам. Пускай же мы так и войдём в анналы этого года.

30 апреля

<...> Сегодня должен приехать Лозовецкий, редактор моей французской книги, очень славный человек, с которым я близко сошёлся ещё в 1965 году, когда мы готовили Бодлера. Если моя французская книга сейчас осуществляется и в конце концов действительно станет реальностью, то это – дело рук Олега Лозовецкого.

1 мая

Лозовецкий пробыл у нас почти весь день. От него я узнал положительно: в Гослите не предпринимаются никакие репрессии по отношению ко мне, к печатанию моей книги. Если так обстоит дело в Гослите, можно предположить, что и в других местах то же самое.

Французская книга ещё не готова у Олега. Он прочёл в ней много, главное – всю классику, остался XX век. Оказывается, что, к моему стыду, я дал крайне невыверенные экземпляры, в них напутан текст, так что главная забота вчера заключалась в том, чтобы установить текст.

Вечером приходил Твардовский – поначалу необыкновенно милый, сердечный и умный, но благодаря выпитому он постепенно всё это утрачивал и ушёл, шатаясь, качаясь и совсем уже не в себе. Он написал новую главу в «За далью даль», но печатать её не разрешают. Хочет прочесть её нам. От всего, что творится вокруг, он в ужасе и омертвлении. В частности, от расправ с подписавшими письма. Возник новый термин – «подписанты».

6 мая

Необходимо твёрдо и точно знать, какие стихи я ещё могу писать, а какие не могу в силу своего возраста. Например, несколько дней назад я начал так: «В долгой жизни своей, пока в разуме здоровом и жив, я ищу сыновей, не своих, а хотя бы чужих...», и дальше следуют случайные приметы этих воображаемых сыновей. Однако, по всем признакам, речь идёт разве только о тех, которые могли бы называться моими внуками.

Я не смею забывать о том, что **сыну моему** в этом году, в октябре исполняется **сорок пять лет**, а погиб он **восемнадцати лет и восьми месяцев**.

Так обстоит моё дело.

И чем чаще, чем трезвее и честнее соображаешь эти простые вещи, тем легче ориентируешься в прошлом, настоящем и будущем – особенно в будущем.

7 мая

<...> Читаю-перечитываю Фадея Зелинского, филолога, эллиниста. Это очень яркое явление на пороге XX века в русской науке. У него был широкий кругозор, обширные знания в областях античной культуры, он горячо любил её и умел устанавливать широкие связи между явлениями и эпохами. Кое в чём он предвещает Шпенглера и очень силён, когда изредка обращается к своей собственной современности, к окружавшему его пошлому обществу 80-90-х годов прошлого века.

8 мая

Вчера мы были в полном восторге от фильма, который передавали по телевидению. Он рассказывает о первом исполнении в Ленинградской филармонии знаменитой 7-ой симфонии Шостаковича.³⁷ На этом построен сложный, захватывающий массу людей, широко разветвлённый сюжет. К тому же ещё и вполне правдивый. Бедствия, которые переживали ленинградцы, показаны и без всякого смягчения, и без лишнего натурализма. Всё благородно и сурово. Много очень хороших исполнителей, хотя в фильме нет настоящих ролей. К сожалению, мы пропустили начало, и я не знаю ни имени режиссёра, ни имён исполнителей. Главная удача у режиссёра, а, может быть, и у сценариста. Многое по силе воздействия, по внутренней символике напомнило даже «Потёмкина» (фильм *Броненосец «Потёмкин»*. – Сост.) Что-то я не помню – писал ли кто-нибудь об этом фильме.

9 мая

Я читаю книгу Олеси «Ни дня без строчки». Чувство у меня двойственное. Восхищение перемежается досадой. Восхищение великолепным дарованием, добросовестным, всегда юношеским стремлением: увидеть, запечатлеть, понять, оценить, передать другим... Всё это неожиданно и рвётся с каждой страницы наружу. Это творческая энергия, только она.

Но досаду вызывает ощущение, что Олеся непрерывно преодолагает себя, что он ищет: как бы добыть ещё хоть кусочек материала хоть на пол-страницы. А такого материала у него нет как нет – приходится изобретать, брать с потолка, высасывать из

пальца. Девиз: «Ни дня без строчки» оборачивается своей худшей стороной – графоманией, завистью ко многим великим мира сего, которым действительно было что сказать, потому они и оказались плодовитыми, и у них не было надобности вешать над столом такое понукание на всякий случай – дескать, ни одного дня...

11 мая

Первая часть книги Олеша – «Детство», больше всего разработанная, последовательная, связная. Поневоле приходит в голову сравнение с «Дневными звёздами». Насколько оно в пользу Берггольц, которая знает, о чём должна вспоминать и как свято держит она свой курс. Олеша разбрасывается в разные стороны, упуская при этом в одинаковой мере и психологию ребёнка и картину времени, т.е. и субъект и объект памяти: то и другое смазано и скомкано. Впрочем, талант преодолевает даже это. Но главное содержание рассказа заключено именно в этом «превозмогании», т.е. в чрезвычайно нервных усилиях, в общей насильственности писательского труда, в крестной муке автора.

Олеша очень много говорит о метафоре как об основе поэтического творчества и мышления. Конечно, если метафору понимать очень широко, тогда можно сделать такой вывод (всё-таки, парадоксальный). Но как раз Олеша понимает метафору довольно узко: как сравнение по принципу далековатости и отсюда новизны и свежести. Это небогатое понимание, техническое, ремесленное.

Продолжаю читать Олешу, его рассказы разных лет. В том, что я написал о нём, изведя для этого две страницы дневника, есть много несправедливого. Мне никогда не удаются оценки по свежему впечатлению. Увиденное, узнанное, прочувствованное требует ракурса во времени и в пространстве.

Олеша был очень трагическим явлением в нашей литературе, в нашем искусстве. Не менее трагическим, чем те, которые действительно кончили трагически: Бабель, Мейерхольд, Маяковский и сколько ещё... Олеша по праву находится среди них, хотя он и дожил до 60 лет, не был арестован, не испытал ни концлагеря, ни ссылки, ни другого ужаса.

Трагедия его в том, что он был и остался инородным существом в эпохе, в обществе, в данной среде. Он оказался бы инородным в любой эпохе и в любом обществе. Черты Гофмана-сказочника, чудака обязательно проступают в нём на первый план и определяют его больше, чем всё другое. Поэтому всё написанное им обречено быть фрагментарным. Совсем недавно я писал как раз об этом свойстве настоящего искусства. Самый большой из поэтов – Пастернак – был точно таким.

Олеша художник неуютный, неуживчивый, строптивый по отношению к самому себе, вместилище неудовлетворённых склонностей, спорящих друг с другом прихотей. Он и арена вечных конфликтов, в которых и разобраться толком никогда не умел. Об этом следует помнить при каждом исследовании того немногого, что осталось после него. Могло и должно было остаться несравненно больше. Но тогда он был бы не Олешей, а Катаевым, Алексеем Толстым, и ещё множеством других очень хороших писателей, которым он, бедняга(!), завидовал по молодости лет, а не должен был, поистине не должен был завидовать! Скорее уж они должны были завидовать ему!

12 мая

Был вчера у меня Серёжа Васильев. Он очень болен. Позади два инфаркта, а сейчас его мучают экстрасистолы. Лет ему всего 56. Он приехал потому, что давно собирался это сделать, даже недавно написал об этом. Тут оказалась ещё одна причина, и он почти сразу по приезде выложил её. Дело в том, что мои стихи всё-таки вынуты из майского номера “Октября”. Как он понял, они отложены. Я этого ждал и не ждал, а если говорить правду, то очень надеялся, что как раз в «Октябре» они всё-таки пройдут. Серёжа утверждает, что подписание письма ни в коем случае не было причиной, просто Кочетов увидел их только в последний момент и чего-то, дескать, «не понял». Впрочем, Кочетов так и сказал сам. И вот Серёжа взял у меня три самых новых – чтобы разбавить ими старую подборку и в случае надобности что-то заменить. Он уверен, что в июне стихи обязательно пройдут. Поживём – увидим.

Серёжа приехал со своей приятельницей, и свой приезд он заклинал меня хранить в тайне, чтобы, дай бог, не узнала его жена. Мы встретились, как всегда, очень дружелюбно.

14 мая

Я получил от казанского аспиранта Богданова набросок его работы о советской драматической поэзии. Его материал: М. Светлов, я, Алигер, даже Гусев, – нечто подобранное случайно, без настоящего знания материала. Эта работа – результат ужасного обучения в наших гуманитарных вузах. Мёртвая, антиисторическая схоластика, а в основе всего убеждение в том, что литературные жанры существуют извечно, установленные самим Господом Богом. Крайне несамостоятельное мышление.

15 мая

Приехал Владимир Михайлович. Но на этот раз его приезд не доставил мне такой радости, как недавно. Дело ограничивается шахматами, и я играю на редкость плохо – даже для себя! Погода сумрачная, холодная. Пишу длинейшее письмо казанскому аспиранту Богданову на восьми больших страницах, отзыв о его работе. Как уже сказано, она слаба, но ведь он первый, обратившийся к этому материалу, пытающийся его организовать, оценить, найти общие характерные черты. И он купил меня своим интересом к «Вийону» и «Робеспьеру».

Интересное письмо – мрачное, талантливое, неврастеническое – от Зубова из Магаданской области. Из всех моих теперешних корреспондентов он самый интересный.

17 мая

Сегодня Леониду Первомайскому исполняется 60 лет. Я отправил ему письмо только сейчас и, увы, он получит его разве что послезавтра. Зато в “Литературной России” есть и поздравление, и его афоризмы, и посвящение ему Веры Звягинцевой – словом, в журнале сделали всё, как могли лучше, слава богу.

Вчера весь день писал разные письма: казанскому аспиранту – отзыв на его работу о драматической поэзии, автору очень плохих рассказов о Лермонтове, Зоину

корреспонденту Мещерину, намеренному поступать на заочное отделение факультета журналистики в Москве, наконец, моему любимому Зубову в Палатку на Магадан.

Владимир Михайлович отбыл сегодня. За вчерашний день он закантовал мою картинку (в подарок Левину) и пристроил новые полки в моём окне для стеклянных дверей. Это – давнишняя моя мечта. <...>

19 мая

Часов в 12 приехали Кипса с Катюшей, а с ними и Лёва Левин, который привёз всю вёрстку своей книги. Много разговоров с ним о том, что делается вокруг и около. Прежде всего, действительно ли существуют «чёрные списки» по отношению к писателям-подписантам. Всё это тщательно скрывают и энергично отрицают. У меня перед глазами уже есть два факта: в “Октябре” отодвинуты мои стихи, в “Москве” отодвинута или даже снята статья о Зое. Та же картина, очевидно, в “Дружбе народов”, где отодвинут (или снят, не знаю) мой перевод с вьетнамского.

20 мая

<...> В течение всего последнего времени я очень усердно погружаюсь в критическую прозу Бодлера. Бодлер – критик поразительный. Прежде всего, по широте кругозора. Широта эта двойная: изобразительные искусства ему так же близки, как литература, а в этой последней ему близки и далёкие от него люди, даже такие, к которым он мог бы отнестись враждебно: Дюпон³⁸, Барбье. Но близка ему и музыка; разбор Тангейзера Лоэнгринна, Летучего Голландца – одна из лучших частей книги.³⁹ Но самое замечательное в том, что он везде и всюду, в каждой статье остаётся поэтом и самим собой. Явление редчайшее, а у нас почти невысказанное. Одно только сравнение – Блок.

21 мая

Если судить по внешним, легко различимым приметам, то Бодлер – защитник и пропагандист «чистого искусства», верующий католик, который борется с дьяволом. Кроме того, развращённое дитя развращённой цивилизации и так далее, вплоть до декадента. Но это признаки внешние, и в сущности они почти ничего не определяют в Бодлере, в основах его критики и его утверждений.

Прежде всего, он – ярый антагонист господствующей буржуазии (мещанской), посредственности, враг её ходячих истин и газетных прописей. Он в бешенстве от того, что такая публика не приняла Вагнера. Его прельстила смелость и дерзость Эдгара По главным образом потому, что американскому читателю-мещанину Э. По оказался не по плечу, не по зубам. Кумир Бодлера – Делакура, не только как художник, но и по причине его поэтических увлечений: Данте, Шекспир, Байрон, Гёте. Во всём этом видна цельность революционного, бунтарского темперамента, который не укладывается ни в католицизм, ни, тем более, в чистое искусство. Мне предстоит сильно развить и раздвинуть свою статью о Бодлере для нового издания «Путей поэтов».

22 мая

Вчера вечером у нас был Константин. Впервые за много лет я услышал от него жалобы на материальные дела. Правда, никакая финансовая катастрофа ему не грозит, но он подсчитывает убыток, который ему принесло запрещение военных дневников. Это действительно ошеломительный удар, даже для такого мощного товарища. Вот и приходится ему изобретать какие-то замены, т.е. книги, без которых он обошёлся бы... На первый раз речь идёт о книге статей по литературным поводам за последние годы.

Я тоже задумался над тем, что у меня снимают или откладывают или ещё что-то делают неопределённо таинственное с публикациями. А в работе, как я подсчитал, у меня сейчас ни много ни мало, а двенадцать различных опусов – книги, статьи и стихи по журналам, переводы и так далее. Сюда же я подключил статью Матусовского о Зоинных работах в журнале «Москва», которую уже сняли!

23 мая

<...> А вечером явились к нам Тува Лондон и Михаил Кременьевич Ложкин, оба давние друзья из Колхозного театра. Нашей дружбе ровно 34 года. Михаил Кременьевич – заметная фигура. Мы узнали его когда-то, когда он был директором этого маленького комсомольского коллектива, один из самых его бескорыстных энтузиастов. Он много сделал хорошего для этой молодёжи. Отечественную войну прошёл он с первого до последнего дня с честью, заработал раны и ордена. Сейчас директор Цирка на льду, побывал во всех странах Европы, в Японии, в Китае, в Египте, хороший, спокойный, честный администратор, ворочает миллионами, которые сдаёт государству. Очень славный и достойный человек. Ему 56 лет. <...>

25 мая

Ещё во вторник, пять дней тому назад, в Союзе было большое партсобрание, которого долго ждали очень многие, гадали, какое оно будет. Я ещё толком не знаю, как оно прошло, но как-будто бледно, без эксцессов, без явного черносотенства. Надеюсь, что завтра от Матусовского или Фиша узнаю подробности. Сегодня заходили Костя с Ларисой, он на днях летит в Италию. Разрешил мне гулять невозбранно по посёлку. Это после двухмесячного пребывания внутри нашего участка!

Послал сегодня в Тбилиси две страницы на машинке: к семидесятилетию Тициана Табидзе. Об этом меня просил редактор их «Лит. газеты» Реваз Маргиани.

27 мая

Эльза Триоле ответила на огоньковский безобразный пасквиль; этого должно было ожидать. Ответ очень спокойный, даже сдержанный, без злобных выпадов, без истерики, хотя то и другое вполне было бы естественно. Но сказано всё до конца о том, что такой пасквиль до сих пор был явлением невыносимым в нашей печати, которая всегда славилась целомудрием по сравнению с Западной в отношении всякого рода семейно-любковых дел. О том, что Лиле Брик (семидесятишестилетней женщине!) нанесено страшное и незаслуженное оскорбление, о лёгкой возможности тасовать, превратно толковать,

обрывать на полуслове цитаты – словом обо всём, хорошо известном на всех пяти континентах, в любой стране, при любом правительстве и режиме. Это тоже подчёркнуто где-то под текстом.

С этим проклятым пасквилом мы попали ещё в одно непролазно подлое болото. Боже мой, прямо удивительно, как это хватает у так называемого руководства энергии и выдумки на то, чтобы из одного глупого положения попадать в другое!

28 мая

В Ленинградском издательстве вышла небольшая двухтомная Антология русской поэзии от «Слова о полку Игореве» до Евтушенко. Составители – два неизвестных имени: Соловьёва и Семичев. В антологии есть частные недостатки, пропуски. Но само по себе это явление – на свой страх и риск составить такое собрание – прекрасно. Право, у нас есть возможность выпускать по десять таких антологий в год. Пускай состязаются между собой и дополняют друг дружку, пускай каждая отражает чей-то вкус, чей-то личный отбор.

Ещё одна интересная книжка вышла – антология русской переводной поэзии от Ломоносова до бедного Бугаевского и Коли Чуковского. Тоже есть частные ошибки, но на этот раз впервые сделано хорошее дело. Очень глупая, болтливая всткпительная статья Вильяма Вильмонта к книге. Есть неудачи: Григорьев, Якубович, Бальмонт представлены слабо. Из наших товарищей нет Кочеткова, Державина, Звягинцевой, Пеньковского, Липкина, Тарковского, Бродского. Зато есть Сурков!!! Зачем?!

29 мая.

Пришли письма от Зубова, Кравченко, Богданова (автора работы о драматической поэме). Пришло приглашение на редколлегию по Брюсову на 3 июня. Весь день отвечал на эти письма.

<...> Вчера был день пограничника, и по телевизору следовали один за другим соответствующие фильмы, скучно похожие друг на друга, с ловлей каких-то мифических диверсантов в чёрных ущельях, с собаками, с героическими старшинами и лейтенантами, с их глупыми жёнами, рвущимися уехать, но остающимися в конце концов на том же посту верных жён и медсестёр по мере надобности.

30 мая

У Анатоля Франса есть два рассказа, которые приглянулись мне очень давно. Один из них – о смерти Гомера, другой о Понтии Пилате, помнящем на старости лет Марию Магдалину, но совершенно забывшем Иисуса. В обоих есть слабый отблеск иронии, которая так сильна в других произведениях Франса, но сила их как раз не в иронии. В обоих этих рассказах есть настоящее отношение к истории, заключается оно в отрицании её смысла. Писатель как бы говорит: всё было наоборот – не так, как запомнили люди, не так, как записано на скрижалях. Это ещё интереснее и достовернее, чем любые вымыслы историков. Но не ирония диктует писателю его новые варианты, домыслы, вымыслы и прочее, а праведный мятеж человека, искушённого печальным опытом XIX или даже начала XX века.

31 мая

Впрочем, это называется ещё проще – здоровый дух противоречия. Он демократичен по праву рождения, и в силу этого сварлив, несговорчив, недоверчив, иногда озлоблен до вступления в спор. Ирония у него мягкая, бархатная, уступчивая. Она не слишком уверена в самой себе, в своей собственной позиции, да у неё и нет своей позиции. У Франса дело обстоит сложнее, потому что у него хорошая родня.

Письмо от Гольдича, который беспокоится, что от меня долго нет писем, значит, какие-то мои письма всё-таки пропадают. Причин на то много: я в Москве не бываю, отправляют мои письма Николай Павлович и Владимир Михайлович, а то и шофёр Массов, так что может случиться, что-нибудь и затерялось... Но это уже второй случай пропажи: первый был с Зубовым.

Вечером необыкновенно поэтичный документальный фильм о восстановлении архитектурных и других сокровищ Ленинграда. У нас здорово научились делать такие фильмы. В отношении монтажа – это чудо изобретательства и неожиданных, невыдуманных совмещений и контрастов! <...>

2 июня

В “Огоньке” напечатана ещё одна статья того же Колоскова⁴⁰, автора пасквиля о любовях Маяковского. На этот раз речь идёт о тех, кто травил Маяковского и, значит, виновен в его гибели. Названы подряд Троцкий⁴¹, Эренбург, Брик, Лелевич⁴², Грибачёв, Лежнев⁴³, Коган и ещё множество людей, в основном уже покойных, но среди них нет ни Ермилова⁴⁴, ни Перцова⁴⁵, ни Зелинского, нет РАППа... Тон всего этого писания так же подл, как и первой статьи. В шапке от редакции упоминаются письма всяких читателей, довольных первой статьёй, среди них сестра Маяковского Людмила, Аркадий Первенцев⁴⁶, ещё какие-то типы.

Вся затея с этими статьями в сущности бессмысленна. Ведь ничего изменить нельзя. Из того, что окажутся дезориентированы сотни дураков и дур, ничего не последует. Всё останется на своих местах. Но затея эта симптоматична: с одной стороны, она показатель растерянности в руководстве, а с другой – самоуверенной тупости, желания переть напролом, с битьём стёкол в жилых помещениях. Тут явно стремление к погрому интеллигенции, старой и новой. Отчасти оно даже бессознательное, но где-то гнездится и ясный расчёт.

5 июня

Сегодня явились внезапно, как будто выросли из-под земли, двое. Оба очень молодые, с ребячливостью несовершеннолетних. Он двадцати лет, изнеможённый, в очках, страдает нервным истощением. Что это такое, объяснить не может. Исключён с первого курса филфака МГУ, сейчас работает на телевидении как ассистент режиссёра за 80 рублей в месяц. Стихи пишет совсем плохие, неряшливые малограмотные. Она, его жена (второй месяц женаты), окончила первый курс Литинститута (семинар Ошанина⁴⁷). В её стихах есть некоторые задатки живой наблюдательности, которая ни к чему путному не приложена. Эта парочка – поразительный продукт плохого воспитания и ещё худшего

обучения в школе. Оба беспомощны в труде, в познании мира, без стремлений к совершенствованию. Какие-то жалкие дикари. Что будет с ними завтра или после-завтра? Здесь нет перспективы. Их даже не жалко. Но, увы, я разжалобился и дал ему письмо к Ошанину: парень мечтает поступить в Литинститут, якобы выход для него...

6 июня

Вчера в Америке, кажется в Лос-Анжелесе, произошло покушение на Роберта Кеннеди. Он в тяжёлом состоянии. Повреждён мозжечок, головной мозг, двигательные центры. Врачи говорят о трагическом исходе.

Ещё один акт террора в США. Всё это – и оба брата Кеннеди, и Мартин Лютер Кинг, – конечно, в одной цепи и естественно друг с другом связано. Всё это – страшный мир нашего века, просвета в нём нет никакого и нигде. У нас, в нашем доме, может быть, видимость несколько яснее, зато слышимость никуда. Выстрелов у себя дома мы и не слышим! Расправа с крымскими татарами в Узбекистане, в Чирчике, а затем с их делегацией в Москве, может быть, обошлась без выстрелов, но зато она массовая, а главное – глухая и значит, по мрачности не уступает американским трагедиям.

7 июня

Вечером смотрел по телевидению торжественный вечер памяти Пушкина. Была годовщина его рождения и праздновался Пушкинский день поэзии уже во второй раз. В прошлом году была заведена эта традиция, очень умная и важная. Казалось бы, у меня глядевшего на голубой экран, было основание огорчаться, даже завидовать: как же это, Пушкинское торжество, а меня нет рядом с Ир. Андрониковым, Фейнбергом, Евтушенко, Кугультиновым, К. Кулиевым и ещё несколькими, которые мне близки и дороги. Так нет же, ни огорчения, ни тем более зависти не было и в помине. В чём же дело?

Мне кажется, в том, что моё дело – и в отношении Пушкина, и в отношении какой бы то ни было публичности или общественности, и даже в области личных отношений с теми или другими близкими мне людьми – моё дело сделано, исчерпано до конца.

И всё-таки, из вчерашнего своего равнодушия я сделал вывод неверный, потому что он слишком общий и, значит, абстрактный.

Действительно, мне совсем не хотелось участвовать в вечере в зале имени Чайковского, равно как и на митинге в Пушкинском заповеднике в присутствии более, чем ста тысяч народу в это воскресенье (тоже передавали по телевидению).

У всякой демократии есть оборотная сторона: её принудительная массовость, которая всегда и всюду превышает нужный предел. Читать стихи в Лужниках, полагаясь только на микрофон – дело пропащее, бессмысленное. Вчера всем равно и в общем довольно равнодушно (хотя и дружно) аплодировали. Слушали или нет – судить трудно. Но когда объектив был обращён на эти ряды москвичей (а несколько дней назад псковитян), было ясно, что и прислушиваются с трудом, и вообще не сосредоточены, толком не знают, зачем пришли... Я говорю о том органическом пределе, когда можно быть до конца уверенным: в любви и во внимании аудитории к самому предмету собрания. Не надо полагать то и другое чрезмерным и безграничным.

В начале двадцатых годов молодые московские поэты выступали в аудитории Политехнического музея. С тех пор прошло почти полвека, но я убеждён, что вместимость этой аудитории есть идеальный предел для поэтических выступлений. Бóльший немислим

и вреден. Такой же примерно зал в ЦДЛ. В знаменитых Домах культуры в Москве выступать всё-таки можно, поскольку обычно собирается публика заинтересованная. Ещё лучше в ленинградских Домах культуры: ленинградский пролетариат, надо отдать ему справедливость, культурнее московского. Очень хорошая аудитория в Баку и в Тбилиси, но тут работает горячность южан, а не чуткость к поэзии, хотя и она тоже налицо! Но, увы, я увлёкся и говорю о том, что для меня всё-таки кончилось. <...>

9 июня

Вчера Фиши привели к нам чету работников нашего посольства в Швеции, чтобы показать Зоины скульптуры. Геннадий предупредил, что оба они вполне добропорядочные, передовые люди. В общем это оказалось правдой. Особенно в отношении жены, которая рассказывала массу поразительных подробностей о пребывании Шолохова в Стокгольме, когда он получал Нобелевскую премию. Если сопоставить этот рассказ с тем, что происходило при присуждении премии Пастернаку, то картина ещё страшнее, ещё подлее и гаже. Шолохов выглядит во всём этом деле просто ужасно: алчный, глупый и крайне политически нечистоплотный человек. Но глупость доминирует.

11 июня

С грехом пополам, после нескольких неудачных приступов, я всё-таки перевёл четырнадцать строк газели Навои⁴⁸ по заказу Кости Симонова, который задумал к юбилею Навои напечатать 10 его газелей в переводе 10-ти поэтов в “Новом мире” и издать их отдельной книжкой. Перевод получился вольный, но, может быть, ещё недостаточно вольный, чтобы стать настоящей поэзией...

И сегодня всё утро я несколько раз переделывал и перекраивал эту несчастную четырнадцатистрочную безделушку, в которой в сущности нет содержания, разве только прославление вина и пьянства. Я добиваюсь очень хорошей и каждый раз неожиданной рифмы – тем более, что она всё время одна и та же (как всегда в газелях). Добиваюсь вольного, разговорного, вполне современного языка, ибо гипноз подстрочника с самого начала мешает этой свободе. И, конечно, добиваюсь искренности.

12 июня

Вчера вечером к нам явился весьма своеобразный наш знакомый, П. С. Мещерин. Двенадцать лет назад, кончая строительство этого дома, мы так же, как несколько наших соседей (Масс, Фиш, Нагибин и др.) купили у этого Мещерина паркет, который и по сей день служит нам. Но оказался он краденым. Мещерин был арестован. Состоялся суд, все мы выступали на нём как свидетели и попутно выслушивали самые нелестные замечания. На нас лежало подозрение, что мы покупали заведомо краденое. Мещерин получил 15 лет заключения. Через три года его освободили, в скором времени он вообще был реабилитирован полностью. Пока он был в дальних краях, Зоя помогала его беременной жене. Вернувшись, он бросил жену и ребёнка, работает сейчас в Саратове. У него хорошие задатки, необыкновенная энергия в том, чтобы пробиться в люди. Ему уже 38 лет. Но жизнь явно не балует его. Он мог бы быть электромонтёром, учиться любой связанной с электричеством специальности, но изволишь ли видеть, влечёт его к

юриспруденции, журналистике. В голове каша: читанного, недочитанного, принятого на веру, превратно понятого. Человек он занятый, необычный, не средний, но очень уж тёмный. Хотя и тянется изо всех сил к хорошему. Как сложится его жизнь дальше?

14 июня

Сегодня вечером явился Толя Миндлин⁴⁹ – как всегда от Нагибиных, к которым он привёз ленинградских художников, общих друзей его самого и Юры.

Он и не знал о статье Л. Левина в февральском номере “Юности” и был страшно взволнован, увидав и её и портрет Вовы. Пожалуй, никому мне так не хотелось подарить этот журнал, как именно ему. Они были друзья, Вова и он, – по писательским детским лагерям, по Коктебелю. И он стал вспоминать, как накануне выходного дня, в субботу, они созванивались по телефону, встречались на Пушкинской площади: Вова приезжал с Арбата, а Толя со Сретенки, – и гуляли, фланировали по ул. Горького, встречали на ней других писательских детей.

И мы оба Толя и я подумали о том, как изменились за эти годы – за 30 лет! – наши подростки, насколько те, отпрыски тридцатых годов, были чище, благороднее, честнее и воспитаннее в любом отношении, чем современные. Тогда не было стилига, не было гавриков и жоржиков, не было блата, как особого жаргона, не было половой разнузданности и не было, боже сохрани, никаких признаков хулиганства и самой потенции преступления, – всего того, что неизбежно для подавляющего большинства современной молодёжи в том же возрасте, в той же примерно социальной среде, в тех же классах той же школы... Что произошло? Где корень этой страшной перемены?

15 июня

Глупо и недобросовестно искать причины во вне – в каких-то западных влияниях и прочей внешней ерунде, скорее приходится признать, что и у нас и на Западе причины одинаковы, что главная из них война. Но и война объясняет далеко не всё.

Многое было напутано ещё при Хрущёве со средним образованием, ещё больше напутано с подготовкой учителей в педвузах. Но основа основ, первичный элемент в формировании молодого поколения – это, конечно, только семья, и вот тут был решающий просчёт (ничей, потому что общий), тут произошла самая главная, самая катастрофическая из всех социальных катастроф, какие только мы пережили.

16 июня

<...> Читал эти дни последние тома исторической хроники М.Дрюона⁵⁰: два предпоследних по-русски, а самый последний по-французский. Всё это перечитывал во второй раз, так что попутно переносился воспоминаниями в корпус № 7 палаты № 1 Боткинской больницы и в лето 1965-го года, когда в течение целого месяца это чтение было главным во всей моей жизни выздоравливающего инфарктника.

Вещь сильная, большой выразительности, внешней психологической тоже, история здесь непрерывно бьёт токами высокого напряжения, и это вполне подлинно, всему веришь, но Дюма-отец вспоминается непрерывно.

17 июня

Я не знаю, не могу дать себе отчёт – есть ли в этих романах Дрюона своя философия истории, своя концепция, или же богато одарённый человек даже не ставил перед собою такой серьёзной задачи, а довольствовался одним только имманентным драматизмом, яркой занимательностью в изображении сильных страстей и сильных характеров, драматизмом самого сцепления разных человеческих судеб. Скорее всего дело обстоит именно так. Это прирождённый драматург, даже киносценарист. Всё, что относится к столкновениям, конфликтам, удаётся ему в первую очередь. То же самое и в отношении к внешней изобразительности, к живописи, к массовым сценам, даже к мизансценам. Тут писатель в своей излюбленной сфере. Читая Дрюона, я всё время вижу и чувствую, как ему нравится его собственная работа, как она ладится у него.

21 июня

Я увидел, наконец, своего правнука Дениса, весёлого мальчугана в белом вязаном комбинезончике. Он непрерывно улыбался. Ему чуть меньше пяти месяцев.

Андрей рассказывает довольно грустные вещи об университетских делах. Впервые на мехмате вводится процентная норма для евреев. Оказывается, она всегда существовала на других факультетах, вплоть до физического. У нас ухитряются делать всё противоположное собственным принципам, но абсолютно втихую, так что и уличить невозможно.

22 июня

<...> В “Огоньке” ещё одна гнусная статья о Маяковском всё того же подонка Колоскова – сведение счётов тридцатилетней давности. Но сознаюсь, я не могу, да и не хочу читать эту клеветническую дрянь, слишком хорошо знаю, чем она пахнет, что стоит за нею, что или кто...

Читал «Записки охотника» Тургенева после чуть ли не пятидесятилетнего перерыва. Много увидел в книге заново, другими глазами. Изображение дворян идёт от Гоголя, но несравненно мягче, добрее, тоньше. Выполнено гоголевское задание II тома «Мёрвых душ».

23 июня

<...> Пришли с поручением из нашего парткома взять у меня партвзносы: я безбожно задолжал за четыре месяца, так что меня уже могли без всяких разговоров попросту исключить из партии. Что произошло бы, если бы действительно исключили? Почему на это не пошли? Что помешало? Вопросы праздные.<...>

24 июня

<...> С большой пользой, интересом и удовольствием перечитываю Тургенева: «Рудин», «Дворянское гнездо». Обо всём этом появилось много свежих мыслей, которые в какой-то мере продолжают моё толкование «Мёрвых душ».

25 июня

До сих пор парторгом в Московской организации писателей был Тельпугов, вполне разумный, приличный товарищ, пытавшийся в нынешней ситуации скорее защищать писателей, чем делать обратное. И вот на его место сел Аркадий Васильев, давно уже известный нам как прохвост и клеветник. Это он когда-то заявил на большом партийном собрании, что в домах у писателей на Пахре по 12 и 18 комнат. Это он был общественным обвинителем в деле Синявского и Даниеля. Знаменит он и другими такими же делами. Деятельность свою он начал с заявления о том, что эра либерализма кончилась и подстроил так, что писателя Балтера⁵¹ исключили из партии. Дальнейшие его намерения пока ещё неизвестны, но их можно себе представить. Обо всём этом рассказывали Миша и Женя, которые были у нас.

26 июня

Читал эти дни в “Иностранной литературе” пьесу Артура Миллера, которую перевёл вместе со своим сыном Алёшей К. Симонов, и он же рекомендует её. Мне она понравилась относительно. Слишком в ней усложнён и, тем самым, разболтан и лишён реального значения конфликт.

Читал также начало романа южноафриканца Питера Абрахамса⁵² (автора «Тропую грома»). А это вещь что надо! Малый участок действия, ограничен угол зрения – всего только взаимоотношения негров и индийцев в Африке, расизм и подпольная борьба, но зато разработано тонко и поднято на высоту обобщения так, что дай боже.

27 июня

Ещё один пустопорожний день после множества таких же точно, которыми полно всё это моё злосчастное семьдесят второе лето! Единственное, что можно сюда записать за неимением лучшего и более важного заключается в том, что четыре парня в течение двух вечеров отстроили, вернее, расширили сарай у нас на участке. Здесь помещение для всякого хлама и скарба, накопившегося изрядно за двенадцать лет (с 1956 года, когда был построен этот дом). Кончив работу, они устроили для себя небольшую пирушку с водкой и закуской у нас на террасе. Мы к ним с охотой присоединились. Это отличные парни, каждый по-своему, работающие, добросовестные, весёлые. Старшему 38 лет, младшему 25. Зоя приняла самое деятельное участие в выпивке, а я с Владимиром Михайловичем – никакого. Вот и всё, что можно написать об этом дне.

28 июня

<...> Начал читать совсем ранние рассказы Чехова, его первый том. Просто удивительно: из какой чепухи он вырос и как быстро шёл этот рост. В большинстве рассказов первого тома ничто не предвещает Чехова, даже юмор какой-то глумливый, пошляцкий, осколочный, даже язык разухабистый, и это общее достояние юмористов той эпохи.

3 июля

Я продолжаю читать раннего Чехова и, как ни стараюсь, не могу понять: каким же это образом из подобного сора, из пошлой развязности “Осколков”, из всех этих ресторанным-водевильных, дачных, больничных анекдотов мог вырасти не кто-нибудь другой, а Чехов «Чайки», «Архиерея», «Вишнёвого сада», «Дамы с собачкой»... Крупицы настоящего: настоящего наблюдения жизни, настоящего характерного языка персонажей, – понемногу появлялись с самого начала... Но сатира была беззубая, обывательская, в уровень несчастных восьмидесятых годов и тех же “Осколков”.

4 июля

Вчера неожиданно приехала Зоина племянница Леночка – в очень хорошем, элегантно счастливом виде и состоянии. Что значит любовь! У неё есть любимый человек, жених, океанограф 24-ти лет, т.е. примерно ровесник, они скоро сочетаются всеми теми узами, которые полагаются.

А вечером мы втроём пошли к Матусовским, приглашённые на Киевский торт, который им привезли композитор Баснер⁵³ с женой и дочкой. Вечером же, возвращаясь оттуда, встретили Твардовского в сопровождении Дементьева, оба почти трезвы. Твардовский что-то уж слишком усердно хвалил мой перевод газели Навои – и газель не стоит похвал, и перевод мой не ахти. <...>

5 июля

Вчера утром у нас было семейство Баснеров, а вечером семейство Фишей, которые подарили мне замечательное издание «Онегина» с иллюстрациями Добужинского⁵⁴ в парчовом переплёте, который сделал когда-то Толя Тарасенков. Говорили мы о том, чем живём, о чём думаем, об общем гнусном положении, с партийными взысканиями, со снятием с работы лучших людей.

Читая Чехова, нельзя не почувствовать, не увидеть воочию – как он органично рос, как расширялся его кругозор, углублялось понимание, как росла при этом его сердечность, его недюжинный, совсем не книжный ум, его вкус и такт. И это значит, что в человеке, в юноше всё это было заложено и только ждало выхода.

Но такие наблюдения можно сделать исключительно по результатам, то есть от рассказа к рассказу. Может быть, надо ещё углубиться систематически в ранние письма – если хватит на то силы и настоящего желания. Как раз в последнем я сильно сомневаюсь. Ибо всё моё увлечение поверхностно, ничем не поддержано изнутри, вызвано одним только бездельем... <...>

7 июля

Несколько дней тому назад должен был выйти V номер «Нового Мира» - ещё только пятый, майский. Он уже напечатан полным тиражом, т.е. уже прошёл все рогатки: Главлит и прочее. Но книжка была задержана при разноске обязательных экземпляров в ЦК. В чём дело? В ней предстоят два изъятия. Первое – глава из книги о Гитлере, которая выходит в “Политиздате”. Дескать, «там пожалуй, всё равно не прочтут». Почему же,

спрашивается, нельзя в массовом журнале? Второе изъятие – ответ Дементьева на пасквили в “Огоньке”. Честное слово – такой страшной картины в отношении печатного слова ещё никогда не было у нас, такого дикого и подлого страха неизвестно по каким дурацким причинам. И такой разнузданной клеветы тоже никогда не было. А она проходит безнаказанно, даже поощряется.

8 июля

С утра зашёл к Н. Ильиной, которая живёт здесь у Верейских, отнёс ей свою книжку «От Беранже до Элюара», ничего другого у меня нет сейчас. Оказывается, что её муж – филолог-ленгвист А. А. Реформатский, которого я знал ещё в 40-х годах в Литинституте. И сама Ильина – чрезвычайно яркое явление. В прошлом – эмигрантка в Шанхае, вернулась в Советский Союз в 1948-м году, была наивна, всему верила, окончила Литинститут, и вот сейчас она – настоящая королева фельетона, умеет делать чудеса язвительной, издевательской и беспощадной и беспроницательной сатиры, причём касается как-будто невинных тем и обстоятельств, но, вскрывая в них общее, расширяет до всех мыслимых (в цензурном отношении) пределов. Цензура оказывается при этом в тупике и порядком обманутой. Это особое искусство, которым очень хорошо владели классики, а сейчас оно совсем забыто.

9 июля

Вчера вечером по телевидению передавали пьесу М. Булгакова о последних днях Пушкина. Она слишком знакома мне по одной, важной только для меня причине: мысль о том, чтобы самого Пушкина не было на сцене, – мысль эта моя. До Булгакова она, видимо, дошла через Русланова⁵⁵; я много говорил с ним по этому поводу, вспоминал пьесу К.Р. (Великий князь Константин Константинович Романов, поэтич. псевд. К.Р. – Сост.) «Царь Иудейский», где показаны страсти господни, Голгофа, Мария Магдалина, апостолы, но самого Христа нет.

Спектакль был не ахти какой. Ужасны обе сестры Гончаровы; неинтересны, не вылеплены, нехарактерны главные лица – Николай и Жуковский, – неинтересны почти все за исключением стукача Биткова.

10 июля

Приезжала редакторша из Гослита Сельма Рубеновна (не знаю фамилии) по поводу серийной книжки лирики Гюго. Там идёт моя вступительная статья – контаминация отрывков старой плюс новый абзац – всего пол-листа вместо полутора в «Путях поэтов». Кое-как сладили более или менее последовательное и внятное изложение. В книжку она (редактор) включила несколько моих переводов – увы, самых расхожих и самых неинтересных. Она пробыла с десяти до двух, уехала. А послезавтра жду Олега Лозовецкого уже с соображениями насчёт моей собственной книги «Медная лира», тоже сборника переводов французских поэтов.

Вчера по телевидению чрезвычайно милый фильм «Старшая сестра» по пьесе Володина⁵⁶. Прелестные две артистки, особенно Доронина⁵⁷ (старшая сестра), но и остальные исполнители дай боже! Чуть ли не каждый вечер мы оба, Зоя и я, поражаемся

тому, как много мы пропустили в нашем кино и в росте новой актёрской молодёжи. Как многие другие люди нашего возраста, мы ограничивались глупым брюзжанием – дескать, всё плохо, всё вырождается – то ли дело в дни нашей молодости! – Это обычная пошлая манера стариков. <...>

12 июля

«Медная лира» не вышла и в 68-м. Почти весь день был у меня Олег Лозовецкий. Он сознался, что в начале мая, когда приехал таким же образом насчёт французской книги, скрыл от меня свою тревогу о её судьбе. Ибо действительно вопрос о ней был снят безоговорочно в ЦК, ни в какой план книга не входила, но, как всегда в таких случаях, инстанции (Комитет по делам печати и даже директор Косолапов) ссылались на отсутствие бумаги. Отменено ли это снятие? – Лозовецкий утверждает, что, конечно, отменено. Мне это не ясно. Во всяком случае, в конце июля он обещает, что будет договор и что в конце года книга пойдёт в производство и, значит, выйдет в 69 г.

На этих днях Брежнев должен принять Твардовского (обещал) по всем вопросам “Нового мира”. Кроме того, в его речи на учительском съезде были некоторые ноты бóльшего признания литературы и писателей, чем за всё последнее время.

Лозовецкий безусловно милый и очень близкий мне человек, особенно после 65 года (в связи с моей болезнью и его трогательным вниманием).

13 июля

У меня пошли стихи. Я пишу их всё время, и за июль написал целых три. Но это какие-то отдельные, не связанные между собою всплески, разного характера, разного содержания. Когда-то, ещё в 40-х годах, я посмеялся над Межировым, утверждавшим, что он «мыслит циклами». Но сегодня я хочу повторить это про себя самого: до тех пор, пока моё писание не объединится во что-то крупное (хотя бы крупно задуманное) – это ещё не значит, что я начал писать. С «Четвёртым измерением» так было с самого начала – я знал, что пишу книгу, т.е. непрерывно работал в жилу. И жила этой руды сама вела меня дальше – от Пикассо к Ньютому, от Чёртовой Перечницы к Нефертити и так далее. Это были годы 1962-1964, одни из самых счастливых в рабочем отношении. Ведь и прозы тоже было очень много, один Лермонтов чего стоит!

<...> Погода – ужасная!

14 июля

<...> Я вынул из какой-то старой папки свой рисунок «Невского проспекта» Гоголя (сделан, кажется, в прошлом году) и вижу, что можно хорошо закончить. Вообще просмотрел своё рисовальное хозяйство, т.е. какие-то незаконченные и брошенные попытки. Самое время снова и снова взяться за дело, в котором я, несчастный вздыхатель музыки, отвергшей меня ещё в юности. Но незачем прикидываться обиженным. Тут уж наверняка я сам во всём виноват.

В “Огоньке” ещё один возврат к Маяковскому (ему исполняется 75 лет), на этот раз статья самого Софронова⁵⁸, как бы подводящая итог, направленный главным образом против Пастернака и Эренбурга. Думаю, что не случаен набор тех или других еврейских

имён: Брики, Коган, Лежнев, Эренбург, Пастернак, Кирсанов и ещё и ещё... Антисемитизм – не единственный ключ этой кампании, но он явно присутствует.

15 июля

Вчера приезжал жених или возлюбленный (не знаю как сказать, лучше всего – парень) нашей Леночки. Приехал он на своём мотоцикле, великолепной машине пражской марки. И парень по непосредственному впечатлению великолепный: скромный, неглупый, в какой-то мере наивен (ему 25 лет), хорошо воспитан. У него хорошая профессия – биолог-океанограф. Но она связана с дальними и длительными отлучками. Через какое-то время он отправляется не помню на какое количество месяцев в Великий или Тихий океан, куда-то к берегам Австралии. Узкая его специальность – планктон, изучение его питательных свойств, его пригодности в пище человека. Во всяком случае, японцы широко используют планктон в своей изысканной кулинарии.

Парень безусловно хороший и слава богу, что Леночка такого отыскала! Дай им бог счастья и всякого благополучия. В скором времени они отправляются вдвоём на мотоцикле чуть ли не в Закарпатье. Современный медовый месяц.

16 июля

Всякого рода «штукенции», «мерехмондии», «опрокидонты», «кельвыракансы» и прочий жаргонный осколочный сор остался свойственным Чехову навсегда. Даже его Астров называет любимую женщину «роскошной». Всё это знак глухоты к языку. Чехов мог бы, кажется, освободиться от влияния эпохи, но этого не случилось.

Ахматова (по словам Н. Ильиной) не любила Чехова. Дескать, он не знал ни высшего круга, ни народа (крестьянства) по-настоящему. У Ахматовой есть и питерский снобизм: воспитание в “Аполлоне”. Эти воспоминания (на машинке) дала мне Наталья Иосифовна вместе с ещё одной своей книжкой из библиотеки “Огонька”, изданной в 1964 году. Сравнивая обе книжки, одну четырёхлетней давности и другую только что вышедшую, ясно видишь что сатира была свободнее и ярче ещё четыре года назад.

Я думаю, что Ильина – самая талантливая сейчас фельетонистка. Удивительная для женщины способность хватать тему за жабры и растрепать её, выставить на божий свет пошлость, фальшь, тайные мотивы почти по-гоголевски. Для неё нет мелких тем. Любая крупна до отвращения.

17 июля

Вчера приехал с женой новосибирский поэт Илья Фояков, который давно уже понравился мне и стихами, и общей позицией, и серьёзом. Он читал новые стихи. Многие очень хорошие, но зато те, что написаны во Вьетнаме, кажутся неудачей. Ему удаётся полемика, спор. У него отличное знание секретов стихотворческого дела, ремесла. Я ещё не решусь утверждать, настоящий ли он поэт, но литератор он настоящий, в самом высоком значении слова. А по виду типичный русский классик прошлого века: не то раздобревший Гаршин, не то что-то среднее между Короленко и Куприным.⁵⁹ Я много снимал их обоих, читал некоторые свои стихи и усиленно хвастал Зоиными работами. <...>

18 июля

Вчера вечером бушевала гроза, шёл град, ветер трепал и лихо раскачивал берёзы, ели, всю нашу растительность, с крыши лило через край, минуя желоба. Это было грандиозное, редкостное зрелище. А через четверть часа всё утихомирилось прямо с артистической лёгкостью и мягко сошло на нет.

Я прочёл материал по конкурсу на перевод стихов азербайджанского поэта Мушфика, расстрелянного в 1937 году. Я – член (или даже председатель) жюри. Присланы 28 рукописей под девизами. Большинство очень слабые, даже не слишком грамотные. Но четыре я отметил (по пятибалльной системе) четвёрками. В связи с этим делом мне уже действительно необходимо побывать в Москве, заранее уговорившись с Гусейновым Чингизом⁶⁰ о времени. Шлю ему сегодня с Зоей письмо.

Воспоминания Ильиной об Ахматовой интересны, но испорчены несколько раз возникающей жалобой: ах как жалко, дескать, что во-время не были записаны какие-то высказывания А. А. (Анны Андреевны. – Сост.). Насколько же эта бедная проза ниже её фельетонов, её сатиры: небо и земля! <...>

20 июля

Н. И. Ильина привела к нам свою сестру, приехавшую из Парижа с её мужем – французом, а с ними пришёл и Верейский. Сёстры Ильины, они сами по себе есть чета для большого романа вроде «Хождения по мукам». Они выросли в эмиграции, но не на Западе, как это бывало с множеством русских юношей и девушек, а на Востоке, в Азии: Наталия, старшая, - в Шанхае, Ольга, младшая, - в Индокитае, в Сайгоне. Там она и познакомилась с будущим своим мужем, офицером, который во время Второй мировой войны сидел в Японской тюрьме. Что и кто он сейчас, не знаю, но это сравнительно молодой человек (между сорока и пятьюдесятью), скромный, изящный, по-западному тощий и щедушный. Старшая же сестра, некрасивая, рослая, умница, но не так, чтобы зря высказываться. Думаю, что главное в этих сёстрах – их очень хорошее воспитание и благоприобретённая житейская выдержка.

21 июля

Вечером за Леночкой приехал её Саша, и они укатили на своём мотоцикле в дождь и туман...

Я всё-таки приспособился понемногу к работе. Прежде всего сделал почти все нужные поправки в переводах Гюго для своей французской книги в Гослите. А кроме того, привёл в порядок и перепечатал на машинке стихи, написанные за лето. Их восемь штук, около полтора ста строк. Сам процесс перепечатки принудил к тому, чтобы многое переосмысливать, менять на ходу или перепечатывать заново второй, третий и четвёртый раз. И после этой возни предвижу, что ещё раз и ещё раз всё пересмотрю.

Погода попрежнему ужасающе беспросветная.

22 июля

Продолжаю запись о сёстрах Ильиных, об их третьем приходе. Младшая сестра и её муж смотрят большими глазами на русское пресловутое гостеприимство, на обязательное приглашение к столу – вне положенного на то времени – чтобы выпить водки и закусить чем бог послал. А старшая сестра как бы нарочно демонстрирует это перед младшей, обиженной иностранкой. Несмотря на свой острый, сатирический склад, который так ясен во всём, что она пишет, сама Наталья Ильина и патетична и сентиментальна в своём патриотизме, в отношении к русской культуре. Впрочем, разве могло бы быть иначе? Именно патриотизм – первоисточник её сатиры. Важно, что она сама выросла на этих глубоких, глубинных корнях, на Гоголе, Щедрина, да и на многом ещё другом, вплоть до символистов, до Анны Ахматовой.

23 июля.

Игра в шахматы с Владимиром Михайловичем, я безнадежно и упорно проигрываю. Мелкие, едва ли удачные поправки в новых стихах и, значит, опять перепечатка отдельных страниц. Рассеянное глядение на экран телевизора, продолжающееся благоустройство дома (дело рук Владимира Михайловича), сарая, костёр из старых журналов и даже кое-каких книг – вот короткий обзор этого дня, одного из многих, точно таких пустых. <...>

24 июля

<...> Рассказ Чехова «Старый дом» как будто написан Достоевским. Чехов набирал высоту и смелость полёта в разных направлениях. В нём был и Лесков и, конечно, был Щедрин. Тургенев тоже, но он менее важен. <...>

26 июля

С утра в Москве. После конца марта я в первый раз в городе. Такого долгого перерыва – в четыре месяца – у меня никогда не было, даже авария с инфарктом продолжалась вдвое меньше. Я представлял себе, что очень разволнуюсь. Ничего этого не было. Заехал в Союз – там пустыня и безмолвье, как в школах во время каникул. В Гослите тоже многих нет, в отпуску, но всё же 1) я убедился, что «Мёртвые души» прошли цензуру; 2) Достал роскошный том Блока с моей статьёй; 3) Узнал о выходе большого сборника к столетию Ленина, в котором будут мои вещи, и такого же сборника об Отечественной войне, куда войдёт «Сын». Засим был во «Французской книге» и кое-что купил.

Очень красивое издание: история с 1848 по 1889 гг. в текстах и старых иллюстрациях. Замечательно, как устойчив выбор, вкус, пристрастие настоящего поколения к определённым именам: здесь всё те же Гюго, Бодлер, Рембо, которых французы сейчас без конца переиздают.

27 июля

<...> В Гослите без конца говорили о пасквилях в “Огоньке” – нигде в ином месте, как в редакции русской классики. В американской печати было интервью с той самой Т. Яковлевой⁶¹: она отреклась и от любви и близости с Маяковским, и от Совдепии... У нас, конечно, хранят молчание об этом.

28 июля

Начинать работу можно как угодно и с чего угодно – с начала, с середины, с конца, даже и не отдавая себе отчёта в том, что это такое - начало, конец или середина. Начинать с проб, с отрывков, лишь бы ухватиться за живое, осязаемое, неожиданно блеснувшее в глаза или царапающее сердце. Можно и не обнаружить на первых порах такого действия, но всё равно оно скажется потом. Вообще, работа поэта (да и писателя) гораздо менее подлежит регламентации, чем обычно думают и говорят. Это работа на авось, на риск, в ней много времени теряешь зря, но жалеть время не приходится. Не следует сетовать на собственное безделье! если однажды ты поверил в себя и себе, если обнаружил нечто,двигающее твою работу помимо твоей воли, вопреки воле, – то успокойся, посвистывай сколько вздумается и жди! Уметь ждать – величайшее искусство для нашего брата.

29 июля

Вчера вечером мы были у Вавочки и Коли на их даче, в семнадцати километрах отсюда, в том самом знаменитом Михайловском, где Хрущёв собирался построить Министерство земледелия. <...> Был их сосед художник-иллюстратор Савва Гр. Бродский. Мне давно уже понравились его иллюстрации к Грину (в изд. “Огонька”). Отличное мастерство, смелость и неожиданность композиции, острота характеристик и всё это в пределах скромных средств, без шика. <...>

30 июля

В воскресенье, перед самым нашим отъездом, к Вавочке зашёл Кирсанов, которого я не видел бог знает сколько времени. Он рассказал кое-что интересное в дополнение к истории огоньковских пасквилей. За это время он успел написать целых три письма по этому поводу: в Секретариат правления СП, в “Лит. Газету” и, наконец, Косыгину. В скором времени после посылки третьего письма ему позвонили из ЦК; всё тот же Альберт Беляев, с которым я тоже имел дело по поводу своего письма о Солженицыне. Беляев заверил Кирсанова, что в “Известиях” будет дан должный ответ на пасквили, о том же позвонили Кирсанову и из самих “Известий”. Ответом оказалась одна только невнятная, робкая фраза в статье Смелякова по какому-то другому поводу. Я не читал, пропустил эту статью, но говорят о ней печально. Кирсанов тоже возразил – дескать, мало – и услышал в ответ: «Не надо раздувать». То же самое услышали в редакции “Нового мира”, когда там запретили печатать энергичный, развёрнутый на пяти страницах отклик Дементьева. <...>

31 июля

Начал вчера статью о Маргарите Алигер (давнее предложение – заказ Гослита для её двухтомника). Долго я робел, думал, что мне сказать нечего, но статья сразу пошла: уж очень много я знаю об этом поколении, много думал о нём, о его месте в развитии нашей поэзии, уж очень жива по сей день память о войне, о сороковых годах в целом, поэтому и статья на редкость легко выстраивается. Я думаю, что в течение недели закончу её, а может быть и скорее...

После неё, очевидно (заказ оттуда же), предстоит такая же статья о Мише Матусовском. Это безусловный долг дружбы, и мне просто хочется хорошо написать о нём, тем более, что за последние годы он на моих глазах интересно вырос и продолжает расти в своей прозе.

Таким образом, я окажусь в долгу перед Костиком Симоновым, но писать к нему предисловие не требуется, там статья будет от какого-нибудь журналиста.

1 августа

Письмо от Орлова грустное и милое. Но тут случилась вещь совсем ужасная. Ему исполнилось 60 лет, все московские друзья поздравили его за исключением меня, по праву считающим себя одним из самых близких его друзей. Он горестно и кротко сетует на моё невнимание. Но ведь я действительно так плохо и невнимательно читаю сейчас газеты, так вообще избегаю читать их, что в этом нет вины с моей стороны. Всё это я написал ему и уже отправил в Ленинград. Послал ему несколько своих новых стихотворений.

Статья об Алигер пишется сама, можно сказать.

3 августа

Отдыхающий здесь в профилактории уже который год Лев Владимирович Муштаков, давнишний поклонник Зоиных скульптур, в прошлом году кое-что из масок снял и на днях их принёс. Они оказались в высшей степени превосходными. Сегодня он доснял остальные маски и три фигуры – Альциону, Дафну с Аполлоном и похищение нимфы – т.е. всё, что по размерам умещалось в кадр нашего экрана в виде простыни. По профессии он инженер, специалист по волокнистым материалам, очевидно, высокой квалификации. А как фотограф он любитель, но любитель страстный, с множеством всяких приспособлений, вся его техника немецкая стоила ему много денег. Человек он милый, главное же в том, что страстный до полной потери самого себя, готов без конца трудиться на солнцепёке, забывает время, забывает свою голову без шляпы, а между тем недалёк от меня по возрасту.

Вообще надо сознаться, что мир полон великолепных чудачков, бесконечно разнообразных. Они попадаются на каждом шагу и на любом жизненном перекрёстке. Вернее же – все люди чудачки, если они не выродки и не подонки. А этих последних тоже хоть пруд пруди. Так и запишем: человечество делится на подонков и чудачков, это гораздо точнее, чем деление на дурных и хороших или на негодяев и святых.

4 августа

Вчера вечером Орест Верейский привёл к нам своего приятеля – молодого исландца, слависта-филолога, хорошо говорящего по-русски. Зовут его Арик Бергман. Он рассказывал о системе среднего образования в Исландии. Длится эта пора в жизни юноши целых 12-13 лет. Это связано с нехваткой рабочих рук в стране. Дети с малых лет уже на общественно полезных работах. Совсем крохотные пацаны-дошкольники продают на улицах газеты. У всех подростков на протяжении всего времени обучения четыре месяца выпадают каждый год: они трудятся. Так что в университет приходят только к двадцати годам. Дочь Лакнеса уехала на лето в Англию: служить прислугой у какого-то учёного а заодно учить его исландскому языку и самой учиться английскому.

Интересно, что многие, самые великие книги человечества («Дон Кихот», например) не переведены на исландский язык: они читают всё это на любом из скандинавских языков, а то и на английском или немецком. Обучение иностранным языкам – одна из главных забот средней школы. Маленькая страна, людей в ней очень мало, но они живут в огромном мире и не могут быть отъединены от него. Всё, о чём рассказывал мой гость, говорит о своеобразной и очень высокой демократической культуре. <...>

7 августа

Пока я читал в “Иностранной литературе” роман Джона Кворка «Победители без лавров», мне казалось, что это зряшная потеря времени, что вещь пустая, не слишком интересная для кого-либо другого кроме дельцов, миллионеров или, скажем, футболистов. Но, закончив роман, всё передумал заново и вижу совсем обратное. Этот роман, как и многое другое, сделанное современными американцами (Сэлинджером и другими), непосредственно, живо, очень остро затрагивает всех людей, живущих на земле сегодня: миллионеры они или нищие, капиталисты или коммунисты, белые или негры. Речь как будто идёт о чём-то специфическом, узком – борьбе за власть и влияние в какой-то огромной автомобильной компании, но на самом деле обнаруживается, что всё здесь гораздо шире и глубже. Сталкиваются не только внешние судьбы в сложной игре интересов, но и характеры и, главное, души.

8 августа

Я не преувеличиваю, скорее боюсь перехвалить, переусердствовать в своём непосредственном ощущении. И, как всегда за последние годы, больше всего болею за нашу бедную, загнанную в тёмный тупик, полузадушенную литературу, за Солженицына живого, за Булгакова мёртвого, но оказавшегося через 30 лет живее всех живых. За скольких ещё – их и не перечислишь. Даже за Маяковского, которого совсем недавно вываляли в грязи в огоньковских пасквилях. Вываляли именно его, а отнюдь не Лиллю Брик! Сколько времени потребуется на то, чтобы возродить всю литературу? Речь идёт именно и только об этом. Ибо воскрешать отдельных мертвецов удаётся, как известно, значительно легче. Напечатай хотя бы и с купюрами «Мастера и Маргариту», и гениальный автор воскрес не хуже Христа.

9 августа

Но как бы ни были прекрасны и радостны, как бы ни обогащали жизнь эти отдельные воскрешения, сколько бы ни происходило их на наших глазах, – всё равно мёртвая, фальшивая и подлая литература подонков остаётся на своих командных постах, читатель на каждом шагу натывается на одинаковую дезинформацию, он оглушён и запуган ещё до того, как научился читать!

10 августа

<...> Матусовские вернулись из сногшибательной поездки в Сингапур, Малайю и на Филиппины. Она продолжалась три недели. Рассказывают много интересного, но в ужасе от своей группы (туристской). Всё это оказались неведомо какие, полубесплатные «туристы» с большим количеством валюты, полустукачи, подозрительные спецы-спекулянты. Женя и Миша чувствовали себя белыми воронами в этой неприятной компании. На Филиппинах (советские люди там были впервые) их приняли за важную экономическую делегацию и, в соответствии с этим, был приём на высшем уровне с посещением президента и чуть ли не парадом гвардии по этому случаю.

11 августа

<...> Часов около шести приехали два Коли Брауна, отец и сын. Они обещали приехать в среду или в четверг, но задержались в Москве по делам. В доме еды хоть шаром покати! Зоя достала у соседней бутылку водки. Наше белое вино (остатки) безнадежно скисло. Только мы расселись с Браунами, явился Кирсанов и, как оказалось (это сказал Браун), сегодня в “Правде” напечатана статья Кирсанова. Она есть некоторая защита с его стороны (т.е. самозащита) от инсинуаций огоньковских пасквилей и вообще какой-то первый, хоть и косвенный ответ на эту дрянь. Разговор заострился в эту сторону и продолжался, пока вместе со столярами не уехали Брауны, а потом ушёл Кирсанов, нервный, больной, пьяненький, но счастливый. <...>

Вчера мы, оставшись вдвоём с Кирсановым, задумали вместе написать большую статью о поэзии для “Литературной газеты”. Это мысль интересная и по существу вполне нормальная. Мы люди разные, но точек соприкосновения у нас предостаточно. Так что, может случиться, мы действительно сможем сварганить такую вещь. Мне уже пришло в голову заключение статьи – дескать, наше двойственное совещание состоялось на высоком уровне личной приязни, прошло в тёплой и дружеской обстановке, а что касается наметившихся разногласий, то за это, дескать, отвечает время! Что-нибудь в этом духе.

15 августа

По телевизору идет фильм «Шинель» по Гоголю, в котором участвует молодой, очень талантливый режиссёр и актёр Ролан Быков, Зоин ученик. В фильме, в отдельных кусках много замечательного, дохнуло нашими 20-ми годами, Мейерхольдом, самим Гоголем. Есть передёржки в темпе, легко устранимые, но, слава богу, никакой помпезности. Всё безупречно начиная с того момента, когда шинель украдена. *Быков* играет безумие и смерть смело и с настоящим темпераментом. Я всё время думаю о том,

до какой степени царит над всем русским искусством Гоголь. Без него никуда не денешься, он пронизывает токами своего собственного высокого напряжения и там, где его ненароком обнаруживаешь, сразу пахнёт ударом той или другой молнии, её смертельным разрядом, её свежестью. До сих пор в ушах у меня вопль ограбленного Акакия Акакиевича (Быкова), подхваченный оркестром и куда-то улетающий в чёрный ночной Петербург. Надо было выдумать такое решение, надо было суметь выполнить его!

16 августа

Вчера по телевизору ещё одно явление. Два фильма Ираклия Андроникова иначе как явлением и не назовёшь, настолько они талантливы. Талантлив он сам во всём множестве своих ипостасей: литературовед, следопыт-кладоискатель, рассказчик-лектор-пропагандист, актёр-имитатор, и вот смотрите-ка, ещё и режиссёр кино, изобретатель новой формы киноновеллы. Всё это вмещено в одном человеке, уже немолодом, грузноватом, весёлом, общительном по-грузински, очень не глупом, а главное, заразительном, что бы он ни делал. Он – артист в самом высоком значении слова. Все его качества и дарования объединены вокруг одного таланта, главного в нём. Если говорить поверхностно, то он в энтузиастической любви к Лермонтову. Если взять глубже, то это любовь ко всей нашей культуре, тут совмещаются и поэзия, и музыка, может быть, и ещё что-то чего он не успел коснуться.

17 августа

Который раз в жизни я убедился, что мне необходим хоть какой-нибудь завалящий Дамоклов меч, чтобы работать. Доказательство – сегодняшнее утро. За три-четыре часа я сделал всё, что валилось из рук в течение полутора месяцев, а именно короткий перевод стихотворения Фурнаджиева⁶² и очень длинный перевод из Верлена. Первый мне заказан Лёвой Озеровым для какой-то книги в Гослите, а второй (Верлен) давным давно облюбован мною самим для моей же книге в том же Гослите. Стихи Верлена написаны в майскую неделю 1871 года после разгрома Коммуны, очень сильные, близкие скорее Рембо, чем Верлену. Дамоклов же меч заключается в том, что послезавтра на три дня еду в Москву. Теперь мои руки чисты от долгов и свободны.

18 августа

Этот воскресный день был у меня почти сплошь «гостевой» и прогульный. С утра, кое-что исправив в новых переводах, отправился к Н. И. Ильиной и её мужу Реформатскому, где мы устанавливали общие знакомства, убегающие в давнее прошлое. Я читал стихи. Потом зашёл к Фишам и, выйдя от них, натолкнулся на Каплера который только что выдал дочь Ю. Друниной (его жены) за некоего блестящего наездника с Московского ипподрома.⁶³ Вечером же мы оба зашли к А. Л. Симоновой (мать К.М. Симонова. – Сост.). Эта прелестная, взбалмошная и глуповатая старуха не меняется, разве что ещё больше впадает в детство, дай ей бог здоровья и долголетия!

22 августа

Вчера утром стало известно, что советские войска вступили в Чехословакию. Так начался этот новый акт нашей страшной трагедии. Назвать её каким-то именем, определить настоящую сущность пока невозможно. Ясно, что это победа возрождающегося сталинизма и во вне и внутри нашей страны. Победа сталинизма и хамства. Говорят, что решение об этой акции было принято на Пленуме ЦК 20-го во вторник. Во вторник же Би-Би-Си передавало об этом Пленуме, не зная, видимо, чему он был посвящён.

Только мы с Зоей вернулись из города, зашёл Твардовский. Он в ужасе от происходящих событий. К нему приехали его друзья из редакции и посоветовали не показываться в городе, чтобы не вынуждать себя на всякие голосования.

Но многого сейчас не скажешь – ещё ничего не известно толком. По радио и телевидению передают какие-то обращения «Группы членов Чешского ЦК» к народу, призыв к спокойствию, к капитуляции перед Советской Армией. Но что это за «группа членов»? Входит ли в неё Дубчек? В этом обращении говорится о какой-то новой радиостанции (чешской), которая, дескать, будет в дальнейшем передавать важные известия. В последние дни начались в наших газетах лай и полемика с Чехословакией. Мы обвиняем ЦК в попустительстве реакции.

Звонила Майка Луговская о том, что в Тбилиси скончалась бедная Марика Чиковани. Она давно уже, несколько лет, мучилась, ещё до того, как умер Симон. Умерла она от рака. Тело её везут на самолёте в Москву для кремации. Иначе её нельзя похоронить на горе Мтацминда рядом с мужем; могила на этом знаменитом национальном кладбище тесная, места отведены скупо ввиду национальных святынь – Важа Пшавела, Чавчавадзе и другие поэты Грузии, а также и Грибоедов.

23 августа

<...> Между тем, в Москву явился президент Чехословацкой республики генерал Свобода. На ярком и жарком Ленинском проспекте был согнан народ, радуясь, что не надо работать на заводе или просиживать жопу в канцелярии. Всё это было организовано отлично и с полным презрением к другим жителям столицы, которым тоже надо было куда-то спешить и передвигаться по городу...

25 августа

Что же это происходит? На что пошло наше так называемое руководство? Чувствует ли оно само хоть в малой степени, что подлое вторжение в мирную братскую страну повлечёт за собою неисчислимые бедствия? Все компартии за исключением финской и США уже отреклись от нас, резко осудили военные действия в Чехословакии. Свобода, приезжавший в Москву для переговоров о новом правительстве, вернулся на родину, ни о чём не договорившись и заявил, что с предателями работать не будет. Пять дней прошло с несчастной среды 21-го, но правительства так и не удалось сколотить.

В Чехословакии льётся кровь, наверно, немалая кровь. В течение целого часа продолжалась всеобщая забастовка во всей стране, рыдали гудки, гудели колокола, даже машины стояли на улицах! Что это было? Предупреждение? Если вся страна окажется

парализована на долгий срок – что скажет на это наша доблестная армия рабочих и крестьян?

27 августа

Сегодня в городе я только и сделал, что побывал в Гослите, сначала у Лозовецкого – сдал ему перевод «Побеждённых» Верлена. Его пришлось мне несколько переделать, я доверился новому изданию, где все четыре куска стихотворения отнесены к 1971 году, к разгрому Коммуны. На самом же деле две первых части были написаны и напечатаны гораздо раньше и связаны они с судьбой «проклятых поэтов» (кажется, 67 г.). После разгрома Коммуны Вермерш предложил Верлену записать эту вещь и всю её соотнести с новыми событиями. Верлен так и сделал.

Опустившись этажом ниже, я нашёл у Красногладовой свою статью о М. Алигер. Маргарита её прочла и была в восторге (так говорит Лидия Михайловна). Там тоже маленькая, мелкая правка, я тут же её сделал. <...>

28 августа

Вчера из Москвы вернулась в Прагу большая чешская делегация, в её числе и Дубчек и Свобода. Сегодня напечатано коммюнике. Таким образом, чешское правительство остаётся прежним. Нам не удалось сколотить «своё», мы не нашли в этой стране ни Квислингов, ни Антонеску⁶⁴. Второе: в коммюнике указывается на подготовку к выводу войск когда, дескать, нормализуется положение. Что это означает, непонятно, поскольку «ненормальность» только в том, что Чехословакия нами оккупирована.

Слухов множество. Однако, ясно главное: мы снова и снова сели в грандиозную политическую лужу. Побряцали своей «первоклассной» техникой. Определённой цели не было никакой. Выходит, что весь этот сыр-бор разгорелся только из-за того, что в Чехословакии была отменена цензура. А это для нашего ЦК – смертельная опасность, ток высокого напряжения. У них глаза наливаются кровью при известии, что в одной из социалистических стран можно говорить, писать и печатать всё без предварительного разрешения и согласования. Вот и случилось, что Дубчек, отчитываясь в Праге, вынужден был заявить, что недавно принятый в Чехии закон о свободе слова и печати временно должен быть ограничен. Значит, как раз тут мы и выиграли этот дешёвый и позорный успех.

В голову приходит несколько вопросов. Когда закончилось совещание в Братиславе и весь мир (и мы тоже) бурно ликовал по поводу того, что дело обошлось без военного конфликта, что, по всей видимости, стороны договорились и успокоились, так вот, в тот день наши не держали ли за пазухой своего камня? Иначе говоря, была ли эта братиславская инсценировка объятий и поцелуев намеренным коварством с советской стороны, а последующая интервенция уже предрешена? Или, наоборот, всё последующее разыгралось по наитию неподготовленных, шальных мозгов, крепких только задним умом? Это первый вопрос.

Второй вопрос. То, что произошло вчера, есть ли окончательное разрешение конфликта, инцидента? Хватит ли разума нашему руководству действительно вывести войска из Чехословакии? Хватит ли разума продемонстрировать своё политическое поражение, своё бессилие?

И, наконец, - третий вопрос. Как всё это откликнется во внутренней политике, в частности, по отношению к культуре? Поймут ли, наконец, на Старой площади необратимость процесса, начавшегося в 1956 году? Это вопрос коренной. По сути дела, он касается и чехословацкой проблемы и многих других, относящихся к общей политике, не говоря уже о судьбах нашей собственной культуры, нашей молодёжи, нашей школы.

Наверно, я не сказал и тысячной доли того, что хотел и должен. Но исподволь буду и впредь увеличивать свои записи. Слишком многое накопело.

30 августа

Вчера весь день у нас Рита Алигер и Микола Бажан. Конечно, всё время вертимся вокруг да около чехословацкой трагедии, вокруг нашего общего положения, которое ничем не лучше, может быть даже хуже чехословацкого. Нельзя сказать, чтобы кто-нибудь знал больше, чем знаем мы здесь, даже не слушая би-би-си и прочие волны. Они оба тоже – каждый по-своему – ничегошеньки толком не знают, а ещё меньше понимают.

Рита читала новые стихи. Цикл итальянских – лучшее из всего прочитанного. Среди лирических есть слишком болтливые – вечная её болезнь. Я тоже прочёл все свои новинки плюс «Кота» и «Манон Леско». <...>

31 августа

В 6-м номере “Нового мира” напечатана-таки небольшая заметка Дементьева о каком-то романе, посвящённом Маяковскому (в “Сибирских огнях”), а в конце – весьма язвительные полторы странички о пасквилях в “Огоньке”. Здесь уже всё названо всеми словами и своими именами. Много ли это или мало? По нынешним временам предостаточно. Но если по нынешним временам, то редактор журнала должен быть снят, а автор лишён права выступать в печати. Оказывается, и у Микола была какая-то статья в “Правде”, где он вскользь что-то высказал о пасквилях. Сначала ему эту фразу вычеркнули, но вдруг, развернув утром газету, он увидел, что она стоит на месте. В чём дело? Ответили, что ввиду приезда Вальден: сварганили эту ничтожную уступку, чтобы похвалиться перед ним. Вот как у нас делаются дела.

1 сентября

Сегодня я прочёл в один глоток, одним дыханием маленький роман Камю «Посторонний» (что, очевидно, надо бы перевести как «Чужой» или даже «Чужой для всех»). Речь идёт о юноше, который случайно (или почти случайно, здесь не требуется уточнений) убил человека ни за что ни про что. Дело происходит в Алжире. Автор действительно провёл в Алжире детство и юность. Это первая вещь Камю, которую я прочёл. Он гениальный писатель. Ах да, я ещё читал отрывок из его пьесы о Калигуле. Страшно отчётливое видение мира: в резких очертаниях, под ярчайшим солнцем. Всё освещено, обнажено благодаря освещению, выставлено наружу, напоказ, в жёсткой логике, одинаково ясной и в «логичности» и в абсурде.

Конечно, у Камю были прецеденты: Достоевский в первую очередь. Впрочем, меня разбирает жадность поскорее прочесть всё, что он написал. Он должен был бы быть напечатан давным давно в “Новом мире”, да испортил дело Арагон, в 1957 году заявивший протест нашему ЦК ввиду того, дескать, что Камю в 1956 году поддерживал

венгров в их восстании. Сегодня Арагон не сделал бы этого доноса, он и сам сегодня против нашей оккупации Чехословакии.

В коротком и сжатом повествовании Камю поразительна наивность героя, почти детскость этого двадцатилетнего мудреца перед лицом смертной казни. Он чужой не в данном обществе, не в данной стране или государстве, но чужой со дня рождения всему на свете, чужой жизни.

Совсем особая позиция автора по отношению к герою. Казалось бы, он рисует случай исключительный, а выходит как раз наоборот. Вывод напрашивается обратный: все люди такие, если серьёзно отдадут себе отчёт в своём страшном существовании.

2 сентября

Книга Камю прежде всего грустная, безмерно грустная. Поверхностному взгляду может показаться, что он что-то там разоблачает: суд, священников, общественный строй... На самом деле ничего этого нет. И судьи и даже сам прокурор по-своему правы, во всяком случае добросовестны, а прокурор приходит к неизбежному выводу о степени вины этого безответственного парня. То же самое и священник, пришедший к нему для последнего напутствия. Тут нет ни лицемерия, ни ханжества. Всё пронизательно, человечно в самом высоком понимании слова. Резкость Камю направлена против самого феномена принуждения, против общества как такового, против государства – Левиафана, а если договаривать до конца – то против всего человечества. И его маленький герой, несчастный парень, поставленный лицом к лицу с гильотиной, оказывается в конце концов очень стойким борцом, негибаемо гордым и отчаянно дерзким. Критика со стороны Камю куда более сокрушительна и дальнобойна, чем критика Льва Толстого в «Воскресении».

5 сентября

Сегодня двинул изрядно статью о Матусовском (для его сборника в том же Гослите). Я сделал всё, чтобы показать Матусовского непохожим на его соседей, сверстников. Несколько преувеличил похвалы и восторги, но рядом с ними будет и серьёзная критика и отрицание целых периодов, например всего первого послевоенного десятилетия – расплывчатого и весьма расхожего в нашей поэзии лиризма по всякому стороннему поводу. Кажется, статья вышла.

А всё остальное вокруг и около – нудно, плоско, неподвижно до одури. Вчера я зашёл к Дементьеву специально затем, чтобы пожать ему руку за отклик на огоньковские пасквили. Он огорчён тем, что отклик оказался урезанным, но когда стал показывать, в чём состояла эта урезка, стало ясно, что жаловаться особенно не на что! Главное – осталось. Блокада немоты вокруг этого преступления – прорвана.

6 сентября

Вечером неожиданно приехал Сергей Васильев, привёз гору всяких фруктов и свои переводы Сабира, которые прочёл. В переводах действительно многое свежее-угадано вплоть до авторской (т.е. национальной) интонации. Васильеву помогает его изобретательность в языке, богатство живых и неожиданных оборотов. В практике

переводчиков-ремесленников это редкий случай. Всадить на своё место какой-нибудь «гулькин нос» ничего не стоит для него, а такая строка сразу начинает светиться изнутри. Я знаю про С. Васильева всё, что говорят о нём, знаю насквозь его ошибки и грехи, – но люблю. Он человек живой, страстный и пристрастный.

7 сентября

Вечером приехал Савва Головановский со своим сыном Костей и его женой. Слава богу, у нас ещё оставались кое-какие фрукты (главным образом те, что привёз С. Васильев), бутылка Гамзы и кусок рокфора, так что всё было на солидном уровне. Бедный Савва начал поддаваться времени и теряет свою молодость, а молодость и молодость были его главными качествами. Сын его Костя только что вернулся из Парижа, пробыл там десять месяцев, уча в Сорбонне юных физиков. Потом явился Кирсанов, завалил нас всех прибаутками, загадками, потом повёл к себе и мои гости ахнули на великолепие его дома. Вскоре они укатили в город.

Кирсанов счастлив. Наконец-то его Люся возвращается из Югославии, а всего два или три дня назад он был в полном отчаянии и подробно рассказывал о своих семейных и любовных неурядицах. Очевидно, муж и семьянин он невозможный, надо думать – крайний эгоист, привереда, а сверх того шумный, декоративный, т.е. его эгоизм заключается в том, что он полон одним собою и больше ничем, и женщинам с ним очень быстро становится скучно. Но я чрезвычайно люблю его и заранее прощаю все его недостатки и отпускаю грехи. <...>

11 сентября

Вернулся из ГДР Юлиан Семёнов.⁶⁵ Его встречали там возгласом: «Хайль Брежнев! Вот и вы – фашисты, как и мы – фашисты!» Везде и всюду сочувствие к Чехословакии, ненависть к нам. У Чехословацкого посольства демонстрации сочувствия непрерывны. От всего происходящего Ю. Семёнов в ужасе, страдает бессонницей. Он считает, что происходящее сейчас только начало, а как развернётся дальше один бог знает. А между тем, за последнее время я, видимо, по незнанию реальной обстановки и подробностей, как-то успокоился, поверил в так называемую нормализацию обстановки в Чехословакии и прочее... На самом деле положение обостряется и обостряется. <...>

12 сентября

Несколько дней тому назад в гостинице «Пекин» внезапно умер Николай Павлович Акимов 67-ми лет от роду, очевидно, от разрыва сердца. Умер ночью и рано утром администрация гостиницы, пытаясь его разбудить, обнаружила на постели в номере мертвеца. Значит, он умер во сне. Говорят, что такая смерть – милость господ бога за праведную жизнь. А ведь какой был грешник!

С этим блестящим, разносторонне одарённым человеком очень многое для меня было связано в конце 20-х и в начале 30-х годов: в постановках «На крови», «Коварства и любви», даже в его «Гамлете».

Впоследствии, когда он порвал с вахтанговцами и окончательно обосновался в Ленинграде и стал сам руководить театром, эта связь оборвалась, мы встречались редко, а

между тем, он вырос и как руководитель своего театра, а главное, как острейший, смелый до дерзости борец за репертуар, как теоретик-публицист. Его статьи и книги по театру царапали, задевали за самые больные места нашей культуры. Его травили и ругали, но в последнее время приходилось уже и очень считаться с ним. Он прожил блестящую, нервную жизнь. Смерть его – большой удар для всей культуры. <...>

13 сентября

<...> Узнал, что моё собрание уже перенесено с 1970 года на 1971-72, и то «проектировочно». Что означает этот скользкий словооборот – не знаю. Зато фигурируют уже не 4 тома, а целых пять. Это выигрыш, но до него хорошо бы и дожить... <...> В течение трёх последних дней писал стихи, которые должны быть заключением к моим сказкам об Орфее. <...>

15 сентября

<...> Из Скандинавии вернулся Фиш и рассказывал много ужасного о том, как воспринят на Западе весь чехословацкий ужас. Сверх прочего, рассказывают, что и наши бойцы, увидав на месте истинное положение дел в Чехословакии, начинают догадываться, что их нагло обманули. Тогда их спешно выводят из городов как морально разложившихся. А дальше что? Как они вернуться домой? Кем они станут, эти несчастные юноши, а то и подростки?.. По ночам мне непрерывно снится что-то тяжёлое, безвыходное, неузнаваемое... Сны сорок девятого года.

16 сентября

Синтетика считается одним из нужнейших и важнейших достижений современной индустрии и техники. Вывески «Синтетика» пестрят на улицах, и около этих магазинов теснятся очереди спекулянтов, продающих втридорога всякую дрянь оттуда. Синтетика – синтез – синтетично – всё это говорит о сочетании и совмещении разных слагаемых. Но тайны химии меня не интересуют.

Современная наука тоже становится всё более синтетически сложной; никого не удивляют «биохимия», «астрофизика». Очевидно, могут возникнуть и тройственные и ещё более сложные соединения наук. Я не слишком верю в так называемый цветной слух, разве только в патологию таких явлений, не верю и в поиски по следам Скрябина и в цвета согласных по Рембо, но самый факт распространённости таких поисков заставляет задуматься.⁶⁶

Что же касается моего личного искусства – поэзии и всего, что внутри поэзии, то здесь тоже чувствуются стремления к синтезу, к синтетизму.

Увы, как только производишь термин с окончанием «изм», немедленно становится тошно, как будто ешь мыло. Поэтический образ должен быть синтетичным, вмеща в себя и разные толкования и полярно противоположные значения и смыслы. Чем он многообъемнее и шире, тем больше в нём граней, тем он поэтичнее. Это хорошо знали Блок и Пастернак. Отсюда можно сделать вывод о синтетизме как о некоем, якобы новом, направлении в поэзии, но этого я как раз и не хочу делать!!

17 сентября

Есть ещё один термин, более привычный и, очевидно, он ближе к моему случаю: синкретизм. У него богатое прошлое в истории культуры, в истории поэтики особенно. Явление Окуджавы, Матвеевой и других прямо сюда относится. Это люди по меньшей мере двух в равной мере сильных дарований – в области поэзии и музыки. Одновременное появление таких редких индивидуальностей, очевидно, не случайно, оно отвечает широко распространённой потребности. Когда несколько лет тому назад я печатно назвал Окуджаву современным рапсодом или трубадуром, дураки взъелись на меня. Очевидно, они считали, что «рапсод» и «трубадур» – величины несоизмеримые с нашей современностью, нечто вроде титанов, богатырей, рыцарей. В их возражениях чудилось: «Эк, куда хватил!» И это в высшей степени глупо, даже пошло и, прежде всего, неисторично.

18 сентября

В течение всей моей жизни я был за границей считанное число раз, в сущности гораздо меньше, чем любой из моих друзей старше и моложе меня. Интересно сосчитать, сколько именно:

- 1) 1923 г. – Швеция (1 месяц с чем-то), Германия (Берлин – 1 месяц);
  - 2) 1928 г. – Париж (20 дней).
- Затем грандиозный разрыв – и
- 3) 1956 г. – Бельгия (4 дня);
  - 4) 1958 г. – Китай (15 дней), Вьетнам (40 дней);
  - 5) 1961 г. – Болгария (25 дней);
  - 6) 1963 г. – Югославия (14 дней).

И всё. В общей сложности сто восемьдесят дней или шесть месяцев из семидесяти двух лет жизни, одна сто сорок четвёртая её часть. Зато отдача у меня была полнейшая, начиная Швецией и кончая Гаврилой Принципом, и не считая при этом того, что было нечаянно, мимоходом захвачено по дороге как приз, вроде «Вийона», «Пикассо» и ещё и ещё многого. Ясно одно – больше за границей я уже не буду до конца своих дней, но если быть честным, то с меня достаточно.

19 сентября

Три дня были мы в Москве. Был по всем делам и в Гослите и в “Сов. писе”, и даже в СП. В первый же день, т.е. 18-го, было заседание жюри конкурса переводов азербайджанского поэта Мушфика. Русские поэты, члены жюри блистательно отсутствовали – Тарковский, Адалис, Эткинд. Так что мы: Мирза Ибрагимов, Гусейнов и я, – были лишены возможности принимать окончательные решения. Отобрали пять или шесть кандидатур на вторую премию и всё.

В Гослите получил хорошо перепечатанную статью об Алигер, убедился, что Олег следит за подсчётом строк в моей французской книге, это хороший признак. В “Сов. писе” разговаривал со своим редактором Фогельсоном⁶⁷, который утверждает, что наблюдается «потепление» и поэтому, дескать, он рассчитывает в октябре сдать мою книгу в

производство. Я бегло перечёл всю рукопись и, наверное, кое-что в ней изменю и перемещу, а главное вставлю новые стихи 1968 года. <...>

21 сентября

Стою перед загадкой, которая всегда была неразрешима для меня: почему от Хемингуэя, от его повествования, от каждой страницы нельзя оторваться, нельзя пропустить ни одной строки. О какой бы ерунде он ни рассказывал: будь то надевание наживки на рыболовный крючок, медленное описание схватки матадора с быком, всё, что угодно ещё... Объяснение может быть только одно – страшная и страстная заинтересованность самого автора, его беспредельная сосредоточенность на том куске жизни, который взят материалом. Но, казалось бы, у кого из писателей не найдёшь такой же сосредоточенности, такой же манеры, хотя бы у Толстого. У Хемингуэя к толстовской сосредоточенности присоединяется детская наивность и столь же детская уверенность в необходимости писать именно так, а не иначе, и беспредельная свобода от какой бы то ни было тенденции. А если тенденция всё-таки имеется, то он любит прятать её в такой глубокий подтекст, что читателю интересно разгадывать её как кроссворд.

22 сентября

<...> В Москве, в Союзе встретился с Костей. Он говорит: «Были подписарты, а теперь появились неподписанты», – и причислил себя самого к последним. И он и Твардовский, оба члены Секретариата СП, отказались подписать какое-то коллективное письмо от имени Секретариата СП по поводу нашей агрессии. <...>

23 сентября

Вечером у нас Наталья Ильина, её муж А. А. Реформатский и двое Верейских. Реформатский был в первый раз. Он по-детски мило и глупо каламбурил, вроде того, что в ответ на моё обращение «Сэр!» ответил во всеуслышанье: «Да, я сэр и серю...» Вообще же он умница, беспредельно предан литературе, филологии, языку, лингвистике... Мы хорошо посидели, все пили водку и коньяк, вкушали всякого рода паштеты и баклажаны, а я пробавлялся свёклой и творогом. <...>

25 сентября

Часов в девять вечера раздался робкий стук в окно, и мы увидели за стеклом бородатую физиономию Ильи Фоякова и с ним ещё одного юношу, который оказался новосибирским поэтом Казанцевым. Они остались у нас ночевать и только что, в 9 часов утра, уже в четверг, отправились в город. Оба читали интересные стихи, я тоже прочёл им кое-что новое. Илья Фояков – зрелый и умный поэт, к тому же и деятельный собкор «Литературной газеты» по Сибири, Уралу, Дальнему Востоку. Он должен по путёвке Юнеско отправиться на 6 месяцев в Таиланд и на Филиппины. У него свои, здравые и зрелые мысли обо всей нашей поэзии. Казанцев косноязычен и вполне анти-литературен. Впрочем, по-настоящему судить о нём я ещё не решаюсь! Мало знаю.

26 сентября

Был в Гослите у Косолапова⁶⁸ и у Олега Лозовецкого. Ничего хорошего не узнал. Только сейчас выясняется картина того, что происходило летом, когда книга моя (французская) просто напросто выпала из плана, а Косолапов даже получил нагоняй от Михайлова за мою статью в томе Блока в серии Всемирной литературы. Поэтому в плане на 1969 год моя книга фигурирует слепо, без моего имени, просто некая «Медная лира»... Сверх того, 1969 год – это год редподготовки. Только и всего. Тем не менее, договор со мной будет заключён, деньги я получу, а Олег ручается, что книга и выйти сможет в 1969 году. Насчёт моего пятитомника (намеченного в 1971 году) Косолапов вообще ничего определённого не сказал. Действительно, положение издательства, как всегда в последние годы, шаткое и зависит от множества ветров, дующих со всех сторон. Самый гнилой ветер – Комитет по делам печати. Но ходит слух о том, что на месте одного Комитета вырастет Министерство печати и информации, долженствующее объединить в себе и газеты и книги и радио и телевиденье. То-то будет «порядок»! Можно представить себе. <...>

30 сентября

Кирсанов был в ударе и рассказывал много интересного. О том, как за несколько дней до своего самоубийства Маяковский подхватил чтение стихов Блока «Под насыпью во рву некошенном...» Он начал со страшной экспрессией:

– Так мчалась юности бесполезная,

и дальше до конца:

– Ей всё равно. А мне довольно. (Маяковский так и прочёл: мне довольно!)

Кирсанов изображает манеру Маяковского очень похоже, и если бы удалось это как-то заснять в кино, было бы очень полезно. <...>

1 октября

<...> Рита прочла мне по телефону врезку, которой она намерена открывать теперь каждую новую публикацию «Зои». Пытается внятно объяснить, почему она сохраняет в поэме имя Сталина. Забота Риты на сей счёт кажется мне суетной. Хочешь оставить это имя на своём месте – оставляй. Но размазывать путаные объяснения незачем. Самая важная к тому причина – всё равно всего не скажешь, не разрешат.

2 октября

Утром в Союзе прошло окончательное заседание жюри по конкурсу на переводы стихов Мюшфика. Я уже писал об этом после предварительного обсуждения, когда многих не было. Сегодня они явились: Эткинд, Тарковский, Расул Рза, критик Гринберг плюс мы, которые были и в тот раз. Общее решение – не давать ни первых, ни вторых премий, только две поощрительные. Этих двух мы отобрали после некоторых дебатов. Они оказались Кафаровым⁶⁹ из Баку и Васей Бетаки⁷⁰ из Ленинграда. Второго я хорошо знаю и очень рад за него. Да и Кафаров человек способный; его переводы для меня шли первым номером. Для обоих даже 50 рублей поощрения что-то значат.

4 октября

Среди неподписантов, кроме 3 названных, ещё Бажан, Айтматов и Салынский.

Пришёл Константин со своей мамой. Очень давно не был у нас, наверно месяца полтора, а то и больше. Он в числе трёх членов Секретариата СП, не подписавших обращение к чехословацким писателям. Он, Твардовский и Леонов. Остальные, т.е. Федин, Тихонов, Сурков, не говоря о прочих, подписали. Костя подробно рассказал, как его искали для подписи. Как сначала он слал телеграммы, потом вынужден был говорить с кем-то из ЦК. Всё это очень грустно. На будущее он смотрит совсем мрачно и убеждён, что нам предстоит много тяжёлого и печального. <...>

6 октября

<...> Произошла непонятная история с очередным, пятым томом “Литературной энциклопедии”. По распоряжению какой-то ужасно высокой инстанции пришлось снять заметку о Грише Поженяне, и вся эта махина перевёрстывается...

7 октября

Новые стихи даются мне с большим трудом, через размышления и колебания, в поисках и в зачёркиваниях нескольких вариантов. Сейчас это сделалось нормой для меня, я вполне её принимаю, но хочу только одного, чтобы не ослабевал интерес к той или иной развалине, не ослабевало желание завершить вещь, отчеканить в ней свою мысль, своё чувство. Потому и происходит поиск, потому и возникает потребность переделки, что сама мысль неясна, само чувство смутно. Так уже много раз бывало со мною и раньше, а сейчас всё чаще и чаще. <...>

8 октября

<...> Рита Алигер столкнулась с упоминанием имени Сталина в поэме. Допрашивая Зою, немецкий офицер спрашивает: «Где ваш Сталин?» – Зоя отвечает: «Сталин на посту. Сталин на работе». Совершенно естественно, Алигер ни за что не согласна выпускать это место. Она решила снабдить новое издание специальным комментарием. А ещё раньше предполагалось, что Костя напишет такого рода предисловие к поэме, и тут возник характерный конфликт с издательством “Детская литература”. Тамошние деятели, как водится в таких случаях, сами не знали, чего хотят, жались, жались и усрались... Сначала сделали в предисловие Симонова какую-то купюру. Он не согласился, переписал «трудное» место заново, тогда редакторы предпочли вернуться к первоначальному тексту, а закончили тем, что вообще сняли симоновское предисловие. За всем этим стоит рабский страх: как бы чего не вышло, лучше потише, ничего не заострять...

9 октября

Алигер и по её просьбе Симонов объясняют, что наше общее отношение к Сталину было одним в 1941 году, и тогда оно разделялось с отношением к нему Зои, а сегодня

стало другим, совсем другим. И если в поэме всё осталось на своих местах, то ради исторической и душевной правды той эпохи, обязательной в художественном произведении. Но оговорка здесь действительно требуется: для новых читателей.

10 октября

Я уже писал о том, как тяжело даётся мне теперь писание стихов. Самым трудным оказалось стихотворение «В долгой жизни», начатое ещё в июле. Если бы восстановить все его варианты, они, кажется, заняли бы полстопы бумаги. Но я всё рвал и бросал в корзину. Это было необходимо. Ибо главная цель заключалась в том, чтобы забыть, решительно отрезать от себя написанное. Вся эта деятельность – пример того, что главная трудность не техническая, не внешняя, не всяческое «как», а «что», т.е. действие, цель, великое ради чего, о котором говорили и Станиславский⁷¹ и Вахтангов: сверхзадача. Трудность в том, что понимание и определение сверхзадачи даётся только в конце пути, в конце блужданий впотьмах и без дороги.

И ещё я никак не мог понять, что стихи эти есть ещё один возврат (в который раз!) к Вове, к памяти о нём, к феномену памяти. Отсюда все блуждания, все лишние стороны, не шедшие к делу. Даже сейчас, казалось бы, поставив решительную точку на последнем варианте, я проснулся сегодня ни свет ни заря с мыслью, которая впервые так отчётливо и горько сформулировалась. Да, конечно, это о Вове.

12 октября

Очень интересны записи Симонова о встречах и беседах с генералом Жуковым.⁷² В машинописной рукописи сто с чем-то страниц. Сделана она впрок, на проблематическое будущее, хотя ничего угрожающего, противозаконного в беседах и записях решительно нет. Но сам Жуков странным образом возбуждает со стороны любого советского руководства и недоверие к себе и, может быть, зависть, а может быть, его просто боятся: а вдруг, дескать, «захочет власти»?

Симонов беспредельно добросовестен и всячески оговаривается: это не биография, не очерк, а всего лишь заметки для будущего биографа. Но Симонов всё-таки художник и произвольно лепит фигуру во весь рост, очерчивает характер, волю, упрямство, а главное – недюжинность человека в целом.

Вечером был у Фишей. Много характерных и невесёлых мелочей относительно процесса «нарушителей порядка» на Красной площади. Все они получили разные сроки ссылки – от трёх до пяти лет. Слава богу, не лагерь. Вообще, ещё один подлый процесс.⁷³

13 октября

Перечёл «Чёрную стрелу» Стивенсона⁷⁴, которую впервые читал бог знает как давно. Это прелестный роман. Оказывается, он почти не сохранился в памяти: только одно странствие двух подростков в смутные времена войны Алой и Белой розы. Я помнил очаровательные пейзажи, леса, ручьи, дороги и скалы, и больше ничего. Роман силён и этим, но силён и характерами и исторической живописью и уже одним портретом молодого горбатого герцога Глостера, будущего Ричарда III. Это отличная вещь.

Пытаюсь перевести ещё одно стихотворение Аполлинера, его знаменитую «Зону». Главное в том, чтобы понять изнутри скачку воображения Аполлинера, его внезапные переходы, а значит, заразиться им, стать самому таким же как он.

14 октября

Получил вчера таинственное и смешное письмо в стихах. Подписано: Искендер Ислахи. Тема – грусть, воспоминания о Поэте, благодарность: за рыбу, фотографии и т.д. Долго ломал голову, что сие означает. На конверте точный адрес: Аэропортовская, номер дома и квартиры и даже номер телефона плюс инициалы: И. И. Так что в руки были даны весьма точные координаты.

Сегодня меня осенило. Я вспомнил, что муж Н. И. Ильиной, Александр Александрович Реформатский рассказывал о своих многочисленных псевдонимах, в том числе и об «Искендере», к тому же и стихи читал примерно такие же, как эти, т.е. неуклюжие, с нехитрым остроумием. Развернул я справочник СП, нашёл Ильину! Ба! И адрес и телефон точно совпадают! И тут же сочинил стихотворный ответ, тоже аляповатый, своему корреспонденту. <...>

16 октября

Приехал утром в Москву. Был в “Сов. писе”, ещё раз проглядел свою рукопись, говорил с Б. Соловьёвым и редактором Фогельсоном. Последний ручается, что пустит её в производство в конце этого месяца. Встретил там Лукницкого⁷⁵, который подробно рассказывал о вновь возбуждённом в прокуратуре СССР деле по решительной реабилитации Гумилёва⁷⁶. Лукницкий давно, много лет подряд, ещё с 20-х годов занимался поэзией Гумилёва и его биографией. У него накоплен огромный материал, в частности и тот, который относится к делу Гумилёва. Лукницкий убеждён, что Гумилёв не был причастен ни к какому контрреволюционному заговору. Он уже несколько раз говорил с деятелями прокуратуры и ему кажется, что дело это всё-таки, несмотря на свою сверхдальность (почти полвека прошло...), будет наконец решено правильно и Гумилёв вернётся в нашу поэзию. Лукницкий – человек серьёзный. Ему хочется верить.

17 октября

<...> В Гослите я говорил с Косолаповым и узнал, что с договором на французскую книгу дело обстоит очень неважно. Косолапов ссылается на всякие общие обстоятельства: дескать, в этом году недоиздано какое-то умопомрачительное количество книг, стоящих в плане и т.д....

В журнале “Иностранная литература” застряли чуть ли не с января мои переводы Аполлинера. Это вина Топера, который просто обманул меня... Сейчас он в отпуску. Я хотел было взять обратно рукопись и сильно хлопнуть дверью, но Дангулов уговорил оставить её и обещал, что они это напечатают в первых же номерах 1969-го и, сверх того, быстро известят меня об этом письменно.

Получил в Книжной лавке писателя 2-ой и 3-ий тома Хемингуэя. Наконец напечатан у нас «По ком звонит колокол.»

18 октября

После полутора дней в Москве у меня какое-то несобранное внимание и отсюда невозможность приняться за работу. А работа предстоит: переделка давнишней статьи (о гражданской поэзии) для «Лит. газеты». Есть и подходящий предлог, т.е. ясно с чего начать заново эту работу – со статьи поэта Бокова⁷⁷, в которой много путаницы и полной неразберихи в мыслях.

Перечёл «Пятую колонну» Хемингуэя. Он отлично знал секреты театра. Эта вещь – одна из самых сценических в репертуаре века. Да, да, я кое-что смыслю в этом деле. Это пьеса для Вахтангова, а не для Мейерхольда⁷⁸. В ней требуется только одно со стороны режиссёра – глубокое раскрытие образов, характеров, обогащение именно в эту сторону, только в эту. Тут Вахтангов был бы как у себя дома. А Мейерхольд накрутил бы вокруг да около и этим испортил бы аскетический рисунок Хемингуэя, его чёрно-белую графику. Какие благодарные роли, все без исключения, самые маленькие тоже. Лучшая из ролей – марокканка Анита.

19 октября

Вчера вечером был Костя Симонов. Я повинился ему в том, что дал прочесть нашему Владимиру Михайловичу его записи о Жукове, но Костя, сверх ожидания, отнёсся к этому вполне равнодушно. Настроение у него, по всей видимости, в точности соответствует нашему, т.е. преподлейшее, хуже не бывает, и на будущее он смотрит мрачно. Зато, как всегда, с завидной твёрдостью продолжает работать над романом. Рабочих дней у него только четыре, один на отдых, два последних – на общественные заботы и хлопоты. В четыре дня он пишет печатный лист и, таким образом, точно рассчитал, что в течение года сможет закончить роман. Это в высшей степени организованный человек, просто образец самодисциплины, за что его можно уважать и восхищаться им.

Я и волнуюсь, и страдаю, и радуюсь над романом Хемингуэя «По ком звонит колокол». Но читать его неотрывно невыносимо. Прочтёшь 20-30 страниц и шагаешь из угла в угол по комнате. Мысли сразу и о нашем времени и об этом писателе. Одно перемежается с другим. Мысль о времени страшна. Мысль об этом писателе просвет в ночной темноте.

20 октября

Сегодня с Костей мы вспомнили Тютчева:

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно.
Пусть бой и не равен, борьба безнадежна.
Над нами светила молчат в вышине.
Под вами могилы, молчат и оне.

И было обидно, что строка кончается архаическим «оне». Тут же придумали замену:

Над нами светила, молчат их огни.
Под вами могилы, молчат и они...

21 октября

Я не стану жаловаться на то, что только сейчас, через тридцать лет после выхода книги Хемингуэя, прочёл её в русском переводе. Не стану потому, что, в конце концов, это был мой собственный выбор, моё решение, и я придерживался его открыто. Да, я не стал читать «По ком звонит колокол» ни в машинописной копии перевода Жени Калашниковой, ни во французском переводе. Это было сделано сознательно, пускай не умно, даже глупо. Ладно! Но без знания этого романа никто из нас современников, сверстников и сограждан века не имеет права ни на одно из этих званий – он не современник, ничей не сверстник, не согражданин. Может быть, второй, настолько же важной книги и нет больше во всём XX веке. Она равна Дон Кихоту, Манон Леско, Домби и Сыну, Преступлению и Наказанию. Там, на тех страницах, когда-то решались судьбы человечества. Решаются они и у Хемингуэя.

Роман, конечно, не трагедия, но он больше, чем трагедия: трагичен не как жанр, а как сама жизнь. Здесь уже полная, безоглядная правда, очищенная от всякой примеси литературы, ещё более достоверная, чем жизнь. Для этого надо было быть Хемингуэем, именно таким, как он, мастером на все руки – и на то, чтобы заложить динамит, и на то, чтобы насадить живца на рыболовный крючок, и на то, чтобы овладеть любимой женщиной, и на то, чтобы с первого взгляда угадать существо ближнего. главное на то, чтобы безоглядно влюбиться в окружающих людей, в их страну, в их язык, в их правое дело. Должно было так случиться, что именно он на протяжении всей своей жизни появлялся именно там, где был более всего необходим, где ему самому было необходимо оказаться! Книга не столько мрачна, сколько трагична в самом высоком значении слова, именно поэтому, прочитав её до последней страницы, всё-таки чувствуешь очищение, облегчение, разрядку. Она не безнадежна. С катарсисом в ней не сталкиваешься лицом к лицу. Но катарсис как облегчение, очищение, разрядка неизбежно возникает в душе после того, как прочтена последняя страница и роман захлопнут. И он, катарсис, звучит примерно так:

– Да, всё это беспредельно печально, даже ужасно, отчасти отвратительно, спору нет. Но, слава богу, книга-то ведь существует, она написана теми самыми руками, которые действительно были в этом деле и облегчали это немыслимое бедствие. Книга существует, её прочли на всех языках мира миллионы людей, она стучалась в миллионы черепных коробок и грудных клеток, будила, будоражила, доводила до слёз!..

Всё-таки моя оптимистическая тирада тут же разоблачает сама себя. Разоблачает моё прекраснодушие, как говорили в сороковых годах прошлого века. Сдвинулась ли стрелка XX века хотя бы на одну сотую секунды благодаря этому роману, приостановил ли он развитие и апогей преступлений фашизма, хотя именно для того и был написан? Ничего этого не произошло.

И как раз в силу грандиозного значения этого романа на его примере очень явственно видишь, что развитие материи и духа – это два разных, разобщённых между собою процесса. Они могут идти параллельными путями, но встретятся только в бесконечности. И что в конце-то концов означает их встреча в бесконечности? Одинокие слёзы в подушку какого-нибудь дальнего потомка? Учёные изыскания другого потомка? Пятьдесят или тысяча новых памятников на пятидесяти или тысяче площадей?..

А война во Вьетнаме всё равно будет идти своим чередом, равно как советская агрессия в Чехословакии. Равно как запрещение у нас другого “Колокола”, например отечественного Солженицына. Равно как публикация пасквилей в “Огоньке” и всё прочее – безвыходное, подлое, безмозглое, безудержное, беспощадное.

22 октября

Никакой роман, никакое произведение искусства, ничей одинокий сигнальный огонь – никогда на протяжении всей человеческой истории ничего не мог «остановить», «предотвратить» и т.д. Да и не дело искусства заниматься такими вещами. Поблагодарим искусство и за то, что оно служит сигнальным огнём и притом таким, который горит вечно. Поблагодарим Хемингуэя, Гюго, Данте, Гёте и Эсхила. Очень даже неизвестно, что было бы, кабы их всех не было на белом свете. Насекомым – сладострастие, ангел – богу предстоит.

23 октября

Два с половиной дня в Москве. Записываю обо всём сразу. Во-первых, у меня два успеха: договор о французской книге в Гослите уже имеется, я его дописал, и он оформляется дальше. Второе – в “Иностранной литературе” идёт весь мой Аполлинер, если не в декабре, то в январе. Если в декабре, то публикация свяжется с пятидесятилетием со дня его смерти. Если позже, то просто как «наследие».

Вечером во вторник я выступал с чтением стихов на большой аудитории в ЦДРИ (Центральный Дом Работников Искусств. – Сост.). Это был вечер поэтов разных поколений – председатель С. Васильев. Для меня такое выступление редкость – чуть ли не раз в год. Последний раз выступал на октябрьском вечере в ЦДЛ (Центральном Доме Литераторов. – Сост.) в ноябре. Читал с ошеломляющим успехом. Меня принимали как Лемешева или Козловского.⁷⁹ Вернулся домой с пульсом в 120 в минуту. Но Зоя дала мне лошадиную дозу валерианки, и я спал как убитый, а дальше всё прошло как ни в чём не бывало. Выступать мне решительно необходимо точно так же, как писать стихи.

На следующее утро в среду пришёл ко мне поэт Егор Самченко, ему 28 лет, по профессии он врач-психиатр (уже 6 лет стажа), стремится бросить медицину и ринуться в поэзию, в литературу... Всеми доступными способами убеждения я предостерегал его от такого безрассудства. Но талант у него есть.

На вечере в ЦДРИ была Белла, которую я не видел больше года. Она должна была читать, но я не дождался этого. Познакомился с её мужем, фамилия которого Мамлин и о котором говорят всякое дурное. С первого взгляда он понравился мне: странное, диковатое лицо с копной чёрных, как вороново крыло, волос, большущий нос, и есть какое-то своеобразие во всей личности, фигуре. Белла трогательно спрашивала о стариках Нагибиных, о Юре – ни слова. Внешне она мало изменилась. И хоть я боюсь ошибиться, но, кажется, успокоилась: уравновешена, трезва абсолютно.

25 октября

<...> Читаю очерки и рассказы Хемингуэя в его 3-м томе – все связанные с Испанией тридцатых годов. Откровенность и правдивость его таковы, что иногда кажутся

наивно-детскими. Но это только кажется благодаря интонации, которая тоже всегда прощупывается в мёртвом тексте: заслуга нашего переводчика Кашкина. Ведь Хемингуэю у нас необыкновенно повезло – его открыл Кашкин и все, кто последовал за Кашкиным, были заражены и заряжены им: и Калашникова, и Рита Райт, и Топер, и Волжина. В результате Хемингуэй переведён на русский, как никто другой из англо-американцев. Сверх того, на нём выработан метод перевода. Это большое дело.

26 октября

Письмо от Володи Орлова – мало сказать печальное. Оно просто ужасное. Должен был выйти в очередном выпуске “Библиотеки поэта” двухтомник русской переводной поэзии. Он был задержан. Во вступительную статью Эткинда якобы вкралась какая-то политическая ошибка. В Ленинградском обкоме раздули целое дело. В результате главный редактор библиотеки Вл. Орлов снят с этого поста, вместе с ним снята с работы его ближайшая помощница, секретарь редакции. Снят с работы и зав. ленинградским отделением “Сов. писа”. Дело рук Толстикова.⁸⁰ Это его почерк. Всё это по меньшей мере чудовищно: по административному хамству, по наглому вмешательству в большое, прекрасно налаженное дело. Володя пишет, что поставлен крест на его двенадцатилетней огромной работе. Именно так. Сколько раз он сам хотел уйти, его не пускали, задерживали, уговаривали и прочее. Человек он уже не молодой, близко к шестидесятилетию. Вот я уже второй день хожу сам не свой, потрясённый, выбитый из колеи. Что делать, как помочь не только другу, но и делу? С кем поговорить? Попытаюсь завтра словить где-нибудь Суркова, но удастся ли? Только что уехал Симонов, и теперь он дальше от “Библиотеки поэта”, чем Сурков...

27 октября

Я сделал все свои уроки: 1) Письмо Луконину, посланное через Симонова; 2) Статейка об Аполлинере; 3) Ещё одна – о Вагифе.⁸¹ Всё сделано раньше сроков и завтра вечером будет отвезено в Москву, Вагиф пойдёт авиа в Баку, а Аполлинера я отнесу в “Иностранную литературу”.

Приехал ко мне Вадим Фадин с ворохом новых стихов, большей частью совсем плохих. Он милый и острый юноша и когда-то казался мне способным, но застрял где-то в умствованиях на пустом месте, в бесплодных ухищрениях.

Бедный Володя Орлов, как же мне помочь тебе?...

28 октября

Написал письмо Володе, но оно бессильное и жалкое; единственное, что в нём более или менее дельно, это совет приехать в Москву и действовать в СП. Зашёл утром к Дементьеву, который до некоторой степени в курсе всех этих событий. Он тоже советует действовать, но без большой спешки, ибо спешка не поможет. Советует мне самому прежде всего обратиться к Воронкову и поговорить с ним серьёзно, ибо Воронков в сущности единственный оперативный член секретариата СП.

Говорил с Дементьевым и на чехословацкую тему. Письмо подписано членами секретариата, среди них и Бажан и Салынский⁸². Значит, отказались подписать только

трое: Симонов, Твардовский, Леонов. У Дементьева в руках рукопись воспоминаний Петра Николаевича Зайцева об Андрее Белом. В ней 240 страниц. Дементьев считает, что из них можно напечатать всего полтора листа. Говорили о деле Гумилёва – в связи с хлопотами Лукницкого.

29 октября

Приехав в понедельник вечером в город, мы сразу направились к Матусовским, где была также Маргарита. Вечер у них – грустный, хороший, но больше всего тревожный: история с “Библиотекой поэта” и Орловым, другие новости того же сорта и полная уверенность, что завтра и послезавтра всё это ещё больше ухудшится.

Я начал с поисков Суркова, но его нет в Москве. В Гослитиздате Олег Лозовецкий показал мне письмо от Эткинда с теми же грустными известиями. Олег предполагает, что это Лесючевский⁸³ по трусости спихнул с себя труд разобраться во всём случае внутри издательства и сам же обратился в Обком – дескать, разбирайтесь... Это похоже на Лесючевского. Не исключается, что он же сам и «сигнализировал», проявил бдительность, так сказать. Ведь ему это не впервой. <...>

30 октября

<...> Стал читать «Человек, который смеётся» и приходит в голову интересное насчёт композиции у Гюго. Она далеко не простая: действенный сюжет – казалось бы основа всех основ у Гюго – играет самую незначительную, служебную роль. Настоящая драма разыгрывается в тяжеловесных подступах к внешней драме. Всё дело в этих медлительных, многословных эпических подступах. Вот где Гюго у себя дома. Вот что он любит.

31 октября

Лёня Первомайский в письме приводит две строки венгерского поэта Миклоша Радноти⁸⁴, которые его потрясли:

И буду я убит за то, что не жесток,
И потому, что сам я не убийца.

Не знаю, как объяснить таинственное соответствие в мыслях у двух людей, разделённых большим расстоянием, и, главное, не знаю, существует ли на самом деле такое соответствие или оно плод моего воображения, но случилось, что до получения письма от Леонида я начал писать стихи об убийстве Архимеда⁸⁵ римским солдатом, оттолкнувшись от строки, внезапно возникшей у меня в памяти: «Не касайся моих чертежей!».

Отсюда всё и пошло. Ещё не знаю, удадутся ли мне эти стихи, написанные только наполовину. Как всегда в таких случаях, ничто не ясно и останется неясным, пока (неизвестно, каким способом) не вылупится из этого яйца хоть какой-нибудь да птенец.

2 ноября

Я много возился с «Архимедом», пробовал так и эдак... Выходит, что с самого начала мне было не слишком ясно, чего я, собственно говоря, хочу; ни задачи, ни тем

более сверхзадачи (по Станиславскому) я и не подумал определить для себя. Всё здесь вертится на скользком, тайном (даже от самого себя) сближении с событиями в Чехословакии. Я понял это не сразу и тут же стал открещиваться от такого умысла – по чести сказать, совсем не привлекательного для меня. А он продолжает тревожить меня, и в стихотворении появляется двусмысленность, очень противная, потому что она труслива и еле-еле выговаривает какие-то вялые междометия. <...>

10 ноября

Был у Твардовского, пытался поговорить с ним о судьбе “Библиотеки поэта”, о Вл. Орлове. Сначала он довольно саркастически отклонил всякую мысль о заступничестве, о возможности пересмотра ленинградского решения – дескать, если мы не смогли остановить вторжение в Чехословакию, то как тут чему-то противостоять, чему-то удивляться... Всё в одной цепи, одно – следствие другого. Но через несколько минут все-таки сказал: «Что можно, конечно, сделаем...»

Потом он читал свои стихи «Из записной книжки» – ведёт её с 1956 года. Очень горькие стихи, абсолютно не для печати, но все они останутся в русском языке, в литературе и в истории навсегда. Я тоже стал читать стихи: «Океанскую почту», «В долгой жизни», кое-что из старого... Твардовский тут же попросил дать ему для “Нового мира” «Океанскую почту», он думает, что сможет её напечатать. Конечно, мне это очень по душе – почему не попытаться!

Закончил стихи про Архимеда.

11 ноября

В понедельник я немедленно по приезде в город отправился к Симонову. Он только что вернулся из Сухуми, о “Библиотеке поэта” ещё ничего не слышал. Я как умел всё ему изложил. Он понял, что дело серьёзное и важное. Стал звонить Суркову. Тот, оказывается, болен, лежит в постели. Ещё в Ярославле на комсомольском юбилее упал неудачно, и у него сотрясение мозга. Но Константин поехал к нему и оказался настолько энергичным и убедительным, что Сурков просил его действовать и от его, Сурковского, имени. Значит, он тоже согласен с моей точкой зрения. Так это дело обернулось.

12 ноября

Во вторник я напрасно искал днём хоть кого-нибудь из секретарей Союза, но в связи с Тургеневским юбилеем, с приёмом всяческих гостей и другими заботами они совсем потеряли голову.

Вечером был в Большом театре на торжественном собрании, посвящённом Тургеневу. В президиуме было тесно и душно, несмотря на грандиозные размеры сцены Большого театра. Но из писателей почти никого не было. Были второй и третий сорт – красовались в первом ряду. И среди них – идиотическая фигура председателя Леонида Соболева.

Очень неплохо говорил академик Алексеев – о мировом влиянии Тургенева, но этим он крал хлеб у иностранцев, которые тоже должны были говорить. Неплохой был концерт. Пели «Балладу» и что особенно хорошо – «Утро туманное...»

13 ноября

Утром я всё-таки говорил с Сартаковым и к моему удивлению и полной неожиданности, оказывается, он разделяет нашу точку зрения на погром “Библиотеки поэта”. Разделять-то разделяет, но, что же дальше? Ясно одно: подражая главному руководству, секретариат СП всеми силами старается не выносить никакого решения, тянуть время, оставлять вопрос взвешенным в воздухе. Это очень типично для поведения всех инстанций. Но если вдуматься в общее положение вещей, то, может быть, в таком поведении есть свой резон. Пускай лучше стоит само дело, пускай не выходят обещанные книги той же “Библиотеки”, но хоть сама постройка не накренится набок... По крайней мере, не назначат на ближайшее время какого-нибудь подлеца, которого давно уже прочат на это место!

14 ноября

<...> И тут явился Твардовский – трезвый, но явно желая выпить. Мы выставили бутылку белого молдавского вина, и он с удовольствием пил стакан за стаканом, рассказывая интересно и увлекательно о Рокоссовском⁸⁶, о мемуарах (глупых и подлых) Штеменко (нач. Генштаба при Сталине), многое о Жукове. Жуков – действительно крупная и страшноватая фигура, которая могла по-настоящему угрожать Сталину: своим авторитетом, внутренней силой, негибкостью. Это был единственный человек, решавшийся круто возражать Сталину, вообще не соглашаться с ним и добиваться своего. Рокоссовский завидовал и ненавидел Жукова.

15 ноября

Про Твардовского надо сказать одно: из всех ныне действующих, пишущих, интенсивно чувствующих писателей нашего круга и нашей ориентации Твардовский самая цельная и негибкая, несдающаяся фигура. И в то же время он очень толков, расчётлив и по-своему, по мере своих сил и возможностей – практичен. Это видно в том, как он ведёт журнал: уступая в малом и побочном, выигрывает в главном. И ещё в том, что сумел всё-таки сплотить вокруг журнала очень честных и преданных людей – с мышлением самостоятельным, с желанием драться на любом плацдарме. Вот откуда блеск этой публицистики, её так называемый эзопов язык, – хотя здесь требуется новый термин для обозначения гораздо более сложного жанра, чем басни Эзопа.

Сказанное про Твардовского остаётся в полной силе ещё и оттого, что он человек глубоко несчастный, а причина только одна – несовпадение внутренней значимости человека и поэта с тем внешним, что выпало ему на долю только теперь. Право же, тут есть сходство с Пастернаком после войны.

16 ноября

«Земля в конце концов выветривается, и пыль улетает с ветром, все её люди умирают, исчезают бесследно, кроме тех, кто занимался искусством... Экономика

тысячелетней давности кажется нам наивной, а произведения искусства живут вечно, но создавать их очень трудно, а сейчас к тому же и не модно...». Хемингуэй

Готовлю подборку стихов для “Нового мира”. Дело в высшей степени неверное и смутное, но желание Твардовского напечатать меня дорого мне в высшей степени, так что чем чёрт не шутит!

17 ноября

Вчера приехал и пробыл почти весь день Игорь Кравченко. Я постарался окончательно отредактировать его новые стихи, много подсказывал ему хороших строк, даже строф. Он растёт и начинает понемногу нравиться мне. Вечером пришёл Симонов. Мы вместе пошли провожать Игоря, а потом я зашёл к нему.

Разговор об Орлове, о “Библиотеке поэта”. Когда Симонов был у Суркова и всё рассказал ему, тот взъярился – тоже ведь ничего не знал. Немедленно стал звонить в Секретариат, связался в Виталием Озеровым, ругался и т.д. Словом, они оба действуют на полную мощность.

Константин, как всегда, сугубо практичен, ищет выход простейший, к тому же такой, чтобы не слишком выводить из себя ленинградское начальство. Например, такой выход: Орлов остаётся в редколлегии заместителем главного редактора, а этим последним сделать Суркова. Особого блеска в таком выходе я не вижу: он похож на капитуляцию, но может быть Костя прав, что надо быть реалистами и трезвыми политиками. Он исходит из того, что отменить решение ленинградского Обкома всё равно не удастся: ЦК на это не может пойти, ибо по общему правилу боги не ошибаются.

Написал большое письмо Володе Орлову, чтобы немного ободрить его.

18 ноября

Начавшаяся ещё перед Лермонтовским юбилеем, в 1964 году, моя переписка с харьковскими школьниками, устроившими у себя клуб любителей книги имени Лермонтова и его музей, продолжается до сегодня. Получил недавно письмо от всегдашней моей корреспондентки Вали Гизовой, которая уже 2 года назад окончила среднюю школу, а сейчас студентка-филолог и осталась служить в музее. Дело это продолжает расти и развиваться, повидимому, очень интересно. Письмо полно наивной восторженной любви к поэзии, к Лермонтову, ко всему, что связано с ним. Два месяца этим летом Валя проработала экскурсоводом в Лермонтовском домике в Пятигорске. У основателей выросла своя смена, новые школьники. Валя взяла тему для университетской курсовой работы: совпадения между Демоном и Печориным. Всё это, кажется мне, признаки настоящей любви и настоящей культуры.

19 ноября

Итак, зима, лёгкий мороз, ясное небо, снег утопан и держится. Всё это похоже на юность, на предчувствие чего-то доброго и милого, и я уже поспешил вчера написать стихи, кажется хорошие.

Сегодня я проснулся с чувством счастья, бодрости и ожидания. И самый сон стал у меня за эти дни другим, крепким и потому по-настоящему отдохновительным. Что-то

снится, но сейчас же забывается; какие-то путешествия, поезд, море, полнота жизни и деятельности.

20 ноября

Случилось нечто совсем противоположное тем «добрым и милым» предчувствиям, которые зафиксированы на предыдущей странице. Зоя, позвонив в город, узнала, что Лазутина Раиса Ароновна «советует» мне не являться в Москву, сидеть здесь безвыездно. Как это понять? Мы оба, Зоя и я, напрасно ломали голову над этим. Наконец, дозвонились Кипсе, которая тоже встревожилась и дозвонилась Лазутиной. Кипса была у неё. Говорит, что речь идёт о чём-то важном, что действительно «чревато» новым моим сидением на Пахре. Очень обидно в своих собственных глазах оказаться пуганой вороной! Но иначе не назовёшь себя.

21 ноября

Сегодня утром приехала Кипса и вот что рассказала. Оказывается, в поликлинику звонили из писательской парторганизации, запрашивали о здоровье двух человек – моём и писателя Костерина, который несколько дней тому назад приказал долго жить. Само это сочетание двух выглядит мрачно.

Так в чём же дело? В том-то и своеобразии положения, что оно вызывает мысли самые разные. Прежде всего вопрос: не продолжение ли это летней истории с коллективным письмом, из-за которого в марте я должен был предстать пред очи Райкома и по «нездоровью» был освобождён от этой процедуры? Или что-нибудь другое, новое? Может быть, моё заступничество за Орлова, за “Библиотеку поэта” сочтено преступлением? Может быть, моё чтение в ЦДРИ показалось кому-то предосудительным? А что же ещё? Мне не следовало красоваться в Президиуме на сцене Большого театра на чествовании Тургенева? – Вот какие странные идеи приходят в голову по нынешним временам. А может быть, просто интересуются люди моим здоровьем...

23 ноября

Вчера приехал Михаил Луконин со своим приятелем с телевидения. Он вернулся в Москву после того, как необыкновенно помпезно отпраздновал своё пятидесятилетие в Сталинграде, а сейчас устраивает 29-го в ЦДЛ ещё один свой вечер с участием множества поэтов и просит меня быть председателем. Я просто не могу отказать. Так что уже этим одним моё вынужденное сидение здесь будет прервано.

С Лукониным у меня и дружба и тесная близость и глубокий интерес к работе товарища сразу после войны в течение всех сороковых годов. Это поколебалось и затуманилось в 48-49 годах во время борьбы с так называемым космополитизмом. Он явно от меня отошёл. Собственно говоря, если уж быть честным, прежняя близость уже никогда не возобновлялась – только по его вине, а не по моей. У него появилось множество других друзей. Но я не могу, да и не хочу сколько-нибудь ставить всё это человеку в вину. Потому что отчётливо знаю: в глубине души он всегда чувствовал во мне друга.

24 ноября

Вчера днём мы были у Матусовских и наслушались от них таких печальных и страшноватых вещей о том, что делается на белом свете, в частности в Польше – дескать, там насильственно выселяют евреев в Израиль, – и ещё, и ещё многое другое. Мы оба заразились этой настройкой и моё положение показалось нам уж очень безнадежным.

А вечером к нам пришёл Симонов и в три счёта опрокинул этот трагизм. Он советует во что бы то ни стало поехать в Москву, председательствовать на вечере Луконина и вообще ничего не бояться, вести себя как всегда. И мне очень это по душе. Потому что самое скверное дело – в собственных глазах выглядеть пуганой вороной, избави меня бог от такого срама.

25 ноября

Взял я своего «Орфея» из «Болгарской рапсодии», присоединил к нему две прозаические «Сказки об Орфее», писанные год и два года назад, а также «Конец Орфея», написанный совсем недавно. Всё это очень хорошо вяжется друг с другом, и сама разность жанров – поэзии и прозы – только помогает делу, то есть увеличивает рельефность образа, правильно его усложняет. Да и в самих сказках много стихов, и они – главный стержень. Так что, кажется, я хорошо это придумал. Всё вместе называется «Книга Орфея». Я переписал её всю в одну тетрадку. Есть в ней и пробел; кажется, я смогу заполнить его, но ещё не знаю как: стихи или проза, а может быть и одноактная драма, очень короткая.

Завтра мы направляемся в город, чтобы пригласить Лазутину на улицу Щукина и чтобы она осмотрела меня и рассказала подробно, что это был за запрос.

26 ноября

В эти дни я читал (перечитывал после очень давнего знакомства) книгу Гершензона «Образы прошлого».⁸⁷ Там есть кое-что интересное, важное, неустаревшее – забавные связи Герцена, Нащокин, братья Киреевские, но есть и множество никуда не годных домыслов и материалов.⁸⁸ Особенно скучна и невыразимо устарела самая большая работа «Любовь Огарёва». Уж очень неприглядно выглядит в ней сам Огарёв.⁸⁹ Приведены в непомерном количестве его длинные, абсолютно бездарные письма к жене, полные нудного копания в себе.

К тому же и стихи Огарёва до того уж плохи, что, кажется, и не было в России поэта хуже, чем он. На Огарёва упали лучи герценовского гения, его обожгло в ранней юности это влияние, но сверх этих двух достоинств (не личных, а благоприобретённых в дружбе) у него решительно ничего не было. Может быть, уже на старости лет он как-то, тоже благодаря Герцену, духовно вырос, деля с ним дело пропаганды, но больше ничего у него нет.

27 ноября

В «Лит. России» идёт полоса с моими стихами, в пятницу они уже будут напечатаны. Получил в Москве много писем – сразу два от Володи Орлова, оба очень

печальные, он не верит в какой бы то ни было успех наших действий относительно “Библиотеки поэта”. Письмо из Киева от Ольшанской относительно моего вечера там.

С 3 часов дня мы уже на Пахре. Получил 4 тома Хемингуэя. Читаю впервые его «Опасное лето».

29 ноября

<...> Вечером был в ЦДЛ и председательствовал на вечере Луконина. Своё слово я построил довольно просто – первая часть на трёх стихотворениях: «Памяти Коли», «Мои друзья» и «Сталинградский театр», а в конце, отправляясь от известных стихов Блока («Там жили поэты и каждый встречал другого надменной улыбкой»), сравнил с нашей дружеской средой, которую демонстрировал сам президиум этого вечера, на котором было столько разных поэтов. Всё было очень хорошо принято. Прекрасно говорили Б. Слуцкий и С. Наровчатов, да и другие тоже. Я отпредседательствовал всё первое отделение (больше часа), а потом ушёл.

1 декабря

На вечере Луконина в ЦДЛ, в перерыве, в артистической комнате ко мне подошёл некоторый молодой человек, по виду весьма сердечно и участливо поздоровался, спросил о здоровье и выразил удовольствие, что видит меня. Я его не узнал и потом спросил у Наровчатова, кто это. Тот ответил: «Это секретарь нашего Фрунзенского райкома, Грузинов». Тот самый, у которого я был в знаменитый день марта и от которого пошло всё летоисчисление этого года. Отсюда всё-таки напрашивается вопрос: может, справка в поликлинике о моём здоровье и не носила «зловещего» характера, а было что-то совсем другое?

2 декабря

Зоя навела меня сегодня на мысль, которая когда-то и у меня мелькала, но я её отстранял «за ненадобностью». Моя жизнь или точнее моя карьера была с самого начала печальна и мало удачна. Сначала меня, как актера, не признал Вахтангов, и в Мансуровской студии я стал писать пьесы вместо того, чтобы играть в чужих пьесах. Но и эти пьесы, какими они ни были, не пробили настоящей дороги. Впоследствии, в театре, уже после смерти Вахтангова, я оставался только подручным, подсобным человеком в режиссуре, в чужих постановках. То же самое было и в отношении поисков репертуара – та же вторая роль.

Книги, между тем, выходили одна за другой. Я становился известен, но никак не признан. Даже на первом съезде писателей в 1934 г. получил гостевой билет, а ведь уже существовали и «Робеспьер» и «Вийон» и «Коммуна».

Я ушёл в переводы, появились друзья и почитатели в республиках. Появились ученики. Всё это было успехом, но не творческим. В годы войны работал как никогда много. Поэма «Сын» по несчастью стала трагически знаменита. Так что после войны, в первые те годы казалось бы передо мной очень широкая дорога, но тут-то и грянули 1948-1949 годы, я был объявлен космополитом. Меня и печатать перестали, и продолжалось это в сущности до смерти Сталина. Я вынужден был по предложению парторганизации

руководить секцией переводчиков. Это было интересно как живая и новая для меня деятельность, но очень далеко от творческой радости.

Тем не менее я усердно писал «В переулке за Арбатом». Она была напечатана только в 1954 году. Тут завязалось многое новое, но по-настоящему новая книжка «Мастерская» вышла только в 1958 году. Многое потом случалось и происходило разное. Жизнь на Пахре дала возможность сосредоточенной работы вплоть до 1965 года, когда щёлкнул выключатель инфаркта.

Сразу после инфаркта, перед самым семидесятилетием, всю мою жизнь пересекла история с письмом в защиту Синявского и Даниэля. Это было уже в 1966 году, всего два года назад, а в этом году новая история с письмом насчёт Гинзбурга и других. Этот год кончается через месяц. Как всегда, «я ишу свободы и покоя», но отнюдь не верю в их возможность.

<...> Но всё-таки жизнь взятая как нечто цельное и замкнутое в себе органически штука хорошая. И если говорить честно, то гораздо чаще, нежели может показаться на основании этих страничек, я всё-таки чувствовал себя человеком счастливым, даже удачником, который вытащил лучший билет в жизненной лотерее. Так что всё на свете всегда и всюду полно внутренней диалектики. И ещё и ещё раз:

Я слышу все вопросы. Все ответы
звонят, гудят во мне наперебой –

Так говорит у меня Сен Жюст, которому в ту эпоху было всего двадцать лет, но говорит за несколько дней до своей гибели. Во всём его дальнейшем коротком монологе самое полное выражение моего характера, моей настоящей сущности.

3 декабря

Я только что проснулся, а перед тем, ещё во сне или в полусне сделал очень интересное наблюдение. Правая рука – наш лучший советчик, лучший друг, лучший справочник. У правой руки – самой по себе, т.е. без участия мозга, всегда правильные, справедливые, честные и добрые импульсы. Она не подведёт и мы всегда можем ей довериться. Очевидно, здесь наличествует многовековой, миллионлетний опыт поколений.

Левая рука – глупая, слепая и глухая. От неё толку не добьёшься, несмотря на то, что некоторые, самые грубые действия она совершает лучше правой. Например, ещё в детстве мне было сподручнее играть в лапту левой рукой, держать теннисную ракетку – левой, бросать камень – левой. А зато правая рука – просто молодчина. В ней сосредоточена уйма инстинктов и возможностей, о которых мы даже ещё и не догадываемся. Самое поразительное в том, что в ней заключён нравственный корректор нашего поведения: она – ясновидящая и сама устанавливает для человека правила движения – не уличного, а высшего порядка. Уметь прислушиваться к своей правой руке – это особое искусство.

Я написал эту чепуху разве что спросонок, а днём никак за неё не отвечаю.

5 декабря

Был в “Новом мире” у Софии Карагановой, принёс в дополнение к имевшимся в редакции стихам – «Художник», «Балаганный зазывала», «Океанская почта» – ещё и

«Архимеда». София ухитрилась тут же при мне послать всю мою подборку – в набор. Но она сама же сознаётся, что не уверена ни в каком завтра этой редакции: всё неожиданно, всё неизвестно откуда и куда.

7 декабря

Оказывается, месяц тому назад, ещё до октябрьского праздника, всё-таки было внеочередное заседание Секретариата СП, причём без писателей (!). Присутствовали Воронков, Сартаков, Марков, В. Озеров и они приняли было решение, согласованное с рекомендацией Ленинградского Обкома, т.е. постановили-таки снять Орлова. Но впоследствии, узнав о вмешательстве Симонова, Суркова и других, заявили, что никакого такого решения не было, да и самого заседания не было.

По телефону Кипса сообщила, что умер Рубен Николаевич Симонов. Ему ещё нет семидесяти. Умер он после того, как долго, в течение всех последних лет болел, лечился, подолгу лежал в разных клиниках, снова возвращался к работе, к утомительным гастролям, снова заболел чем-то неопределённым, то ли сердце, то ли лёгкие.

Рубен Симонов⁹⁰ – это, самое яркое и самое характерное воплощение эпохи нашего искусства. В ранней юности (в 20-х годах) это был сплошной блеск, великолепная и непрерывная удача. Острое дарование, артистичность, ритм, юмор, обаяние – всё ему было дано с избытком, щедро.

Перечислять его роли – всё равно что писать историю Вахтанговского театра. Его любили и, больше того, хотели любить, хотели прощать ему недостатки, которых было предостаточно, но у кого их нет... Главным из них было честолюбие или рангом пониже – тщеславие.

Его тянуло к режиссуре. И он сделался режиссёром и соответственно во многом охладел к актёрству. Это многое испортило в нём. Сейчас незачем, нельзя, не хочется портить сказанное каким бы то ни было недобрым словом. Достаточно сказано было их при жизни Рубена. Тут я имею в виду главным образом себя самого.

А сейчас у меня чувство горчайшее. Такое чувство, что ушло украшение жизни, её праздник, её великолепная, яркая сторона, противоположная всяческой изнанке. Рубен был подарком жизни, на который эта старуха редко расщедривается.

8 декабря

Привезли несколько писем, среди них и от Володи Орлова, который в тревоге сообщает, что на сегодня назначен Секретариат СП и будет обсуждение ситуации с “Библиотекой поэта”. Тревога его связана с тем, что, дескать, неизвестно, кому сообщено об этом Секретариате, знают ли о нём Симонов, Сурков, Твардовский...

Я тут же пошёл к Симонову; он всё знает и обязательно поедет на заседание, обещал зайти к Твардовскому и, если тот не поедет в город, взять от него соответствующее заявление.

И Орлов пишет и Симонов подтверждает, что Полевой и Межелайтис тоже разделяют наше возмущение. Орлов пишет, что из Ленинграда прибудет Кетлинская защищать “Библиотеку поэта” от лица Ленинградской организации писателей. Так складывается это дело.

9 декабря

Сейчас Зоя уехала в город, намереваясь хоть сегодня, за день до похорон, постоять у гроба Рубена Симорова в театре. Надо надеяться, что гроб уже стоит там сегодня, т.е. через 4 дня после кончины.

На дворе – мороз, ударивший ещё вчера внезапным похолоданием с 0 до -10, а сейчас -20°.

Получил несколько писем, среди них от Наташи Банк⁹¹, читавшей недавно публичную лекцию в Ленинграде об Ахматовой и о Марине. Подробно описывает своё волнение. Очень хорошее письмо. Я тут же ответил ей. В 9-ом номере “Нового мира” ещё раз любовался на разнообразие эзоповского языка в литературной критике и публицистике. Но это знамение времени лишний раз свидетельствует, насколько тяжело и безвыходно само время!

10 декабря

Костя рассказал мне о том, как прошёл Секретариат. Никакого «согласия» на рекомендации Ленинградского обкома не дано. Орлов не снят Секретариатом. Решено провести большое заседание, пригласить Орлова для отчётного доклада о его работе, обо всей работе “Библиотеки поэта”. Сурков будет содокладчиком. По словам Кости, Сурков энергичнее и яростнее всех возражал на действия Ленинградского обкома. Вот парадокс наших дней – Сурков в этой боевой роли. Честь ему и слава. Для разговора по этому поводу с Толстиковым и другим тамошним начальством командирован Грибачёв – тоже, конечно, неожиданность. Но оказывается, и он в оппозиции – вот чудеса!

11 декабря

На гражданской панихиде в театре слушали речи Фурцевой⁹², Топоркова (из МХАТа) и Толчанова. От последнего Зоя в восторге. На всей панихиде, как это сплошь и рядом бывает теперь, налёт бюрократической, густейшей пошлости – так же, как в газетном некрологе. О смерти извещают Министерства, Комитеты, Райкомы, вплоть до завода Динамо, и последний – сам театр Вахтангова, который должен был бы открыть этот список. То же самое на траурном митинге: сначала Топорков, цедивший сквозь зубы казённую чушь и договорившийся до того, что назвал Рубена вождём, а уж потом – старейший вахтанговец, близкий друг Рубена, проработавший с ним чуть ли не все 50 лет – Толчанов. Откуда взялась эта, с позволения сказать, традиция? А Фурцева к тому же декламировала на тему, что Брежнев и всё руководство оказали честь покойнику, подписавшись скопом под некрологом. Спрашивается: кто кому оказывает честь?

12 декабря

Больше месяца тому назад я вычитал где-то, что прошлое вмерзает в память, и довольно неуклюже срифмовал три строфы, чтобы развить этот образ. Я никак не предчувствовал, что провожусь с ними вплоть до сегодняшнего дня, буду искать и отвергать варианты, что работа окажется столько же мучительной, сколько необходимой до зарезу, что на этом стихотворении будет дан некоторый бой... Может, и это удастся в

каких-то новых стихах. Но сегодня, кажется, миг вождеденный настал и стихи лежат на столе в окончательном виде.

14 декабря

<...> Никак не могу отстать, оторваться от мыслей о стихотворении «Память», всё время лезут в голову новые строфы, переделки и варианты! Спрашивается: чем же мне так дорого это стихотворение, в сущности одно из многих, которые я мог бы сочинить, а мог бы и не сочинить? В чём тут загвоздка? Может быть, за ним или даже сквозь него я разглядел путь к новой книге? А может быть, оно – пролог к «Повести временных лет», которая давно написана? Словом, тут есть какой-то секрет с ларчиком. Кончится же, как всегда, тем, что ларчик просто открывался.

16 декабря

Умер Коля Яновский, ещё один из старейших вахтанговцев, милый и скромный человек, давно уже отошедший от театра, больной сердцем много лет. Он жил на даче у Толчанова в качестве кого-то вроде сторожа, и эта неказистая судьба как-то украшала старика. <...>

18 декабря

В “Лит. газете”, вместо обычных новогодних интервью и пожеланий, придумали публиковать какие-нибудь из писем писателя, особенно интересные для читателя. Я дал своё последнее письмо к В. Афанасьеву с неумеренными похвалами по адресу его последних стихов, пусть и у него будет праздник! Заодно и реклама. Это правильное решение с моей стороны и “Лит. газета” одобрила.

19 декабря

Далее, в Гослите получил, наконец, чистые листы «Мёртвых душ». Они рассчитывают, что и книжка выйдет в декабре. Но пусть хоть в январе! Получил также листок с набором своих стихов у Софы в “Новом мире”. Перечитав их, задержался на «Балаганном зазывале» и убедился, что это большая дрянь. То же впечатление у Зои. Позвонил Софе, и она созналась, что сама так думала. Дал взамен «Память», но ещё вопрос, пойдёт ли это: стихотворение для цензоров подозрительное.

В “Сов. писе” наконец-то Бор. Соловьёв начал читать мою рукопись (что можно было сделать по крайней мере ещё год тому назад). Читает бегло, «по первому разу», но уже нашёл нужным возражать против «Кота в басне», «Слепого, играющего на аккордеоне» и обилия ранних стихов. Значит, через некоторое время предстоит разговор с ним и, очевидно, торг... Всё, как полагается.

20 декабря

Получил много писем. От В. Орлова, который отважно и мудро согласился пока что вернуться к работе в “Библиотеке поэта” и готовится к докладу. За день написал кучу писем и к вечеру совершенно чист перед всеми своими корреспондентами.

21 декабря

Среди писем со стихами, на которые я вчера отвечал, выделяю в высшей степени 19-летнего парня из Перми В. Широкова.⁹³ Здесь будет, отчасти уже имеется большой толк и будущее. Снова лирическое чувство русской истории, татар, церковей, незапамятной старины. Ответил ему почти восторженно. Зато лошадка, на которую я решительно ставил несколько лет назад, Геннадий Сухорученко⁹⁴ – никуда не годится. Он малограмотен и, очевидно, не способен расти. Всё – поверхностно, неряшливо, безвкусно, но при этом невероятная претензия. Выругал его последними словами уже второй раз за эту зиму.

В кните Щёголева⁹⁵ «Исторические этюды» (дореволюционное второе издание, “Прометей”, год не указан) интересные статьи о детстве Гоголя, о его отце и матери, о Нежинском лицее. Мне хочется расширить статью о «Мёртвых душах» и на этом важном плацдарме решать многое в самой судьбе Гоголя и его творчестве. А для этого надо заново проглядеть всё, что известно (и что наврано) о его личности. В будущем году – 160 лет со дня рождения Гоголя.

22 декабря

Я обещал написать для “Литературной газеты” о только что вышедшей в Золотой серии книжке Переца Маркиша⁹⁶, а ещё раньше обещал туда же написать о книжке азербайджанского поэта Вагад-Заде⁹⁷. Ни того, ни другого делать мне не хочется, есть только слабое ощущение долга по отношению к памяти Маркиша.

В чём секрет моей исполнительности, не знаю. Наверно, в старости приходит нескрываемый страх, что не всё успею сделать на своём веку, желание заполнить собою, своим словом, своим суждением возможно больший объём и возможно большее пространство. Тем более сильное желание, что ведь больше полугода у меня не было такой возможности. <...>

23 декабря

Как всегда, взяв Герцена с полки и почти наугад раскрыв книгу, я попадаю куда нужно – в солнечное сплетение его мысли, а она к тому же соответствует самым современным спорам. На этот раз я открыл последнее письмо из «Дилетантизма в науке». Здесь речь идёт о знаменитом «Всё действительное разумно...», о непонимании гегелевской диалектики. Герцен добивает последним своих оппонентов, среди них, очевидно, и Белинского⁹⁸.

Но очень интересно, как Герцен ищет пути для точного выражения своих мыслей, ему не хватает русского языка, русских слов. Он, очевидно, ещё думает по-немецки, но отваживается всё, что надо, сказать ясными русскими терминами. Это само по себе немалый для него труд. Появляются в языке сиамские близнецы на манер немецких –

вроде *действотворения* и прочих сросшихся одним боком корней. А соответствует современности этот давнишний спор Герцена потому, что напоминает и о наших догматиках, упёршихся навсегда в свой марксизм-ленинизм и не понимающих, что развитие любой идеи безостановочно, что сегодня она другая, нежели вчера, что всё совершается и решается не где-то в книге, а в нашей истории, которую мы сами и делаем.

24 декабря

Нашёл, наконец, у Герцена мысль, которую давно нашёл, но потерял и тщетно искал все эти годы. Мысль насчёт того, что «положительные науки имеют свои привиденьица» и далее. «Кумиры, сотворённые из всякого понятия, которое непонятно». Я убеждён, что это очень необходимо сегодня вспоминать.

Продолжаю вчитываться, вглядываться, вживаться в Герцена, его «письма об изучении природы». Для меня это навсегда открытый первоисточник. При современном положении во всех точных науках, во всём естествознании – этот первоисточник оживает заново. И, например, знаменитое восклицание Нильса Бора⁹⁹ – «Эта теория безумна, но недостаточно безумна, чтобы стать истиной». Это восклицание кажется воплем отчаяния, а не чем-то окрыляющим мысль. Это признание краха, распада самого мышления. И, наоборот, Эйнштейн кажется самым крупным мыслителем, философом, метафизиком XX века. Он выводил естествознание на ярко освещённую и прямую дорогу, извлекал её из груды разбросанного материала, осмыслял этот хлам и скарб, выводил формулу и тем самым выводил на чистую воду заблуждающихся и особенно тех, которые коснели в привычных категориях классики.

25 декабря

В “Сов. писе” наконец-то узнал от Фогельсона о требованиях ко мне со стороны главной редакции в лице Бориса Соловьёва. Этот последний обладает чудовищной памятью: помнит досконально, где и когда и что именно было у меня снято цензурой, где и когда печатано, – и всё в высшей степени точно. В связи с этим свойством он разгулялся по рукописи довольно основательно. Пострадали у меня в основном: несчастный «Кот в басне» и уже опубликованный в “Новом мире” в 1966 году «Слепой играет на аккордеоне», плюс к этому очень раннее стихотворение «Мы», которое в 1967 году напечатали в журнале “Дон”, и кроме того почти все те ранние стихи, которые печатались в ранних книжках.

26 декабря

Я не подсчитал общего числа и объёма этого изъятого материала, но он очень солиден. Кажется, ни одна из моих рукописей никогда прежде не тощала на моих же глазах в такой степени, как эта.

27 декабря

Год стремительно движется к своей развязке, а что за этим последует – кто предскажет? В Соединённых Штатах близится к концу полёт трёх космонавтов,

побывавших на лунной орбите и видевших её настоящее лицо с близкого расстояния в 120 километров. Это победа грандиозная, победа всего человечества в целом. Когда до сей поры у нас бывали такие же триумфы, весь мир и, в частности, американцы вслух восхищались, были щедры на поздравления. Почему же мы цедим сквозь зубы только о неполадках в полёте, об усталости героев? Нас, как всегда, снедают дурные, низменные, идиотические чувства, скверные подозрения. Договорились до того, что объявили это «шпионской» затеей американцев. У нас не понимают, что этим самым выдают себя с головой! Поистине, величайший враг человечества – ДУРАК. Bravo!

28 декабря

Утром говорил по телефону с Лёвой Левиным. Лесючевский ему обещал, что книжка обо мне выйдет в начале года.

Почти случайно я выхватил с полки в Москве книжку о Достоевском в процессе петрашевцев, читаю её и всё время думаю о том, как мало, ничтожно мало изменился более чем за сто лет весь ход жизни в этой стране, на шестой части планетной суши. Те же политические процессы, то же в таких случаях раздувание из мухи слона, тот же страх вольного слова о чём бы то ни было. Тогда были жупел-фурьеристы, теперь – множество мелких и безмянных. Машина государства работает безотказно.

Вчера вечером американские космонавты приводнились вполне благополучно. По телевидению показывали всех трёх.

29 декабря

Вчера вечером Кирсанов в длинном и пёстром разговоре высказал очень справедливые и важные для меня мысли обо мне, о моей теперешней работе. Он убеждает меня взяться за большую вещь, за поэму, но ещё лучше – за стихотворную драму типа «Вийона» с большим разворотом событий, лиц, взаимоотношений. Он утверждает, что надо быть «оркестром, а не отдельным инструментом, флейтой или скрипкой». Он, конечно, прав.

Я тут же предположил, что вернусь к старой мысли об Эйнштейне, о его старости и смерти, о том, что пережил Эйнштейн когда понял и оценил своё авторство в атомной бомбе и в Хиросиме. Написать такую вещь – как изображение центрального нервного узла в тревогах и бедах XX века. Написать это сильно и безжалостно, меньше всего заботясь о политике, об «обличении капитализма», совсем забыть о таких задачах.

30 декабря

Зоя не спала всю ночь и в 7 часов утра разбудила меня. У неё очень сильные боли в области сердца – очевидно, стенокардические, а кроме того совсем онемела левая нога. Я разбудил Дусю и общими усилиями мы стали растирать и согревать ногу. К довершению беды – не действует электричество, а потом и воду отключили. Это обычная картина предпраздничная. Я уже звонил Варе, чтобы прислала сюда машину и чтобы Кипса вызвала Лазутину к нам на улицу Шукина. Итак, примерно через час мы двинемся в город и, конечно, останемся там на все эти дни. Високосный год кончается бедой, тревогой.

Сегодня в больнице в десять часов вечера свет моей жизни погас. Моя Зоя скончалась.

Комментарии

-
- ¹ Кожин Вадим Валерианович (1930–2001) – литературовед, канд. филол. наук; критик, публицист.
- ² Машинский Семен Иосифович (1914–1978) – литературовед, канд. филол. наук; критик, специалист по творчеству Н.В. Гоголя.
- ³ В сохранившемся литературном архиве П.Г.А. дневник за 1944 год отсутствует. Его местонахождение составителями не установлено.
- ⁴ Арго Абрам Маркович (фам. при рожд. Гольденберг; 1897–1968) – поэт, переводчик, драматург.
- ⁵ Сутырин Владимир Андреевич (1902–1985) – прозаик, критик, сценарист, организатор кинопроизводства, политрабтник. Участник Гражданской войны.
- ⁶ Свирский Григорий Цезаревич (1921–2016) – журналист, прозаик, мемуарист. Участник ВОВ (служил в авиации, затем – воен. кор.). Подписав письмо IV съезду писателей СССР в защиту А.И. Солженицына (1967), попал в опалу. С 1972 г. в эмиграции (Израиль, Канада).
- ⁷ Гинзбург Евгения Соломоновна (1904–1977) – историк, канд. ист. наук; прозаик, мемуарист, автор романа «Крутой маршрут», принесшего ей мировую известность. Была репрессирована (1937), реабилитирована.
- ⁸ Колмановский Эдуард Савельевич (1923–1994) – композитор, народный артист СССР, лауреат Госпремии СССР (1984). В его репертуаре свыше двухсот популярных песен, романсов и произведений к драматическим и музыкальным спектаклям.
- ⁹ Речь идёт о «процессе четырёх» – деле А.И.Гинзбурга (1936–2002), Ю.Т.Галанкова (1939–1972), А.А. Добровольского (1938–2013) и В.И. Лашковой (рожд. в 1944), активистов самиздата, арестованных КГБ по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. Дело слушалось в Московском городском суде (8–12 января, 1968).
- ¹⁰ Ардаматский Василий Иванович (1911–1989) – прозаик, сценарист, журналист; работал в историко-приключенческом жанре патриотической направленности. Боец ЧОНа (1920–е). Участник ВОВ (воен. кор.).
- ¹¹ Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – историк, почётный член Московского университета; поэт, прозаик, переводчик, публицист; редактор, издатель. Создатель «Истории государства Российского»; реформатор русского литературного языка.
- ¹² Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – религиозный философ, поэт.
- ¹³ Адалис Аделина Ефимовна (имя при рожд. Аделина Алексеевна Висковатова; 1900–1969) – поэт, прозаик, переводчица.
- ¹⁴ Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948) – режиссёр театра и кино, художник, сценарист, педагог. Докт. искусствоведения (1939). Лауреат Сталинских премий (1941, 1946).
- ¹⁵ Хренников Тихон Николаевич (1913–2007) – композитор, пианист, педагог. Народный артист СССР (1963); первый секретарь правления Союза композиторов СССР (1948–1991).

---

¹⁶ Манфред Альберт Захарович (1906–1976) – историк, докт. ист. наук. Специалист по Великой французской революции; биограф Наполеона Бонапарта.

¹⁷ Тышлер Александр Григорьевич (1898–1980) – живописец, график, скульптор; театральный художник.

¹⁸ Коган Леонид Борисович (1924–1982) – скрипач, педагог. Народный артист СССР (1966); лауреат Ленинской премии (1965).

¹⁹ Мокиевич Кифа – персонаж поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души» (1842), чье имя стало именем нарицательным для обозначения малообразованного человека, предающегося нелепым умствованиям, пустым, досужим рассуждениям.

²⁰ Григоренко Петр Григорьевич (1907–1987) – генерал-майор Вооружённых сил СССР, канд. военных наук; правозащитник, участник диссидентского движения; член Московской Хельсинской группы.

²¹ Симонов Алексей Кириллович (род. 1939) – кинорежиссёр, прозаик, переводчик, педагог; правозащитник, предс. Фонда защиты гласности (с 1991).

²² Лакшин Владимир Яковлевич (1933–1993) – филолог, канд. филол. наук (1962); прозаик, мемуарист, литературовед, критик. Первый зам. глав. редактора журнала «Новый мир» (1960-е), ближайший соратник А.Т.Твардовского.

²³ Плятт Ростислав Янович (1908–1989) – актер театра и кино. Нар. арт. СССР; лауреат Гос. премии СССР (1982).

²⁴ Сименон, Жорж (имя при рождении Жорж Жозеф Кристиан Сименон; 1903–1989) – бельгийский прозаик; представитель детективного жанра.

²⁵ «Куда ей до моей Зочки – как до звезды небесной!» – З.К. Бажанова с большим успехом сыграла роль Таисии в Театре Е.Б.Вахтангова (1932). В знак признательности автор пьесы подарил ей своё фото с дарственной надписью «Зое К.Бажановой. М.Горький. 28.Х.32 г.»

²⁶ Гагарин Юрий Алексеевич (1934–1968) – летчик-космонавт, полковник ВВС СССР (1963), Герой Советского Союза. Первый человек в мировой истории, совершивший полет в космическое пространство (1961).

²⁷ Мартин дю Гар, Роже (1881–1958) – французский прозаик. Участник Первой мировой войны. Лауреат Нобелевской премии по лит-ре (1937).

²⁸ Кинг, Лютер Мартин младший (1929-1968) – американский баптистский проповедник, общественный деятель, лидер борьбы за гражданские права чернокожих в США.

²⁹ «... моя Инфанта» – персонаж пьесы П.Г.А. «Кукла Инфанта» (1916).

³⁰ Триоле, Эльза (имя при рождении Элла Юрьевна Каган; 1896-1970) – французский прозаик, переводчица, лауреат Гонкуровской премии (1944); младшая сестра Л.Ю.Брик.

³¹ Тютчев Фёдор Иванович (1803–1873) – поэт, переводчик, публицист; политический деятель, дипломат. Член-кор. Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (с 1857).

³² Фоняков Илья Олегович (1935–2011) – поэт, переводчик, критик, публицист..

³³ Розов Виктор Сергеевич (1913–2004) – драматург, сценарист, лауреат Гос. премии (1967); Кассиль Лев Абрамович (1905–1970) – прозаик, сценарист, детский писатель, лауреат Сталинской премии (1951).

³⁴ Пиляр Юрий Евгеньевич (1924-1987) – прозаик; участник ВОВ, узник концлагеря.

---

³⁵ Гранин, Даниил Александрович (фам. при рожд. Герман; 1919–2017) – прозаик, сценарист. Участник ВОВ. Лауреат Гос. премии СССР (1976), Гос. премии РФ (2001, 2016), премии Президента РФ (2014).

³⁶ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – писатель, владевший всеми литературными жанрами, религиозный философ, общественный деятель. Представитель символизма.

³⁷ Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906–1975) – композитор, пианист, педагог. Лауреат пяти Сталинских премий; предс. правления Союза композиторов (1960–1968).

³⁸ Дюпон, Пьер (1821–1870) – французский поэт, шансонье.

³⁹ Речь идет о статьях Ш. Бодлера, посвященных творчеству немецкого композитора Рихарда Вагнера (1813-1883) – опер («Летучий голландец» (перв. пост. в 1843), «Тангейзер» (1845) и «Лоэнгрин» (1850), привезенных автором в Париж (1860–1861). См. *Музыкальная критика Шарля Бодлера*. <http://wagner.su/node/1006>

⁴⁰ Колосков Александр Иванович (1909–1984) – журналист, литературовед; дир-р дома-музея В.В.Маяковского в Грузии (с 1940); автор монографий «Подвиг Маяковского» (1967), «Трагедия Маяковского» (1967), «Жизнь Маяковского» (1973) и статей об обстоятельствах гибели В.В.Маяковского. Один из организаторов травли Л.Ю.Брик, лит. наследницы поэта.

⁴¹ Троцкий Лев Давидович (имя при рожд. Лейб Давидович Бронштейн; 1879–1940). Один из организаторов Октябрьской революции (1917) и создателей Красной армии. Председатель Реввоенсовета СССР. Отправлен в ссылку (1927), выслан из СССР (1929), лишен гражданства (1932). Убит в Мексике агентом НКВД.

⁴² Лелевич (имя при рожд. Лабори Гилелевич Камансон, 1901– 1937) – поэт, критик; член РАППа. Осужден, сослан (1929, 1937), расстрелян; реабилитирован.

⁴³ Лежнев Александр Захарович (имя при рожд. Абрам Зеликович Горелик; 1893–1938) – литературовед, критик; теоретик группы «Перевал». Выступал за «органическое искусство» против теории «социального заказа», пропагандируемой ЛЕФом.

⁴⁴ Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965) – литературовед, критик; проводил «линию партии» в лит-ре. Участник всех «проработочных кампаний» (1920–1950). Травил В.В. Маяковского. О том, что недоспорил с ним, В.В.Маяковский сожалел в своей предсмертной записке.

⁴⁵ П.Г.А. ошибся, отнеся Перцова к недоброжелателям В.В.Маяковского. Перцов Виктор Осипович (1898–1980) – литературовед, критик; участник группы ЛЕФ, иссл-ль творчества В.В.Маяковского, автор «официальной биографии В.В.Маяковского в трех томах (Гос. премия СССР, 1973). Однако В.О. Перцов был участником травли Б.Л.Пастернака (1958), что и послужило причиной ошибки П.Г.А.

⁴⁶ Первенцев Аркадий Алексеевич (1905–1981) – прозаик, сценарист, драматург; троюродный брат В.В.Маяковского. Лауреат Сталинской премии (1949); кавалер орд. Ленина (1975). Участник травли писателей Еврейского антифашистского комитета, участник кампании по «борьбе с космополитизмом».

⁴⁷ Ошанин Лев Иванович (1912–1996) – поэт-песенник; лаур. Сталинской премии (1950).

⁴⁸ Навои, Алишер (имя при рожд. Низомиддин Мир Алишер; 1441–1501) – узбекский поэт, государственный деятель.

⁴⁹ Миндлин Анатолий Эмильевич (1923-2011) – инженер, публицист. Участник ВОВ. Друг семьи Антокольских.

---

⁵⁰ Дрюон, Морис (имя при рожд. Морис Самюэль Роже Шарль Дрюон; 1918–2009) – французский прозаик, политик. Член Французской академии (1967), министр культуры Франции (1973–1974).

⁵¹ Балтер Борис Исаакович (1919–1974) – прозаик, переводчик, сценарист. Участник Советско-финской войны и ВОВ. За подписание письма в защиту Ю.Галанского и А. Гинзбурга (1968) исключен из КПСС, до конца жизни занимался переводами с узбекского и таджикского.

⁵² Абрахамс, Питер Генри (1919– 2017) – прозаик из ЮАР, писавший на англ. языке; противник режима апартеида.

⁵³ Баснер Вениамин Ефимович (1925–1996) – музыкант, композитор, автор произведений для театра и кино (более 300 популярных песен). Основатель еврейского театра «Симха» в Санкт-Петербурге (1994).

⁵⁴ Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957) – художник, мастер городского пейзажа, иллюстратор произведений русской классики; критик, мемуарист; участник творческого объединения «Мир искусства». С 1938 г. подолгу жил и работал в Европе и Америке.

⁵⁵ Русланов Лев Петрович (1896–1937) – актер, режиссер московского Театра им. Е.Б. Вахтангова.

⁵⁶ Володин Александр Моисеевич (фам. при рожд. Лифшиц; 1919–2001) – драматург, сценарист, поэт. Лауреат премии Президента РФ (2000).

⁵⁷ Доронина Татьяна Васильевна (род. 1933) – актриса, режиссёр, писатель. Нар. арт. СССР (1981). Худ. рук. и дир. (1987-2018) и президент (с 2018) МХАТ им. Горького.

⁵⁸ Софронов Анатолий Владимирович (1911-1990) – поэт, переводчик, драматург, сценарист, общественный деятель. Участник кампании по борьбе с космополитизмом (1949), а также кампании, осуждавшей действия А.И.Солженицына и А.Д.Сахарова (1973)

⁵⁹ Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888) – поэт, прозаик, критик; Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – прозаик, редактор, общественный деятель; Куприн Александр Иванович (1870-1938) – прозаик, переводчик.

⁶⁰ Гусейнов, Чингиз Гасан оглы (род. 1929) – азербайджанский литературовед, культуролог, переводчик, докт. филол. наук. С 2014 г. проживает в Израиле.

⁶¹ Яковлева Татьяна Алексеевна (1906–1991) – французская и американская художница-дизайнер, модельер женской одежды. Возлюбленная и адресат двух стихотворений В.В. Маяковского (1928-1929).

⁶² Фурнаджиев, Никола (1903–1968) – болгарский поэт, переводчик редактор. Засл. деятель культуры Болгарии.

⁶³ Каплер Алексей Яковлевич (имя при рожд. Лазарь Янкелевич Каплер; 1903–1979) – прозаик, сценарист; участник ВОВ. Друнина Юлия Владимировна (1924–1991) – поэт, секр. СП СССР; участник ВОВ.

⁶⁴ Квислинг, Видкун Абрахам Лёуриц Йонссён (1887–1945) – президент Норвегии (1942–1945); Антонеску, Ион Виктор (1882–1946) – премьер-министр и кондуктор Румынии (1941–1944). Оба вели пронацистскую политику в годы германской оккупации и по окончании ВОВ были расстреляны.

⁶⁵ Семенов Юлиан Семёнович (фам. при рожд. Ляндрес; 1931–1993) – прозаик, поэт, сценарист, журналист, педагог.

---

⁶⁶ Явление, описываемое П.Г.А., в психологии называется синестезией. Это нейрологическая особенность некоторых людей, при которой ощущения, возникающие в одном органе чувств, также отзываются в другом: люди-синестеты чувствуют запах слов, видят цвет музыки или воспринимают её на вкус и т.д.

⁶⁷ Виктор Сергеевич Фогельсон (1933-1994) – главный редактор отдела поэзии издательства «Советский писатель», составитель и редактор сборников стихов «День поэзии» и многих авторских книг советских поэтов.

⁶⁸ Косолапов Валерий Алексеевич (1910–1982) – деятель культуры, редактор, критик, мемуарист. В годы ВОВ работник политуправления МВО (Моск. воен. округа). Глав. ред-р «Литературной газеты» (1960-1962), откуда уволен за выпуск номера с поэмой Е.Евтушенко «Бабий Яр».

⁶⁹ Кафаров Владимир Абдулазим оглы (1935–2000) – азербайджанский поэт, переводчик, засл. работник культуры.

⁷⁰ Бетаки Василий Павлович (1930–2013) – поэт, переводчик, критик.

⁷¹ Станиславский Константин Сергеевич (фамилия при рожд. Алексеев; 1863–1938) – театральный режиссёр, актёр, педагог; теоретик и реформатор театра, создатель знаменитой актёрской системы, получившей его имя; публицист. Один из основателей Московского Художественного театра.

⁷² Жуков Георгий Константинович (1896–1974) – полководец, маршал Советского Союза (1943). В ходе ВОВ занимал высшие военные должности, получил народное прозвище «Маршал Победы». Министр обороны (1955–1957). В послевоенные годы: как при жизни И.В. Сталина, так и в период правления Н.С.Хрущёва вплоть до 1965 г., – находился в опале.

⁷³ «В общем, ещё один подлый процесс». – Речь идёт о «демонстрации семерых», проведенной группой диссидентов 25 августа 1968 г. в знак протеста против вторжения советских войск в Чехословакию для пресечения в ней общественно-политических реформ – подавления «Пражской весны». Участники демонстрации: К.И.Бабицкий, Л.И.Богораз, Н.Е.Горбаневская, В.Н.Делоне, В.А.Дремлюга, П.М.Литвинов, В.И.Файнберг.

⁷⁴ Стивенсон, Роберт Льюис Бэлфур (1850–1894) – шотландский прозаик и поэт, автор приключенческих романов; представитель неоромантизма.

⁷⁵ Лукницкий Павел Николаевич (1902–1973) – поэт, прозаик, журналист. Участник ВОВ (воен. кор.). Биограф А.А. Ахматовой и Н.С.Гумилёва, собиратель материалов о их жизни и творчестве.

⁷⁶ Речь идет о Гумилёве Николае Степановиче (1886–1921). Поэт, прозаик, переводчик, критик. Создатель школы акмеизма, представитель «Серебряного века». Участник Первой мировой войны. Арестован по подозрению в контрреволюционном заговоре и расстрелян (1921). Реабилитирован (1992), дело признано сфабрикованным.

⁷⁷ Боков Виктор Фёдорович (1914–2009) – поэт, прозаик, собиратель фольклора.

⁷⁸ Мейерхольд Всеволод Эмильевич (имя при рожд. Мейерхольд, Карл Казимир Теодор; 1874–1940) – театральный режиссёр, актёр, педагог; теоретик и практик театра, создатель актерской системы «биомеханика». Народный артист Республики (1923). Арестован за контрреволюционную деятельность (1939), расстрелян (1940); реабилитирован посмертно (1956).

---

⁷⁹ Лемешев Сергей Яковлевич (1902–1977) и Козловский Иван Семёнович (1900–1993) – знаменитые оперные певцы московского Государственного академического Большого театра оперы и балета.

⁸⁰ Толстикова Василий Сергеевич (1917–2003) – государственный и партийный деятель, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС (1962–1970), дипломат.

⁸¹ Вагиф, Молла Панах (1717–1797) – азербайджанский поэт и государственный деятель Карабахского ханства XVIII века.

⁸² Салынский Афанасий Дмитриевич (1920–1993) – драматург, лауреат Гос. премии СССР (1984).

⁸³ Лесючевский Николай Васильевич (1908–1978) – журналист, прозаик, критик. Гл. ред. (1951–1957), затем директор (с 1964) изд-ва «Советский писатель». Автор негативных отзывов по запросам НКВД на поэтическое творчество Н.Заболоцкого и Б.Корнилова, сыгравших роковую роль в судьбе этих поэтов.

⁸⁴ Радноти, Миклош (1909–1944) – венгерский поэт, переводчик. Участник ВОВ. Депортирован в концентрационный лагерь, расстрелян.

⁸⁵ Архимед (287–212 до н.э.) – древнегреческий математик и инженер-изобретатель.

⁸⁶ Рокоссовский Константин Константинович (отчество при рожд. Ксаверьевич; 1896–1998) – советский и польский военачальник, маршал двух стран: СССР (1944) и Польши (1949). Один из крупнейших полководцев ВОВ.

⁸⁷ Гершензон Михаил Осипович (имя при рожд. Мейлих Иосифович Гершензон; 1869–1925) – историк культуры, публицист, переводчик.

⁸⁸ Нащокин Павел Воинович (1801–1854) – меценат, коллекционер, друг А.С.Пушкина; братья Киреевские – Иван Васильевич (1806–1856) и Пётр Васильевич (1808–1856) – религиозные философы, критики, публицисты, теоретики славянофильства.

⁸⁹ Огарёв Николай Платонович (1813–1877) – поэт, публицист, пианист, композитор. Друг А.И.Герцена.

⁹⁰ Симонов Рубен Николаевич (фам. при рожд. Симонянц; 1899–1968) – театральный актер, режиссёр, педагог. Гл. реж. Театра им. Е.Б. Вахтангова (1939–1968). Народный артист СССР (1946). Лауреат трех Сталинских (1943, 1947, 1950) и Ленинской премии (1967).

⁹¹ Банк Наталья Борисовна (1933–1997) – литературовед; составитель и автор примечаний к тому П.Г.А. в Большой серии Библиотеки поэта. См. *Павел Антокольский. Стихотворения и поэмы. Советский писатель. 1982.*

⁹² Фурцева Екатерина Алексеевна (1910–1974) – государственный и партийный деятель. Член Президиума ЦК КПСС (1957–1961), секретарь ЦК КПСС (1956–1960), министр культуры (1960–1974).

⁹³ Широков Виктор Александрович (род. 1945) – поэт, прозаик, переводчик, литературовед, критик.

⁹⁴ Сухорученко Геннадий Анатольевич (1934–2000) – поэт, публицист. Засл. раб-к культуры РСФСР.

⁹⁵ Щёголев Павел Елисеевич (1877–1931) – историк литературы, литературовед, публицист, драматург, археограф. Год дореволюционного издания кн. «Исторические этюды» – 1913.

---

⁹⁶ Маркиш Перец Давидович (1895–1952) – поэт, прозаик, драматург. Участник Первой мировой войны. Руководил Еврейской секцией СП СССР. Лауреат Ленинской премии (1939). Арестован и расстрелян как член Еврейского Антифашистского комитета (1952).

⁹⁷ Вагабзаде, Бахтияр Махмуд оглы (1925–2009) – Народный поэт (1984) и Засл. деятель искусств (1974) Азербайджанской ССР.

⁹⁸ Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848) – литературный и театральный критик, публицист, зав. критическим отд. журнала «Отечественные записки».

⁹⁹ Бор, Нильс Хенрик Давид (1885–1962) – датский физик-теоретик, педагог; общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по физике (1922). Внес значительный вклад в разработку квантовой механики и ядерной физики.